

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 11-12 2019

Литературно-художественный журнал

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИЦЫ ИРИНЫ ШИН

Кошкина в кафе

Кошкина идёт по Немецкой

XXI ВЕК

ВОЛГА

11-12 2019

Литературно-художественный журнал

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ДЛЯ ДЕТЕЙ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей

САРАТОВ
2019

11-12
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Евгений НОВИЦКИЙ. Ворона и корона	3
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Лев ГРИГОРЯН. Рогалик уходит в рейс	12
ПОЭТОГРАД	
Михаил МУЛЛИН. Живут ли кошки под водой?	41
ОТРАЖЕНИЯ	
Олег КОРНИЕНКО. Два рассказа	48
ПОЭТОГРАД	
Ирина ИВАННИКОВА. Облачный слон	51
ОТРАЖЕНИЯ	
Екатерина ЗВЕРЕВА. Андрюшкин день рождения	59
ПОЭТОГРАД	
Светлана ВЕДЕНЕЕВА. Жучок и паучок	64
ОТРАЖЕНИЯ	
Дмитрий КОПЬЁВ. Снегурочка из 3-го «А»	69
ПОЭТОГРАД	
Анна МОРКОВИНА. Разноцветный букет	95
ОТРАЖЕНИЯ	
Михаил МУЛЛИН. Внук-дер-кинд	99
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Светлана ГОЛУБЕВА. Двенадцать жемчужин	104
ОТРАЖЕНИЯ	
Алексей ПОПОВ. Олег Попов и пионерский галстук	113
Светлана ПАНКРАТОВА. Как тебя зовут!	116
Сергей СЛАВНЕЦКИЙ. Два рассказа	118
ИНТЕРВЬЮ	
«В предчувствии волшебства» (Беседа с писателем Ольгой Жогло)	121
В МИРЕ ИСКУССТВА	
Ольга ЖОГЛО. Сказки о художниках	127
Анна МОРКОВИНА. Ольга Кошкина и конец прекрасной эпохи	141
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	
Виталий ПОПОВ. Тучка	147
ЮБИЛЕЙ	
«Детская литература перевернула всю мою жизнь!»	149
ГОД ТЕАТРА	
Алексей ГЕРАСИМОВ. Три актрисы	155
РЕЦЕНЗИИ	
Михаил КОСТЕЕВСКИЙ. «Мне есть что защищать...»	177
ОТРАЖЕНИЯ	
Галина ШВЕЦОВА. Лёлькины картинки	180
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
Елена РИЗАЕВА. О «Волшебном фонаре» для «доисторического мальчика»	189

**Евгений
Новицкий**

ВОРОНА И КОРОНА

ЕСЛИ Б Я БЫЛ Д'АРТАНЬЯНОМ

Если б я был д'Артаньяном,
То, поверьте мне, друзья,
Забиякой и смутьяном
Первым в школе стал бы я.
Я тогда бы без опаски
Вызвал Ваську на дуэль,
Чтоб не строил Таньке глазки
И не звал «мадмуазель».
Насадил бы вмиг на шпагу...
Ой, да что это я вдруг?
Я же без него ни шагу,
Ведь Васёк – мой лучший друг.
Дружба с Васькой мне дороже
И важней сердечных ран.
Может, и неплохо всё же
То, что я не д'Артаньян.

Я ПОДОБРАЛ НА УЛИЦЕ ЩЕНКА

Я подобрал на улице щенка,
Отвоевав его у зимней стужи.
Он греет у печи свои бока –
Большой и по-щенячьи неуклюжий.
Согреется от жаркого огня,
Пройдёт волна холодного испуга,
И знаю, с той минуты у меня
Уже не будет преданнее друга.

ПРИЗНАНИЕ СТАРОЙ МЫШИ

Книги делают умней,
Но не всех, поверьте мне.
Я изгрызла их немало,
А умнее вот не стала.

● Евгений Валерьевич Новицкий родился в 1976 году. Детский писатель и поэт. Автор более шестидесяти книг. Публикуется в периодических изданиях Украины, России, Беларуси, Узбекистана, Канады, Австралии, Финляндии.

НЕ ХВАТИЛО ПЛАСТИЛИНА

Я хотел из пластилина
Сделать крошку Чиполлино,
Но подумал, что ему
Будет скучно одному.
И слепил, на всякий случай,
Чиполлоне, Чиполлучча,
Чиполлетто, Чиполлотто
И ещё, кажись, кого-то.
Вроде вся семейка в сборе,
Только вот какое горе:
У меня на Чиполлино
Не хватило пластилина.

ВСЕМ ПОКА!

– Эх, – сказал снеговик, став на лыжи, –
А весна-то всё ближе и ближе!
Вам, ребята, тепло как награда,
Ну а мне его вовсе не надо.
Я дружу с холодами и стужей,
А на солнышке стану я лужей.
На меня не держите обиду.
Всем пока! – И ушёл в Антарктиду.

ВИНОВАТ

Снеговик упал в сугроб.
Встал, потёр смущённо лоб
И сказал: «Прости, мой брат,
Оступился. Виноват».

ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ

Мы с Колькой – верные друзья,
Нас не разлить водой.
На задней парте он и я
В морской играем бой.
Стараемся как никогда,
Аж выбились из сил,
Но всё же Колькины суда
Я первый потопил.
Ушли они в пучину вод,
Им всем возврата нет,
И я готовлю новый флот
Для будущих побед.
Но вот учитель взял журнал
И, подойдя к окну,
Мою фамилию назвал,
И я пошёл ко дну...

ЗОЛОТОЙ

Почему меня все рыжим зовут?
«Рыжий, рыжий!..» – слышу я там и тут.
«Рыжий, дай», «Рыжий, сядь», «Рыжий, стой...»
Ну хоть раз бы кто сказал: «Золотой!..»

ЧУДО-ПТИЦА

Одинокий самолёт
В небе серебрится.
Смотрит гусь и не поймёт:
– Что за чудо-птица?
Вроде бы породы нашей –
Высоко летает,
А вот крыльями не машет.
Разве так бывает?

ХВАСТЛИВЫЙ ВОРОБЕЙ

Не боюсь я грозной кошки,
Проучу её сполна,
Если только на дорожке
Вдруг покажется она.
Ой, кто это там усатый
Притаился под кустом?
Ладно, мне пора, ребята,
С кошкой разберусь потом.

УГОСТИ МЕДВЕДЯ!

Нёс малину я домой
Из лесу в корзинке.
Вдруг медведь передо мной
Вырос на тропинке.
Я, друзья мои, не скрою,
Очень испугался.
Но медведь обедать мною
И не собирался.
Тронув лапою корзину,
Он сказал мне: «Федя,
Очень я люблю малину.
Угости медведя!»

ОДИНОКАЯ МУХА

Кричите вы, что я плохая,
Что лезу к вам без приглашенья.
Вот тут поправлю вас слегка я:
Не лезу, а ищу общенья...
Да, я натура неглубокая,
Но чрезвычайно одинокая!

ВОРОНА И КОРОНА

– Эх, – сказала ворона, –
Была б у меня корона,
Серебряная иль золотая...
В общем, неважно какая.
Разве в металле дело?
Главное, чтоб блестела.
Я бы её надела
И – поспорить могу на перо –
Сделалась бы похожей
(Не как две капли, но всё же)
На принцессу из сказки Перро...

Летом ели зеленели,
А зимою – побелели.
В том, что побелели ели,
Виноваты лишь метели.

НИ СЛОВЕЧКА...

Мы слышали, что сорока
Знает много новостей,
Их приносит издалёка
И, конечно, на хвосте.
А сегодня на крылечко
Две сороки прилетали,
Но они нам ни словечка
Почему-то не сказали...

ПЕСЕНКА КОТА В САПОГАХ

Когда по гулкой мостовой
Звенят мои шаги,
Я слышу шёпот за спиной:
– Вот это сапоги!
И приглушённый разговор
Торговок городских:
– Кто тот сиятельный сеньор,
Который носит их?

КТО ЛОПУХ?

Вдоль забора по дорожке
На одной скачу я ножке.
Зойка вслед кричит:
– Лопух!
Упадёшь, скачи на двух!
Отвечаю Зойке честно:
– А на двух неинтересно,
Не захватывает дух!
Ну, и кто из нас лопух?

МЕЧТЕ НАВСТРЕЧУ

Лягушонок верит, что когда-то
Храбрым капитаном станет он,
Твёрдо стоя у руля фрегата,
Поведёт его сквозь стены волн.
И неважно в общем-то, ребята,
Что сейчас плывёт он по реке
К узенькой полосочке заката
В старом полустёртом башмаке...
В небе вечер зажигает свечи,
Лягушонок не сбавляет ход:
Он плывёт своей мечте навстречу
И, я точно знаю, доплывёт!

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОХОТУ

Добрый день, мадам акула!
Как здоровье, как дела?
Время спину не согнуло?
Челюсть нижняя цела?
Если так, то приглашаю
В наши милые края.
Буду рад за чашкой чая
Посудачить с вами я.
Приплывайте к нам в Луару,
Здесь чудесная вода.
Погоняем щук на пару
Вдоль реки туда-сюда.
Этих фурий тут без счёта.
Зуб даю, точней, плавник:
Ждут вас славная охота
И весёленький пикник!
В общем, будете довольны,
Позабавитесь, как встарь.
Ваш радушный, хлебосольный
Дальний родственник – пескарь.

ОСТОРОЖНЫЙ МЫШОНОК

– Эй! – кричит мышонку кошка,
Сидя возле норки. –
Поиграй со мною, крошка,
Дам кусочек корки.
Хочешь, вместе погоняем
Бабушкин клубочек,
Хочешь, в салки поиграем,
Выходи, дружок!
Ей мышонок отвечает:
– Не трудись напрасно.
Пусть щенок с тобой играет,
Ну а мне – опасно!

НЕНАДЁЖНЫЙ СТОРОЖ

– Козёл, ответь нам, где капуста?
На грядке почему-то пусто.
Ты что, не охранял её,
Тогда зачем тебе ружьё?!

Козёл вздохнул, потом сказал:
– Нет, я капусту охранял.
Её от зайцев уберёт,
А от себя, увы, не смог!

КРИК ЦВЕТОЧНОЙ ДУШИ

Я тихонько увядаю
В кухне на окне
И всё думаю-гадаю:
Кто поможет мне?
Где вы, люди? Пожалейте,
Без воды – два дня!
Ну полейте же, полейте
Наконец меня!

ГОСТЕПРИМНЫЙ ПАУК

Хоть я с виду и ужасен,
Но нисколько не опасен.
Мухи! Кто наплёл вам басен
О злодее-пауке?
Надо чаще нам встречаться.
Стоит ли меня бояться?
Прилетайте покачаться
В моём новом гамаке!

ГДЕ ЖЕ ЛЁД?

Захотелось как-то хрюше
Покататься на катке.
Выбрал он коньки получше
И отправился к реке.
Прибежал на берег хрюшка.
Что такое? Не поймёт!
В речке плещутся лягушки,
А куда же делся лёд?!
Стало грустно поросёнку,
Он уселся на песок
И спросил у лягушонка:
– Отчего всё так, дружок?
Здесь же прошлую зиму
Было всё покрыто льдом,
А теперь передо мною
Не каток, а водоём!

Засмеялся лягушонок
И плеснул в него водой:
– Сам подумай, поросёнок,
Ведь ответ такой простой!
Да, зимою речка эта
Вся была покрыта льдом.
Но сейчас же, братец, лето!
Или ты забыл о том?

КРОЛИК ТОМ

Кролик Том боится грома.
Если в небе грянет гром,
То на улицу из дома
Ни за что не выйдет Том.
Заберётся он в кладовку
И, пока не стихнет гром,
Будет с хрустом грызть морковку
В гамаке под потолком.

ЗАЙКИНА МЕЧТА

– Если бы, – вздыхает заяка, –
У меня был лев ручной,
Ни лиса, ни волчья шайка
Не гонялись бы за мной.
Летом он бы спал под ёлкой,
А зимой – на чердаке.
Я б его кормил морковкой
И водил на поводке!

СЛАДКОЕЖКА БЕГЕМОТ

У бегемота Янки
Плохое настроенье:
Закончились баранки,
Конфеты и печенье,
А в трёхлитровой банке
Закончилось варенье...
Ах, бедный, бедный Янки,
Такое невезенье!
Забрался он в болото,
Нос выставил и ждёт:
Вдруг тортик ему кто-то
На блюде принесёт.

НЕДОБРАЯ ПОДРУГА

Я недобрая подруга,
Укусить могу и друга.
Почему недобрая?
Потому что кобра я.

И Я ИГРАТЬ УМЕЮ...

Однажды обезьянки
На стареньком рояле
Для бегемота Янки
Турецкий марш сыграли.
Смущаясь и краснея,
Сказал им тихо Янки:
– И я играть умею,
Но только... на шарманке.

О ЧЁМ МЕЧТАЕТ ШАРКИ

У поросёнка Шарки
Сегодня день рождения,
Друзья несут подарки,
Цветы и поздравленья.
Но отчего у хрюшки
Такой печальный вид,
Не радуют игрушки,
Конфеты и бисквит?
Сказал зверушкам Шарки:
– Душевно извините,
Спасибо за подарки,
Но... вы их заберите.
И тортик мне не нужен,
А если знать хотите,
Мечтаю я о луже –
Её мне подарите.
Я буду в ней валяться
С утра и дотемна,
С лягушками плескаться
И черпать грязь со дна.
Ведь знают даже дети,
Что лужи для свиной
Милей всего на свете
И сладостей важней!

ЭСКВАЙР ДАК

Наш сосед, эсквайр Дак,
Старый лондонский чудака,
Никогда не ходит в гости
Без своей любимой трости.
К вам явиться может он
Без чулок и панталон,
Без жилета, сюртука,
Шляпы или парика –
Так бывало иногда.
Но без трости – никогда!
Ведь эсквайр не ходит в гости
Без своей любимой трости...

ЕЖОНОК И ЁЛКА

Говорит ежонку ёлка:
– Погляди-ка на меня:
Как и ты, я вся в иголках,
Значит, мы с тобой родня!
А ежонок ей в ответ:
– Что ты, ёлка! Вовсе нет.
Хоть колюча ты, но всё же
Быть роднёю мне не можешь.
У меня среди родни
Только ёжики одни!

ТЩЕСЛАВНЫЙ КОМАР

Нечасто дарит жизнь, друзья,
Приятные моменты.
Зато, летая, слышу я
Порой аплодисменты.
Какой ни есть, а всё ж успех,
И он бывает не у всех!

СЫН ОФИЦЕРА

На поле футбольном
Валерка лежал.
Ему было больно:
Мяч в ногу попал.
Губу закусил,
В лице ни кровинки,
Но не проронил
Ни единой слезинки.
Туманится взгляд,
Боль резче и резче.
Ему говорят:
– Поплачь, будет легче.
– Ну что вы, друзья, –
Отвечает Валера, –
Мне плакать нельзя,
Я ведь сын офицера!

ЦЫПЛЁНОК И КОШКА

Пушистый цыплёнок стоял на дорожке
И глаз не сводил с притаившейся кошки.
Он, видимо, с ней подружиться хотел,
Но был ещё мал и вдобавок несмел.
А кошка на жёлтое чудо глядела
И тоже, видать, подружиться хотела.
Но курица-мама, отважная птица,
С цыплёночком ей не дала подружиться.
И сделала это совсем не напрасно,
Ведь с кошками дружба ужасно опасна!

Лев
ГРИГОРЯН

РОГАЛИК УХОДИТ В РЕЙС

РОБОТ И ХОБОТ

В уголке просторного музейного зала стоял робот – серебристая фигура в человеческий рост, сделанная из металла и пластмассы. У робота была круглая голова с лампочками-глазами, блестящее туловище-цилиндр, а к туловищу крепились на шарнирах руки и ноги.

Робот стоял без движения месяцы, годы, и ничего с ним не происходило.

Но однажды за окнами музея разразилась гроза невиданной силы. Порывом ветра побило стёкла, внутрь ворвался бушующий вихрь, и робота с ног до головы окатило холодными брызгами – словно морской волной. Хлестал дождь, заливая паркет музейного зала, ветер выл как напуганный зверь, но сквозь грозовую тучу уже пробивалось солнце.

Гроза оказалась короткой, и не успели затихнуть последние струи дождя, как над городом взошла зыбкая радуга – дальний конец её терялся за горизонтом, а другим концом радуга скользнула в музейное окно и нежно коснулась робота.

Разноцветные блики заиграли у робота на лбу и щеках, засияло переливами блестящее туловище – серебристым, сиреневым, розовым, жёлтым, зелёным светом.

Всё это было так необычно, что робот ожил.

Как с ним такое произошло, он и сам не понял. Может, случилось чудо, а может, вода просочилась ему в черепную коробку и замкнула какие-то провода, микросхемы, транзисторы...

-
- Лев Арменович Григорян родился в 1980 году. Рассказы, сказки и стихи публиковались в журналах «Нева», «Дарьял», «Веси», «Литературная Армения», «Нижний Новгород», «Огни Кузбасса», «Доля», «Истоки», «Южная звезда», «Техника – молодёжи», «Звонница», «Русское эхо», «Изящная словесность», «Балтика-Калининград», «Сура», «Казань», «Проталина», «Родная Кубань», «Дон новый», «Знание – сила: Фантастика», «Юный техник», «Вышгород», «Крещатик», «Родная Ладога», «Голос эпохи», «Северо-Муйские огни», «Идель», «Лава», «Машины и Механизмы», «Соты», «Огни над Бией», «Молоко», «Великороссъ», «Русский свет», «Наша улица», «Южный остров», «Кольцо А», «Стражник», альманахах «Земляки», «Образ», «Менестрель», «Подсолнушек», «Территория слова», «Под часами», «Ковчег», «Новый Континент» и др. Лауреат конкурса «Хрустальный родник» (2018) – 1-е место в номинации «Проза для детей». Финалист конкурсов: «Новые сказки» (2017) издательства «Союз писателей», «Фаншико» (2018) издательства «Шико-Севастополь», «Славянские традиции» (2019), «Добрая лира» (2018) и многих других.

Так или иначе, робот покрутил головой, осмотрелся по сторонам, сосчитал до шестнадцати, чтобы немного размять свой электронный мозг, онемевший за годы бездействия, и сказал:

– Я мыслю. Значит, мне есть чем мыслить. Голова на плечах не напрасно.

Голос робота звучал механически гулко и немного отрывисто.

– Надо выяснить, что ещё я умею, – сказал сам себе робот и подвигал руками.

Руки слушались безупречно. Тогда робот сделал шаг вперёд, но поскользнулся на мокром полу и чуть не упал. Замахав руками, он едва удержал равновесие.

– Я могу говорить, ходить и справляться с житейскими трудностями, – заключил робот.

Такое обилие талантов привело его в хорошее настроение, и робот при помощи встроенного динамика замурлыкал себе под нос весёлую песенку. Когда песенка отзвучала, у робота родился новый вопрос:

– Интересно, где я?

Осторожно, стараясь не упасть, он прошёлся по музейному залу. На стенах висели картины в позолоченных рамах – пейзажи, дворцы, морские сражения, а вдоль стен высились белые статуи – мраморные, гипсовые и гранитные. Это были фигуры воинов, греческих царей и богов, прекрасных вакханок и козлоногих сатиров, но робот этого не знал, он понял лишь, что статуи немного похожи на него – ведь у них тоже есть голова, туловище, руки и ноги.

Робот попробовал заговорить со статуями, но те молчали, а больше в зале никого не было.

«Странные, – подумал робот. – Кто они?»

Ответа на вопрос не нашлось, и тогда робот озадачился ещё больше.

– А кто такой я? – спросил он вслух.

Голос его отразился эхом и вскоре замер в пустынных коридорах музея.

Робот долго думал, тёр лоб пластиковой ладонью, мигал глазами-лампочками, пока одна из лампочек не перегорела, но так и не нашёл никакого ответа. А без этого обрётённая жизнь вполнину утратила прелесть и смысл.

Очень долго стоял робот не двигаясь, погружённый в размышления, и, возможно, так и зачах бы в конце концов от тоски, если б не произошло непредвиденное: в разбитое бурей окно просунулся длинный шланг, а вслед за шлангом – огромная голова с широченными ушами. Голова принадлежала слону, а «шланг» оказался хоботом.

– Ого! – произнесла голова низким бархатным голосом. – Никак Нельсон ожил!

Голова исчезла столь же внезапно, как появилась, за окнами послышался гулкий топот, и спустя три минуты в музейный зал через створчатые двери протиснулся жизнерадостный слон.

– Привет, – сказал слон.

Для слона он был, наверное, невелик, но роботу показался огромным.

– Добрый день, – вежливо поздоровался робот. – Вы ко мне?

– К кому же ещё? – слон дружелюбно качнул головой. – Я смотритель музея. Кстати, лучше на «ты». Меня зовут Хоботонго.

– Хо-бо-тон-го, – повторил робот по слогам, чтобы лучше запомнить.

– Можно просто – Хобот. Так меня величают друзья, – скромно добавил слон.

– А меня никак не зовут, – вздохнул робот. – Я ведь даже не знаю, кто я. И друзей у меня тоже нет.

– Это легко исправить, – заметил слон. – Хочешь дружить со мной?
– Я-то хочу, – робот развёл руками, – но разве можешь ты водить дружбу с неведомым существом, у которого даже имени нет?

Робот грустно мигнул глазом-лампочкой.

– Как нет? – удивился слон Хобот. – По музейной описи ты значишься как Робот NL-SN2, а в обиходе мы, работники музея, всегда звали тебя просто Нельсон. Ты, надеюсь, не против? Имя славное, знаменитое. Да и глаз у тебя остался один, прямо как у древнего Нельсона. Но это мы поправим.

Слон протопал в угол музейного зала, где стоял незаметный металлический шкафчик. Ловко орудуя хоботом, слон открыл шкафчик и извлёк оттуда исправную электролампочку. А робот Нельсон, послушно следуя указаниям нового друга, заменил себе перегоревшую лампу и, довольный, трижды мигнул обоими глазами, знаменуя выздоровление.

– А кто это – древний Нельсон? – поинтересовался робот – ему хотелось узнать, чьё имя он носит.

– Был такой адмирал, – пояснил слон. – Одноглазый, но очень талантливый.

– Адмирал? – переспросил робот.

Он ожил совсем недавно и не знал самых простых вещей.

– Адмирал – такой морской человек, командир военного корабля, – сказал слон Хобот и для наглядности расправил уши, словно паруса. – Корабли плавают по морям – вот как здесь.

Он указал хоботом на одну из картин, украшавших собою стену. На картине по бурному морю плыл старинный корабль с высокими мачтами.

Робот Нельсон обдумал новые слова, выбрал самое из них главное и спросил:

– Кто такой *человек*?

– О! – сказал Хобот важно. – Человек – существо из породы людей. Люди прежде населяли нашу планету. У них, как и у тебя, было по две ноги, две руки и ещё голова с неразвитым хоботом, который они называли «нос». А так как носом своим они ничего делать не умели, для выживания людям приходилось шевелить руками и думать головой.

– Совсем как мне, – удивился робот Нельсон.

А слон продолжал рассказ (он был большим знатоком истории человечества, недаром работал смотрителем музея):

– Люди так много думали и так ловко шевелили руками, что в конце концов создали великую цивилизацию. Цивилизация – это когда много домов, книг и машин. Музей, где мы с тобой сейчас беседуем, тоже построили люди, чтоб хранить в нём свои достижения. И тебя, друг мой Нельсон, тоже сделали люди – по образу своему и подобию, чтобы ты упрощал им жизнь.

– Вот оно как, оказывается, – пробормотал ошарашенный робот. – Значит, я не сам по себе такой двуногий и головастый. И есть у меня особая цель. Но где же те люди, для которых я должен трудиться? Где мои создатели?

Хоботонго чуть погрустнел.

– Нет их, – сказал он и выписал хоботом в воздухе волнистую линию (у слонов такой жест означал извинение за неразгаданную загадку). – Вымерли люди давным-давно. А как, почему – никто и не знает. Может, война была или страшная эпидемия. Только нет на Земле теперь ни единого человека. Вся цивилизация их цела – дома, книги, дороги, машины, мосты... А людей – никого. Одни мы, слоны, населяем планету, да ещё неразумные всякие твари – кошки, волки, обезьяны, медведи...

Эта новость так опечалила робота, что он сел на скамеечку, предназначенную в древние времена для музейных работников, подпёр голову руками и включил через свой динамик балет «Умирающий лебедь».

Слон же Хобот, понимая, что роботу нужно время, чтобы справиться с огорчением, деликатно отошёл в сторонку, вооружился шваброй и принялся наводить порядок в музее.

Робот Нельсон безучастно смотрел, как слон протирает пол, собирает в корзинку битые стёкла, расправляет на окнах шторы. Но вскоре деятельная натура робота взяла верх, и он предложил другу помощь.

Вдвоём они кое-как навели чистоту. Оставалось лишь вставить новые стёкла, но для этого требовалась бригада слонов-стекольщиков, и ждать их следовало не раньше понедельника. Нынче же была суббота, так что Хоботонго предложил роботу прогуляться по городу – посмотреть, как живут слоны, и полюбоваться наследием человеческой цивилизации.

Друзья проследовали по пустынным коридорам музея. Лишь теперь робот Нельсон заметил, что музей пребывает в упадке: позолота картинных рам потускнела, статуи густо покрыты пылью, корона на челе одного из царей съехала набок, и от падения её удерживало только царское ухо.

– Не успеваю присматривать, – виновато признался Хобот.

Но тут друзья вышли на улицу, и робот сразу забыл о музее. В городе было чему подивиться. По широким улицам туда-сюда сновали самодвижущиеся платформы на четырёх, а то и шести колёсах, и на платформах разъезжали слоны в разноцветных пополах.

Вид у слонов был деловой и серьёзный – ясно было, что они не просто катаются развлечения ради, а спешат на работу, провожают в школу слонят или едут встречать на вокзале престарелую тётушку-слониху из соседней деревни, пожелавшую навестить городскую родню.

Другие слоны шли пешком по обочине. Некоторые из них окликали Хоботонго как старого знакомого и с любопытством поглядывали на робота, но вопросов не задавали. Хоботонго вежливо раскланивался, покачивая белоснежными бивнями.

У некоторых слонов поверх хобота было надето особое приспособление: оно как бы продолжало хобот, деля его при этом на два «рукава» – левый и правый.

– Хоб-разветвитель, – пояснил роботу его спутник. – Био-хобо-насадка.

– А зачем? – спросил Нельсон.

– Удобно. У людей было по две руки, а у нас, слонов, хобот один. Держишь в нём, скажем, зонтик, а портфель нести уже нечем. Вот и придумали такую насадку. Очень помогает: левым полухоботом ешь мороженое, а правым чешешь за ухом, например. Да это ещё простая модель, двухконечная. У слонов поталантливее есть трёххобица – насадка с тремя концами. Вот ею управлять не так просто, приходится долго учиться, сдавать экзамен инструктору. Я в прошлом году шесть раз сдавал, и всё зря: инструктор вредный попался, чуть вообще мне хобот не оторвал.

Нельсон слушал товарища невнимательно. Его больше занимало, что творится вокруг.

Светило солнце, после недавней грозы асфальт поблёскивал весёлыми лужицами, в которых отражались силуэты повозок, фонарные столбы, облака...

По сторонам улицы тянулись кирпичные здания высотой в два-три этажа, а некоторые и выше. Когда-то их строили люди, но в эпоху слоновьего царства верхние этажи оказались не нужны и пришли в запустение, ведь слонам было трудно взбираться по человеческим лестницам. Обжитым оставался только первый этаж, причём для удобства широкой слоновьей природы вместо прежних дверей были сделаны большие проёмы в стенах, иначе ни один взрослый слон не проник бы внутрь.

Перегородки между квартирами тоже, конечно, были разрушены. Если уж в доме селился слон, то он занимал весь этаж, превращая его в просторный вольер.

Обо всём этом Хоботонго рассказывал Нельсону в надежде поразить того слоновьей изобретательностью. Но Нельсон не пришёл в восхищение, наоборот, он всё больше грустнел.

По тротуару вдоль шоссе шествовал молодой слон в полосатых штанишках и вёл на поводке мохнатую моську, которая нещадно лаяла на всех без разбору. Обычай держать собак слоны тоже унаследовали от людей, но традицию эту сохранили не для забавы, а ради пользы: собаки защищали город от крыс, диких кошек и даже от обезьян, которыми кишели леса по соседству.

Вообще слоны были очень разумными животными и без пользы не делали даже лишнего шага. Вся их жизнь подчинена была голосу рассудка.

Скоро Нельсон убедился в этом воочию. Друзья как раз вышли на просторную круглую площадь, посреди которой стоял древний памятник: две высоченные человеческие фигуры из серебристого мрамора – мужчина и женщина в блестящих скафандрах с откинутыми шлемами, а рядом с ними стремилось ввысь небывалое сооружение – космическая ракета.

– Памятник Покорителям космоса, – пояснил Хобот Нельсону.

У подножия памятника копошились слоны, в сравнении с монументом казавшиеся не особенно крупными.

Каково же было удивление Нельсона, когда двое слонов, привстав на задние ноги, передними вдруг дружно ударили по одной из фигур. Раздался оглушительный гул. Удар был настолько силён, что скульптура закачалась. А слоны, не тратя времени даром, нанесли уже новый удар.

– Что они делают? – воскликнул Нельсон.

– Сносят памятник, чтобы расчистить площадь, – объяснил Хоботонго. – Видишь, повозкам сейчас приходится огигать площадь по кругу? А если вместо скульптуры проложить прямую дорогу, повозки поедут быстрее. Удастся выгадать минуту, а то и все полторы. Огромная польза!

Робот подумал, что его друг шутит.

– От какой-то минуты – огромная польза?

– А ты умножь на число повозок, – деловито посоветовал Хобот. – Здесь каждый час проезжает до сотни слонов, и если каждый сэкономит минуту...

– Но ведь памятник очень красивый! – перебил его Нельсон.

В этот миг старания слонов увенчались успехом: одна из человеческих фигур с тяжким грохотом опрокинулась наземь.

– Памятник посвящён Покорителям космоса, – напомнил Хоботонго. – Он сделан людьми и изображает людей. А слонам зачем космос? Нам и здесь, на Земле, хорошо.

– Нет, – сказал растерянный Нельсон и мигнул лампочками-глазами. – Неправильно это – ломать красоту. Губить память о прошлом...

– Ну-ну, – подбодрил его слон, – не вешай хобот! Для памяти у нас есть музей, а здесь проляжет красивая ровная трасса.

– Что же вы музей заодно не снесёте? – проворчал робот. – Какая в нём польза?

– Очень большая, – терпеливо пояснил слон. – По музейным реликвиям наши учёные пытаются выяснить, отчего погибло человечество. Вдруг нам тоже грозит опасность?

– И как, обнаружили что-нибудь?

– Пока нет, – вздохнул Хобот. – Люди создали очень живучую цивилизацию. Их дома стоят до сих пор, их машины всё ещё ездят, их фабрики как заведённые производят еду и массу полезных вещей. А вот сам человек словно сгинул куда-то.

Чтобы развеять печаль Нельсона, Хоботонго предложил зайти в кафе немного перекусить.

Друзья свернули на узкую улочку, лучом уходившую с площади, и там обнаружили уютный теремок под вывеской: «МакСлоник». Внутри на мягких матрасах возлежали слоны; рядом с каждым матрасом имелось возвышение, где стояли подносы с едой. Одни слоны потягивали сладкий нектар из пластиковых стаканов размером с ведро, другие поедали исполинские бутерброды и пирожные.

Между рядами лежанок проворно сновала молодая официантка на четырёх каблучках, с напояженным хоботом и нарисованными тушью бровями. На шее её висел бейджик: «Илона».

Хоботонго отыскал пару свободных матрасов, и друзья расположились с удобством. Нельсон, впрочем, терзался сомнениями: подойдёт ли ему слоновья пища? По правде, он и голода-то не чувствовал. Но Хоботонго заказал ему чашечку машинного масла, а себе двойной слонбургер и сливочный рожок.

– Желаете добавить картошку-фри? – лучезарно улыбнулась официантка Илона, принимая заказ.

– Я на диете, – отказался Хобот, оглядывая себя в поисках талии.

Спорить Илона не стала и уже через пару минут вернулась с готовым заказом. Над чашкой машинного масла курился пар.

– Вологодское, – заметил Хоботонго. – Высший сорт. Пей, не бойся.

Нельсон осторожно отпил глоток и сразу почувствовал себя веселее. Напиток будто прогрел его механизм изнутри. Робот расслабился и стал благосклонно взирать, как его друг поглощает сливочный рожок размером с античную амфору.

– Тебе не предлагаю, – извинился Хоботонго с набитым ртом. – В мороженом много углеводов, для твоих микросхем это вредно.

– Откуда берётся вся эта пища? – любопытствовал Нельсон.

– Из подземных фабрик доставляется в город по самодвижущейся ленте. Официантам достаточно нажать нужные кнопки да завернуть в упаковку. Остальное всё автоматика. Так устроили люди.

– Выходит, вы, слоны, живёте на всём готовом? – заключил Нельсон.

– Именно! – горячо закивал Хобот. – Очень удобно, правда? Столько пользы задаром. Нам сказочно повезло!

И он одним махом откусил половину слонбургера.

– Несправедливо это, – с негодованием парировал робот. – Нечестно по отношению к людям. Они создавали, изобретали, а теперь...

– А теперь их нет! – внушительно подытожил Хобот и утёр бивни бумажным платочком.

– А вдруг кто-нибудь уцелел? – вскинулся Нельсон, и глаз его сверкнул двухсотваттной искрой. – Вдруг где-нибудь ещё остались люди?

– Мы искали, – терпеливо возразил Хоботонго. – Долго искали. И не нашли.

– А я найду! – воскликнул Нельсон и вскочил на ноги, охваченный внезапным порывом. – Не может быть, чтоб людей совсем не было. Просто вы плохо искали – потому что не хотели найти. Ведь тогда вам пришлось бы делиться с людьми всеми благами. Люди вновь стали бы хозяевами жизни, а вам это не по нраву.

– Эх ты, молодо-зелено, – не теряя добродушия, зевнул Хобот. – Не успел родиться, а уже споришь с современной наукой, возводишь на нас напраслину. Ты присядь, отдохни, осмотришь, поживи на свете годик-другой, а потом уже будешь судить, кто прав, кто не прав.

Но робот был настроен решительно.

– Ну уж нет! – сказал он. – Я понял, в чём смысл моей жизни: я должен найти людей.

И, больше не говоря ни слова, он направился к выходу.

– Вот не сидится ему... – заворчал Хоботонго и, с трудом поднявшись на ноги, поплёлся догонять приятеля. – Не спеши! Пойдём вместе.

– Как? Ты со мной? – удивлённый робот остановился в дверях, повернув голову на пол-оборота, благо шея его позволяла это.

– Ну а как тебя одного-то оставить? – вздохнул Хоботонго. – Пропадёшь. Давай искать вдвоём, раз уж тебе так неймётся.

Робот просиял и от избытка чувств пожал другу хобот.

С той поры началось долгое путешествие. Вначале Нельсон и Хоботонго обошли весь город, исследуя вдоль и поперёк каждую улочку, заглядывая в каждый дом.

Всюду им бросались в глаза предметы, сделанные руками людей, – крышечки от бутылок, утерянные монеты, забытые игрушки, пожелтевшие обрывки календарей. Но самих людей не было.

Тогда Хоботонго вошёл в азарт, испросил у музейной дирекции длительный отпуск и вместе с роботом погрузился на поезд, вознамерившись объехать всю страну.

В прошлом, при людях, поезд был товарным, но слоны переоборудовали его под свои габариты, поделив каждый вагон на два смежных купе.

И вот свисток слона-машиниста возвестил нашим друзьям начало странствия.

Дни и ночи трясся поезд по нескончаемой железной дороге. Робот и Хобот восседали в отдельном купе (для слона оно, впрочем, всё равно было тесновато). От нечего делать глядели в окна, считали верстовые столбы или резались в «подкидного мамонтёнка» – робот быстро освоил карты, выработал беспроигрышный алгоритм и стал бы, наверное, чемпионом, если б Хобот не жульничал время от времени.

За окнами лениво сменялись пейзажи – подлески, поля, луга со стадами одичалых коров, фруктовые рощи, населённые обезьянами, редкие хижинки станционных зрителей.

Приехав в какой-нибудь городок, друзья прощались с проводником и выходили на поиски. А через несколько часов, обыскав весь город и не найдя ни единого человека, садились на следующий поезд. Путешествие продолжалось.

Наконец поезд подошёл к границе страны. По вагонам протопал таможенник, проверил у всех паспорта, а робота велел отворить створку туловища – вдруг в груди у него контрабанда? Бивни мамонта, фигурки Фаберже из слоновой кости, всякий прочий запрещённый товар...

Контрабанды не оказалось, и поезд проследовал дальше.

Теперь в городах, встречавшихся на пути, непривычного вида слоны говорили на иноземном наречии.

Нельсон ужасно удивился, узнав, что бывает другой язык, да ещё не один, а разные. Ему захотелось выучить все слоновьи диалекты, но Хобот объяснил, что сей подвиг излишен.

Сам Хобот на все вопросы проводников и попутчиков отвечал одним словом: «Пшепрáшам», – и этого, как ни странно, хватало.

– А что означает «пшепрáшам»? – спросил у него как-то робот.

– А, не помню, – безмятежно отмахнулся Хоботонго. – Не то «который час?», не то «добрый вечер», а может – «идите своей дорогой». Главное – действует. Очень полезное слово!

Затем за окнами потянулась ещё одна совсем чужая страна, заветное слово перестало работать, и Хоботу со скрипом пришлось выучить ещё одно: «Мерси-боку-ваш-салоп». Попутчиков после этого будто ветром сдувало.

А вскоре железная дорога и вовсе закончилась. Наши путешественники оказались на берегу моря.

Хоботонго с наслаждением искупался в морских волнах, протёр Нельсона влажной тряпочкой, обзавёлся панамкой от солнца, и пару дней друзья посвятили усердному поиску человечества в портовых тавернах и прибрежных кварталах. Увы, человечество не обнаружилось, зато Хобот свёл знакомство со стройной слонихой и на несколько дней исчез с горизонта. А когда возвратился, сказал роботу так:

– Что ж, наше странствие было долгим. Мы объехали весь континент, но людей не нашли. Остаётся признать неудачу. И пора поспешить домой.

Нельсон не ответил. Он стоял, задумчиво всматриваясь в морскую даль.

– Что там, за морем? – наконец спросил он.

– Африка, родина слонов, – сказал Хоботонго. – Но её отсюда не видно. Слишком уж далеко. Надо плыть на большом корабле.

– Так поплывём! – воодушевился робот. – Зачем останавливаться на полпути?

– Нет в этом пользы, – запротестовал слон, порядком уставший от путешествия.

– Нельзя же думать только о пользе! – возмутился робот. – Сам говоришь: там слоновья родина. А родина всегда остаётся родиной. Неужто не хочешь хоть одним глазком взглянуть, откуда пошли слоны?

– Гм... – Хоботонго заколебался.

А робот, не давая другу времени на сомнения, гордо провозгласил:

– Ты сам назвал меня Нельсоном! Это имя великого адмирала. Так какой же я Нельсон, если ни разу не ступлю на корабль? Вперёд, вперёд, мой верный друг! Не время опускать парус!

– Что ж, если ты настаиваешь... – вздохнул Хоботонго.

И вот они сели на пароход и поплыли по морю. В тёмно-синих волнах резвились дельфины, в небе кружили белые чайки. Во все стороны простиралась морская гладь – земли не было видно.

Многочисленные пассажиры прогуливались по палубе, дымили сигарами и отвлекали слона-капитана разными глупостями. Представительный слон с семью бакенбардами играл на рояле, услаждая всеобщий слух благозвучными трелями. Шесть слонят-близнецов весёлой стайкой носились туда-сюда, играя в догонялки. Впрочем, скоро слонят одолела морская болезнь, и они разбрелись по каютам.

Хоботонго отважно переносил качку. Он обвил хоботом главную мачту, прикрыл глаза и с тоской вспоминал свой музей, где ничто не качалось, не прыгало на волнах, не окатывало солёными брызгами и где корабли встречались лишь на картинах.

Нельсон к качке был равнодушен и времени даром не терял. Он познакомился с пожилым пассажиром из соседней каюты, слоном-профессором Джумбо-Румбо. Профессор знал восемь языков, один из которых у них с Нельсоном оказался общим. Расспросив робота о цели его путешествия, почтенный Джумбо-Румбо воскликнул:

– Простите, юноша, но я вынужден вас огорчить. Поиск ваш безнадежен. Я сам в далёкой молодости одержим был той же задачей. Я объехал весь земной шар, пытаюсь найти уцелевшие остатки людского племени, но увы...

– А зачем вам? – перебил его Нельсон.

– Для диссертации, – профессор приосанился и одёрнул фрак. – Она у меня в ту пору застопорилась. А представляете, если б я нашёл человека – живого, говорящего человека, – это было бы величайшее научное достижение! За такое открытие меня сразу избрали бы академиком. Не пришлось бы защищать диссертацию, даже писать её. Однако же планам моим не суждено было сбыться... Самый тщательный поиск с применением новейших научных приборов показал: людей на планете нет.

Профессор тяжело вздохнул.

– А что за приборы? – спросил заинтригованный Нельсон.

– Чело-био-фазотрон, – сказал профессор. – Хотите взглянуть?

Джумбо-Румбо извлёк из нагрудного кармашка приспособление, с виду напоминавшее компас.

– Это устройство улавливает волны, исходящие от человеческого мозга. Чует человека за сто километров. Как почует – запищит тоненько: «би-ип, би-ип, би-и-ип». Только знаете, в чём трагедия? – профессор сделал долгую паузу, а затем закончил горестным шёпотом: – Полвека таскаю с собой эту штуку, и ни разу она не пищала. Понимаете? Ни разу!

Сражённый таким сокрушительным доводом, Нельсон тоже слегка приуныл.

– А как ваша диссертация? – спросил он профессора, чтобы не показаться невежей.

– Пишу, – вздохнул Джумбо-Румбо. – Пятьдесят лет пишу... И допишу! – добавил он грозно, а в глазах его на мгновение сверкнула молодая удаль. – Академии наук от меня не уйти!

– Что ж, желаю успеха, – пробормотал робот.

– А знаете что? – сказал вдруг профессор. – Возьмите-ка лучше себе эту штуку! А то я, признаться, не столько пишу, сколько вслушиваюсь: вдруг она всё-таки запищит? А это, понимаете, отвлекает от научных раздумий...

И он протянул Нельсону чело-био-фазотрон.

На другой день пароход причалил к берегам Африки.

К удивлению друзей, солнечный континент оказался вовсе не диким. Здесь тоже сохранились следы человеческой цивилизации. В оазисах среди

пустынь цвели города. Между городами курсировали поезда и верблюжьи повозки. Хоботонго опасался, что начнутся перебои с водой и едой, но этого не случилось: подземные фабрики работали исправно и тут, снабжая местное население всем необходимым для жизни.

Нельсон и Хобот запаслись кремами от загара, полюбовались на Большого сфинкса – скульптуру, которой гордилась вся Африка, и продолжили поиск людей.

С чело-био-фазотроном дело пошло быстрее. Теперь друзья не утруждали себя осмотром городов. Достаточно было выйти на перрон, повернуть фазотроном туда-сюда, и по его молчанию становилось понятно: людей в городе нет.

За пару недель Нельсон с Хоботом пересекли всю Африку от северных берегов до мыса Доброй Надежды. По пути робот всё больше мрачнел и неотрывно прислушивался к фазотрону: не запищит ли?

– Может, он сломан? – бормотал Нельсон.

– Отвлекись, – советовал ему Хоботонго, – не то станешь как профессор Джумбо-Румбо. Не заметишь, как жизнь прошла мимо.

Но Нельсон не слушал советов.

В Кейптауне одно происшествие едва не заставило его прекратить поиски. Хоботонго увлék друга в магазин модных платьев обновить гардероб. И там, в магазине, робота на мгновение показалось, что у витрины спиной к посетителям стоит человек!

Нельсон ахнул и схватился за сердце (сердцем ему служил пламенный мотор-генератор напряжением в двести двадцать вольт).

– Вот! Вот он! Держи его! – воскликнул Нельсон дрожащим голосом и наставил на человека палец. – Скорее! Уйдёт же!

Но человек и не думал бежать. Он стоял неподвижно, безжизненно, как когда-то стоял в музее сам Нельсон.

– Что? Где? – всполошился Хобот, беспокоясь, не повредился ли умом его друг.

А робот уже подскочил к человеку и рывком развернул его к себе.

Увы! Жесточайшее разочарование охватило его. «Человек» оказался манекеном, безликой пластмассовой куклой, уцелевшей со времён владычества людей. Да и могло ли быть иначе? Фазотрон-то молчал! Робот обнял манекен за покатые плечи и заплакал.

– Ну-ну, будет тебе, – утешал его Хоботонго. – Обознался. С кем не случается?

Безучастный ко всему, Нельсон позволил другу увлечь себя в таверну «Три попугая», где весь вечер глушил машинное масло с изрядной примесью спирта.

Хобот глядел на него с сочувствием, но сам был не слишком расстроен: провал поисков означал, что можно будет наконец вернуться домой.

Однако Хобот плохо знал Нельсона.

На следующий день робот, сосредоточенный и упрямый как никогда, взошёл на борт корабля «Аризона», отплывающего в Австралию, и едва ли не силой затащил туда друга.

Экспедиция продолжалась.

Миновали многие месяцы. Робот и Хобот обследовали Австралию, Южную и Северную Америку, Азию – всё напрасно. Мир был безлюден

и однообразен: всюду слоны, поезда, города, магазины, снабжаемые подземными фабриками, да немногая дикая живность.

Наконец в Бомбее друзья погрузились на океанский лайнер «Гарибальди», следовавший в Европу через Красное море. Так собирались они завершить бесславное кругосветное путешествие.

Но до Красного моря «Гарибальди» не доплыл. На третий день плавания разразился шторм. Лайнер бросало на волнах как щепку. Капитан отчаянно крутил штурвал, но это не помогло: корабль окончательно сбился с курса. Пассажирам приказано было спуститься в каюты, чтобы бушующая стихия не смыла их за борт.

Палуба опустела. Один Нельсон не подчинился приказу. Он стоял у самой кормы, крепко держась за палубную ограду, и всматривался в разверстую пасть океана.

Хоботонго, не желавший оставлять товарища в опасности, топтался у люка, ведущего в нижние ярусы, и отчаянно трубил в хобот, призывая Нельсона за собой.

Вдруг чуткий слух Нельсона уловил сквозь завывание бури едва различимый звук – мерный механический писк: би-ип, би-ип, би-и-ип!

– Чело-био-фазотрон! – взревел Нельсон. – Здесь люди! Люди!

Он схватил фазотрон. Тот пищал неумолчно, а на выпуклой поверхности его мигала ярко-красная стрелка.

Недолго думая Нельсон вскочил на ограждение палубы и прыгнул за борт, прямо в kloкочущую бездну океана.

– Куда?! – возопил Хоботонго и, забыв об опасности, ринулся следом.

Он снёс борт палубы, словно карточный домик, и рухнул в воду, взметнув фонтан брызг аж до самого флагштока. Со стороны могло показаться, будто в пучину ухнула бомба.

Хоботонго успел вовремя. Ведь Нельсон, поддавшись порыву, совсем позабыл, что не умеет плавать. Беспомощно разводя руками, робот сразу пошёл ко дну и, вероятно, простился бы с жизнью, если бы друг не подхватил его хоботом и не водрузил себе на спину.

Но что делать дальше? Пока Хоботонго озирался по сторонам, корабль отнесло прочь, и вскоре силуэт лайнера скрылся из глаз.

– Вперёд, – просипел Нельсон, с трудом придерживаясь за широкие уши товарища. – Поплыли. Я укажу направление. Прямо по курсу должны быть люди.

«Дались тебе эти люди», – с досадой подумал слон, но время для споров было неподходящее, и он стал послушно грести всеми лапами в ту сторону, какую указывал робот.

Долго плыли они и, возможно, так и сгинули бы в волнах, если б шторм не пошёл на убыль. Серая пелена кругом отступила, горизонт прояснился, и друзья в один голос воскликнули:

– Земля!

В самом деле, впереди показался остров. Хоботонго удвоил усилия, и вскоре друзья выбрались на пологий песчаный берег. Чуть поодаль виднелся пальмовый лес.

– Спасены... – прошептал Хоботонго.

Измученный, он повалился на бок, накрыл голову ухом и богатырски захрапел.

Робот Нельсон в отдыхе не нуждался. Он лишь попрыгал на одной ножке, чтобы вытряхнуть воду из всех пазов, а затем сверился с фазотроном, чудом не утонувшим за время плавания.

Стрелка фазотрона мигала ярче прежнего, а писк его сделался назойлив, как зудение комара.

– Где-то рядом, – пробормотал робот и решительно зашагал в сторону пальм: зов джунглей манил его.

Под пальмовыми зарослями обнаружилась тропинка, и Нельсон смело вступил на неё, раздвигая нависающие лианы и поминутно оглядываясь по сторонам.

На сей раз поиски длились недолго. Не прошло и четверти часа, как чело-био-фазотрон зашёл в сплошном писке, и на плечи Нельсону с пальмы спрыгнуло неведомое существо.

– Вжух! – в восторге воскликнуло существо и заколошматило ладошками по голове робота. – Привет!

– Человек! – вскричал Нельсон с не меньшим восторгом, да так громко, что даже Хоботонго, мирно спавший на полмили южнее, подскочил и проснулся.

– Человек, – подтвердило существо, легонько соскользнуло на землю и уселось, скрестив ноги, на зелёной лужайке под пальмой. Лишь теперь Нельсон смог разглядеть незнакомца.

Это был мальчишка – невысокий, лохматый, чумазый, худой и на редкость подвижный. Пока Нельсон его разглядывал, мальчик успел обхлопать робота бока, подёргать за пальцы, выкрутить лампочку-глаз и вкрутить обратно.

– Ты кто? Ты откуда? Ты здесь один? – зачастил Нельсон. – Есть тут ещё люди?

– Я единственный! – гордо сказал мальчонка, выхватил у робота фазотрон, повертел, попробовал на зуб, и научный прибор наконец умолк.

Нельсон даже внимания не обратил на гибель профессорского подарка. Ведь перед ним был живой человек, собственной персоной!

– Откуда ж ты взялся? – продолжал спрашивать Нельсон.

– Произошёл от обезьяны, – пояснил мальчик.

– Когда? – изумился Нельсон.

– Не помню точно, – мальчишка стал загибать пальцы. – Две, три, пять лун назад. А может, ещё пять. А может... Забыл. Надо спросить у мамы.

– Так, значит, есть мама? – обрадовался Нельсон.

– Конечно, – закивал мальчик. – И папа тоже. И разные дяди-тёти. И дедушки-бабушки.

– А говорил – единственный, – укорил его Нельсон.

– Единственный человек, – поправил его мальчик. – А мама с папой – обезьяны. Я тоже раньше был обезьяной, – добавил он доверительно. – Был, а потом произошёл – и стал человеком.

– Молодец! – похвалил его Нельсон. – Но как же тебя угораздило? Мы вот с другом обошли вокруг света, и немало обезьян встретилось нам на пути, но ни одна ни в кого не произошла. Как тебе-то удался такой подвиг?

Мальчик оглянулся по сторонам и, будто поверяя роботу тайну, сказал полушёпотом:

– Меня создал труд!

Тут послышался топот, и на лужайку ввалился запыхавшийся Хоботонго. С бивней его свисали обрывки лиан: отважный слон так спешил на выручку к другу, что промчался сквозь чащу, не разбирая дороги.

– Уфф, живой! – с облегчением вздохнул Хобот при виде Нельсона. – Я уж думал... Стоп! А это ещё кто такой?

– Человек! – сияя как весеннее солнце поведал другу Нельсон и взглянул на мальчика так, будто лично произвёл его в люди.

Мальчишка же в свою очередь широко распахнул глаза и весело уставился на Хоботонго, а потом подхватил с земли длинную ветку и принялся охаживать слона по широким бокам.

– А ну-ка, прекрати хулиганить! – скомандовал слон и обвинил озорника хоботом так, что тот не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. – Кто только тебя воспитывал, скажи на милость?

– Мама с папой, – пропищал малец, старательно извиваясь, чтобы высвободиться из плена.

– Они – обезьяны, – извиняющимся тоном пояснил другу Нельсон.

– Значит, он тут единственный человек? – задумчиво произнёс Хоботонго. – Что ж, надо дать ему имя. Назовём его Пятницей.

– Почему Пятницей? – в один голос спросили Нельсон с мальчишкой (тот сумел-таки выскользнуть на свободу).

– Традиция такая, – развёл ушами Хоботонго. – Дикаря с необитаемого острова принято называть Пятницей. К тому же сегодня и вправду пятница.

– У нас на острове свой календарь, – обиженно возразил мальчуган.

– Да? И какой же у вас день недели? – заинтересовался Хоботонго.

– Слоножуй, – сказал мальчик. – У нас неделя состоит из трёх дней: Слонобой, Слоножуй и Воссопенье.

У Хоботонго вытянулась физиономия, а мальчик словоохотливо продолжал:

– В Слонобой мы всем племенем охотимся на слона, в Слоножуй – съедаем его, а как только съедим – наступает Воссопенье и длится, пока все не проснутся. Поэтому недели у нас разной длины. Как-то раз слон попался особенно крупный, почти как вы, и Воссопенье затянулось на четверо суток.

– О дикие нравы! – печально вздохнул Хоботонго и с немым укором взглянул на Нельсона. – Кого ты накликал на мою голову?

– Не беда! – жизнерадостно отмахнулся Нельсон. – Мы его воспитаем по-новому.

– Но уж Слоножуем мальчика нарекать мы не станем! – твёрдо заявил Хобот.

– И не надо! – откликнулся мальчуган. – Имя у меня уже есть. Мама с папой зовут меня Гавриком.

– Что ж, Гаврик, – ласково сказал робот, – познакомь нас с твоими родителями, и мы вместе обсудим, как быть. Ведь похоже, что ты – единственный человек не только на острове, но и на всей планете. Мы с другом так долго тебя искали, нашли наконец и считаем, что тебе непременно надо посмотреть Большой мир. Ведь там тоже жили когда-то люди.

– А кто там живёт теперь? – полюбопытствовал Гаврик.

– Слоны, – сказал Хоботонго внушительно. – Много-много слонов.

– Много слонов – это хорошо, – кивнул Гаврик. – Знатное будет Воссопенье!

– Э, нет, – с живостью возразил Хоботонго, – воссопенья не будет! В Большом мире другой календарь.

– Ну ладно, – Гаврик задумчиво почесал за ухом, потёр грязной ладошкой чумазый лоб и сказал: – Сейчас позову маму с папой и всех прочих наших.

– Вот и славно! – обрадовался Нельсон.

– Ну а я лучше подожду на берегу, – быстро сказал Хобот. – Вы тут совещайтесь, а я пока искупаюсь.

И он проворно скрылся в кустах.

Гаврик издал звонкий клич, и вскоре вокруг них с Нельсоном собралась целая стая обезьян.

Переговоры длились недолго и окончились полным успехом. Изъясняться пришлось языком жестов, но Нельсон справился с этой задачей. Тем более Гаврик оказался неплохим переводчиком.

Родители согласились отпустить мальчика в Большой мир: слонов посмотреть и себя показать.

У некоторых сородичей Гаврика блеснул при этом в глазах особенный интерес, который Нельсон вежливо назвал календарным, а Хоботонго впоследствии – кулинарным. Впрочем, ясно было, что один мальчик в слоновьем мире беды не наделает, так что опасения Хоботонго напрасны.

Нельсон же строил планы поистине грандиозные. Смыслом жизни своей он считал возрождение человечества и надеялся, что Гаврик научит европейских, африканских и прочих обезьян, как произойти в человека. Ни секунды Нельсон не сомневался, что обезьяны возьмутся за ум и последуют Гаврикову примеру.

Оставалось только перебраться с острова на континент. Хоботонго, конечно, не смог бы проплыть через пол-океана, хоть с седоками на спине, хоть без них. Но робот нашёл другой выход из положения. Он покопался в своём механизме, нашёл встроенную антенну, нацелил её на нужную частоту и передал сигнал бедствия на материк.

Спустя трое суток к острову причалил фрегат «Коронада», и наши путешественники вместе с Гавриком отплыли наконец в родные края.

Увы, с первых же дней по возвращении на континент планы Нельсона пошли вкривь и вкось. Гаврик оказался совершенно невоспитуемым мальчишкой.

Вместо того, чтобы преподать трудовой урок специально отловленным четырём обезьянам, он принялся дёргать их за хвосты, кувыркаться, играть с ними в прятки и салочки. Видно было, что человеком он стал недавно и веселиться с обезьянами ему куда приятнее, чем тянуть их за собой в человечество.

В самом деле, в загородных рощах и садах Гаврик чувствовал себя привольно, почти как на родном острове, а вот первый же город, куда привезли его Нельсон и Хобот, поначалу его напугал. Блага цивилизации были мальчику незнакомы: Гаврик не знал, как вести себя в тавернах, шарахался от проезжавших мимо машин, а когда друзья разместились в гостинице – убежал ночевать на крышу.

Нельсон хмурился, но не опускал рук. Каждый день робот отправлялся в пригород, ловил какую-нибудь зазевавшуюся обезьянку и привозил её Гаврику на обучение. Но Гаврик смотрел на пленницу блуждающим взором и явно не понимал, чего от него хочет робот.

– Труд! – напоминал Нельсон. – Ты говорил, что человеком тебя сделал труд. Так покажи обезьяне, как надо трудиться. Научи её шить, печь хлеб, колоть дрова...

– Но я не умею! – изумился Гаврик и заморгал, готовясь заплакать.

– А что же ты умеешь? – озадачился робот. – В каком ремесле ты силён? Что превратило тебя в человека?

– Охота на слонов, – прошептал Гаврик. – Больше я ни на что не гожусь...

Робот схватился за голову.

Зато Хоботонго воспринял признание Гаврика с неожиданным воодушевлением.

– Понятно теперь! – воскликнул слон, и бивни его триумфально блеснули. – Друзья мои, загадка гибели человечества раскрыта.

– Как? – ахнули поражённые Гаврик и Нельсон.

– Всё просто, – ответил Хобот. – Людей погубила их собственная цивилизация. Не было ни эпидемии, ни войны. Люди пали жертвой своих достижений. Когда они благоустроили мир, создали подземные фабрики, обеспечили себя пропитанием, не требовавшим труда, человечество выродилось. Люди сделались обезьянами!

– Что? – не поверил Нельсон.

– Да-да! – провозгласил Хобот. – Обезьяны, кишачие в наших пригородах, – это и есть бывшие люди. Когда человеку, чтоб пообедать, достаточно просто зайти в кафе и нажать на кнопку – пиши пропало! Больше такой человек трудиться не станет. И так же, как труд превратил нашего Гаврика в человека, так безделье из человека делает обезьяну! Не случайно ведь мы нашли Гаврика на острове – быть может, единственном острове на Земле, где нет подземных фабрик, машин и прочих следов цивилизации. То-то они там охотятся на слонов...

– Не верю, – замотал головой Нельсон. – Не может всё быть так глупо устроено: бегаешь с копьём – человек, а лежишь на боку – обезьяна. Где же душа, разум, речь? Неужели всё от труда? Вот кошка на птичек тоже охотится, но в человека не превращается.

– Может, она не тех птичек ловит, – задумчиво сказал Хоботонго. – Гаврик наш за слонами охотился, а слоны всё-таки мудрый народ. С кем поведёшься, от того и наберёшься...

Открытие, совершённое Хоботом, возымело два следствия – приятное и трагическое.

Приятным было то, что Хоботонго написал статью о своём открытии, и за это ему присудили степень доктора наук, даже не потребовав защищать диссертацию. Чествованию Хобота поспособствовал профессор Джумбо-Румбо, сам недавно избранный в Академию наук и от этого очень довольный жизнью.

Трагическое последствие коснулось Гаврика. Он наконец сообразил со всей отчётливостью, что охотиться на слонов ему больше никто не позволит, а для пропитания достаточно забежать в таверну и затребовать у официантов всё чего душа пожелает. А душа Гаврика, утомлённая прежним островным рационом, желала разнообразия – и Гаврик пробовал одно за другим все блюда, которые могла предложить ему цивилизация.

От такой жизни Гаврик растолстел, обленился, утратил былую живость и стал забывать слова.

Напрасно его увещевали робот и Хобот, призывая освоить какое-нибудь новое ремесло или хотя бы не объедаться до полного Воссопенья.

Гаврик был глух к уговорам. Вначале он возражал и пытался спорить. Затем позабыл разумную речь и на все просьбы лишь недовольно мычал.

А потом у него вырос хвост, тело покрылось шерстью, и в одно печальное утро Гаврик сбежал из города в лес, к другим обезьянам.

Нельсон и Хоботонго пришли в отчаяние.

– Зачем, зачем мы привезли его сюда?! – корил себя робот. – Надо было оставить его на острове, в кругу семьи. Что делать теперь? Где его искать?

Хоботонго был мрачнее тучи и молча ходил кругами по комнате.

– Закажи у профессора Джумбо-Румбо ещё один чело-био-фазотрон, – посоветовал наконец Хобот другу. – Так мы отыщем Гаврика и вернём родителям. Быть может, там он поправится.

Но фазотрон не помог. Доставленный с академической почтой приборчик был нем и глух. Видно, Гаврик совсем перестал быть человеком, и научный прибор его больше не чувствовал.

Друзья обратились в спасательно-сыскную службу, но там им в помощи отказали. По мнению опытных спасателей, поиск был заведомо бесполезен.

– А без пользы ни один слон и шагу не сделает, – так закончил разговор главный сыскной слон и выставил друзей вон.

– Один – сделает! – яростно крикнул вслед ему Хоботонго. – Я да мой друг Нельсон, хоть он и не слон, – мы сто тысяч шагов прошагаем, лишь бы найти бедного Гаврика. И чихал я на всю вашу пользу!

От избытка чувств он и вправду чихнул во весь хобот.

Днём и ночью друзья бродили по окрестным лесам, звали Гаврика, светили фонариками – всё напрасно.

Наконец измождённый Нельсон, потеряв всякую надежду, сел на пенёк, и горькие слёзы потекли по его лицу. Хоботонго пристроился рядом на травке и, как мог, утешал друга.

Вид друзей был настолько печален, что, казалось, мог растрогать любого, у кого в душе осталась хоть капелька человечности. Но вокруг никого не было. И только обезьяны бесстрастно смотрели с деревьев на двух несчастных друзей, выжидая, не перепадёт ли какая-нибудь подачка.

Командор Крейн, похожий на большого крылатого леопарда, стоял на мостике космического корабля «Парус» и всматривался в иллюминатор. Там, в чернеющей космической пустоте сиял мягким голубым светом маленький шарик – планета Земля.

– Ну что, Лурд? – спросил командор штурмана, дремавшего рядом в кресле. – Планета по курсу. Задержимся на денёк? Или сразу к Кассиопее?

– А что тут делать? Это же Земля, – откликнулся штурман. – Земля – планета безлюдная.

На Кассиопее штурмана ждала невеста, и ему не хотелось затягивать перелёт.

– По справочникам – безлюдная, – кивнул командор Крейн. – А ты всё-таки проверь. Вдруг что-то переменилось?

Штурман неохотно протянул лапу и включил бортовой чело-био-фазотрон повышенной дальности. Настроил пеленг на Землю.

Фазотрон помедлил мгновение – и тоненько запищал: би-ип, би-ип, би-и-ип...

– Вот видишь? – обрадовался командор. – Есть люди!

– Ну, сколько их там может быть? – проворчал штурман Лурд. – Пищит еле слышно. Секунду – сейчас получим точные данные.

Он нажал особую кнопку – и на экранчике фазотрона высветилась алая цифра.

– Двое! – фыркнул штурман. – Два человека на всю планету?!

– Ну-ка, наведи поточнее, я взгляну, кто они, – велел командор.

И когда штурман подключил цифроскоп с максимальным увеличением, Крейн присвистнул: – Эге! Разве ж это люди? Один металлический, у другого вообще хобот.

Штурман тоже всмотрелся:

– Люди, – подтвердил он. – Трудятся, ищут, переживают, надеются, плачут, смеются, поддерживают друг друга. Значит, люди. Не хуже нас.

– Смеются? – переспросил Крейн. – Не заметил я, чтоб эти двое смеялись.

Чело-био-фазотрон издал новую трель, и цифра на экране переменилась.

– Просто их теперь трое, – с улыбкой ответил штурман.

РОГАЛИК УХОДИТ В РЕЙС

В одной сказочной стране, в большом городе жил да был троллейбус. Днём он возил пассажиров по Бульварному кольцу, а ночью отдыхал в троллейбусном парке.

Надо сказать, что троллейбус этот не был похож на другие троллейбусы. У всех других «рога» были прямые, как усики у кузнечика, а у нашего – полукругом, будто у кренделька или рогалика. Да и раскрашен он был не в обычный синий, а в румяный, жёлто-оранжевый цвет.

За это девочка Юльхен его так и прозвала – Рогаликом. Прозвище прижилось, потому что девочка Юльхен была ребёнком чистосердечным, и устами её всегда глаголет истина. Даже Бургомистр обходил стороной девочку Юльхен, а то мало ли каким ей покажется его новый камзол? Глядишь, свои же сановники втихаря засмеют.

Был случай: приехал в город знаменитый негоциант Брунж с двумя чемоданами золотых талеров. Негоцианта принимали в лучших домах, задавали в его честь пиры, хозяйки сватали ему юных дочек. Но однажды по случайности мимо шла девочка Юльхен и как воскликнет:

– Да у него же хвост!

И все разом увидели: действительно, из роскошных рейтуз негоцианта Брунжа торчит сзади гладкий хвост, совершенно крысиный.

– Вот те на! – воскликнули все. – Как мы раньше не замечали?

А самое странное: в тот же день обнаружилось, что и талеры у Брунжа фальшивые.

Так что Брунжу пришлось в страшной спешке покинуть город. Ух, как ругал он девочку Юльхен, загружаясь в кабриолет и хлеща хвостом во все стороны! Но никто его больше не слушал...

Однако вернёмся к нашему троллейбусу. Троллейбус Рогалик отличался не только задорными рожками. Он ещё был мечтатель. Все другие троллейбусы были строгими, даже суровыми, и глядели на мир исподлобья. А Рогалик мечтал о прекрасном – о лугах с васильками и маргаритками, о привольном ветре и разноцветной весёлой радуге. Даже самое хмурое утро Рогалик встречал улыбкой.

Поэтому Рогалика очень любили дети. А контролёры при виде него шаркались в стороны – им делалось мучительно горько за бесцельно прожитые годы. Один контролёр по прозванию Талончик даже оштрафовал само-

го себя, но это не помогло, и тогда он уволился, чтобы посвятить остаток жизни разведению маргариток.

Дни напролёт Рогалик кружил по Бульварному кольцу. Он знал здесь каждый фонарный столб и каждую лавочку, но ему не надоедало, ведь всё это были его друзья. Вот фонтан в виде слоника, поднявшего кверху хобот; вот раскидистый тополь; вот овальная площадь с балаганчиком бродячего цирка; а дальше мост через речку Журавку с перилами в виде шахматных пешек; и за мостом резиденция Бургомистра – помпезное здание с тремя куцыми башенками.

– Привет! – весело звенел Рогалик. – Как поживаете? Не правда ли, прекрасный денёк?

И слон махал ему хоботом, вздымая к небу изящные фонтанные струи, тополь радостно шелестел листвой, циркачи приподнимали свои колпаки, а мост выгибал спину, словно кошка, и Рогалик съезжал по нему с ветерком. Одна только резиденция Бургомистра хранила молчание. Но на то были причины особые, о которых чуть позже.

Перекинулся Рогалик и с другими троллейбусами, шедшими по соседним маршрутам. Те, впрочем, отвечали кратко, так как были заняты делом. Но бывало, что им тоже хотелось посудачить, поделиться местными новостями.

– Вы слышали? На причале сел на мель катер с грузом морских коньков. Ни туда ни сюда. Все коньки разбежались. Капитан вне себя, а что делать? Хочешь не хочешь – жди прилива.

– А у нас на Скрипичной улице шквалом ветра опрокинуло будку, где стоял постовой. Он, бедняга, с перепугу чуть не проглотил свой свисток.

– То ли дело! Вот у нас на Кудельной две машины столкнулись с извозчиком, а всё из-за ездового медведя. Как стал посреди дороги – и ни в какую, только головой вертит: справа «Малиновый сад», слева «Медовый дворик», тот, где хозяин весной проспори́л шарманщику бочку браги. Видно, тяжко медвежьей душе...

Тут уместно сказать, что ездовые медведи были в той стране популярны. Дрессированные, послушные, они возили горожан куда следует, заменяя собой лошадей. Так повелось с давних пор, когда страна ещё вела суровые войны и всех лошадей забрали на фронт, в кавалерию. Большинству лошадей пришлось туго, но некоторые дослужились до подполковников, а одна до подгенерала.

С той поры прошло много лет, появились кабриолеты, автобусы и троллейбусы, страна жила то лучше, то хуже, времена наступали разные, но медведи в упряжке оставались верны своей участи.

Иногда Рогалика брало сомнение:

– Отчего я не медведь? Бродил бы по всему городу, а не только там, где висят провода.

Но он гнал эти мысли прочь, потому что знал: он любит своё Бульварное кольцо и ни за что на свете не расстанется с фонтаном-слоном, и тополем, и циркачами, и гнутым мостиком, и девочкой Юльхен, которая как раз по бульварам каждый день возвращалась из школы.

Однако шло время, и город понемногу менялся. Как-то утром Рогалик, идя по маршруту, увидел: работники пилят тополь.

– Что стряслось? Чем помочь тебе?

Рогалик метнулся к тополю, едва не порвав провода. Заскрежетали колёса, пассажиры захоали, а работники кинулись врассыпную, бросив пилу на произвол судьбы.

– Уж такие пришли времена, – вздохнул тополь, покачиваясь. – Бургомистр решил: у горожан аллергия на пух – кошачий, лебяжий и мой. Кошки скрылись в лесах, лебеди улетели, а меня теперь сплят. Стану столиком или шкафом.

– Не бывать этому! – пылко воскликнул Рогалик.

– Взззз! – возразила брошенная пила и хищно сверкнула зубами.

– Я тебе покажу «вззз»! – рассердился Рогалик.

Он переехал брошенную пилу всеми своими колёсами да ещё потоптался на ней, чтобы окончательно лишить её дара речи.

Пила утихла, и тополь с облегчением расправил ветви. Но тут к Рогалику подбежал милиционер Фуражкин из соседнего переулка, интересуясь, почему остановилось движение и не нужен ли мастер-ремонтник.

Пришлось Рогалику двинуться в путь.

А на следующее утро тополя на месте не оказалось. Вместо него сиял жёлтой лысиной свежий пенёк, и на краешке пня примостились работники, распивавшие весёлый напиток.

– Ух! – говорил один работник другому.

– Швах! – отзывался другой, ибо был пессимистом и не ждал от жизни хорошего.

А тополь смиренно лежал рядом и готовился преобразиться в книжный шкаф или в тумбочку.

– Прощай, друг! – прокричал ему напоследок Рогалик и едва не заплакал.

– Не грусти! – прошелестел в ответ тополь. – Может, шкафом быть не так плохо. Буду книжки читать интересные и тебя вспоминать.

Опечаленный Рогалик поехал дальше – неумолимая сила, заключённая в проводах, не позволяла ему долго медлить.

Да, город менялся... Тополь стал первой жертвой, но вскоре настал черёд и других. Гнутый мостик снесли, вместо него проложили широкую и ровную плиту из бетона – Бургомистр и городские сановники посчитали, что плита благотворно скажется на доходах казны. Был составлен целый закон: каждый год по весне плиту будут перекладывать вверх ногами, а осенью – наоборот; и поскольку плита увесиста, потребуются немало работников, а чтоб трудились они не задаром, нужно ввести новый налог. Когда все горожане заплатят монету, наберётся целая горка звонкого серебра. Тут уж хватит и работникам на круговорот плиты, и сановникам во главе с Бургомистром поощрение выйдет за мудрую идею.

Плита пролегла от берега до берега через речку Журавку, и теперь Рогалик ходил по ровной бетонной глади – негнущейся, как паралитик, и глухой, как контуженный барабанщик.

– Здравствуйте, – как-то раз попытался Рогалик завести с плитой разговор. – Вы случайно не знаете, что случилось с мостиком, который был здесь до вас? Куда его увезли?

– Тыц, – отвечала плита. – Дыц.

Ничего другого сказать она не умела. А может быть, не хотела.

...Исчезли и циркачи. Их прогнали с овальной площади за отсутствие гербовых пашпартментов. По новому указу каждый циркач от жонглёра до укротителя барсов должен был иметь пашпартмент с обновлённым гербом – девятиглавым орлом. Прежде герб был ещё восьмиглавым, но недавно страна обзавелась новым островом, уплывшим от соседней державы, и орёл на гербе отпустил себе новую голову, да ещё с золотым гребешком.

За гребешок лукавые гербописцы требовали с циркачей особую плату, которая была тем не по карману. Поэтому циркачи погрузились в фургончик

и, простившись с Рогаликом, отправились в дальние страны. Очень вовремя, ибо на следующий день для фургончиков был введён дополнительный пашпартамент, а для выезда в страны подозрительной дальности учредили печать в виде толстой решётки.

Последним исчез фонтан-слоник. Он долго держался, но в одну очень тёмную ночь какой-то вандал отвинтил ему хобот, и слоник пришёл в негодность. Очень скоро его снесли, а взамен поставили большую зелёную голову в человеческий рост, олицетворявшую собой здравый смысл.

– Там внутри сундук золота, – заявила девочка Юльхен, заглянув прямо в голову через рот. – У, охлопугы несчастные! Такой чудный слоник был...

Дождавшись сумерек, горожане взломали голову, но сундука не нашли. Впрочем, в словах девочки Юльхен не усомнился никто, ибо её устами, как известно, говорила истина. Просто кто-то, должно быть, уволок сундук раньше.

С огорчением взирал Рогалик на творящиеся перемены. Уже и город теперь был не тот, и Бульварное кольцо стало каким-то чужим. Да и в целом в стране порядки сделались строже. А вскоре прибавилась и другая тревога. Стало меньше троллейбусов. То один, то другой, уходя на работу, испарялся бесследно, и никто из них утром не знал, вернётся ли к вечеру в парк.

– Что за мор нас постиг? – вопрошал с беспокойством Рогалик у соседа по парку, заслуженного троллейбуса Двоевозыча.

– Эпидемия, верно, – вздыхал Двоевозыч. И, кивком указуя на пустующее место рядом с собой, добавлял: – Вот старушка Скрипелкина ещё вчера была здесь. Всё ворчала, на ревматизм жаловалась. А сегодня гляжу: что за диво – по её маршруту автобус идёт. Отродясь на той улице автобусов не было. Всегда Скрипелкина там ходила, да внучок её, Шустрилка.

– А где, кстати, Шустрилка? – озабоченно озирался Рогалик.

– Ох, и впрямь! – только и мог вымолвить Двоевозыч. – Не вернулся ещё. И вернётся ли? Утром-то был, про бабуку всё спрашивал, волновался. Ну, что делать... Подождём до завтра.

А на завтра сгинул и Двоевозыч.

Стало совсем Рогалику горько. На весь парк кроме него осталось лишь два троллейбуса. Настроение у них было подавленное.

– Что делать? – бормотал один беспрестанно.

– Как быть? – вторил другой.

Рогалика разобрало возмущение:

– Как быть, как быть? – передразнил он товарищей. – Искать надо!

– Как же, ищи-свищи! – в унисон возразили двое. – С маршрута ведь не сойдёшь. Провода не отпустят...

Долго думали троллейбусы – ничего не могли придумать. Наконец Рогалика осенило:

– Надо обратиться в милицию! Пусть милиция ищет. Ей положено.

– Какая милиция... – заохали Рогаликовы приятели. – Жди от них, как же! Во всей милиции, говорят, один только Фуражкин – честный милиционер.

– Вот к нему и обратимся, – заключил Рогалик.

Так и сделали.

Чтобы приманить милиционера Фуражкина, Рогалик на следующий день нарочно задержался у пня, оставшегося от старого тополя.

Милиционер не заставил себя долго ждать:

– Что такое? Почему стоим? – спросил он Рогалика тоном строгим, но справедливым, как и подобает честному милиционеру.

Рогалик объяснил ему, в чём состоит затруднение:

– Мы, троллейбусы, полагаем, что в городе завёлся злоумышленник. Быть может, даже маньяк. Он ворует троллейбусы и где-то их прячет. И мы просим вас их найти. Если они ещё живы. А маньяка поймать и обезвредить.

– Хм, хм... – милиционер Фуражкин почесал переносицу. – Ничего себе дельце! Ну да ладно. Долг есть долг. Правонарушителя я найду, чего бы это ни стоило. И выясню, что случилось с троллейбусами.

Роголик воспрянул духом и, сердечно поблагодарив милиционера, продолжил путь.

А милиционер Фуражкин занялся поисками таинственного безумца. Первым делом Фуражкин наведалься в троллейбусный парк. Осмотрел местность. Прошёл по маршрутам. Опросил всевозможных прохожих. Особенно его интересовало, что скажет девочка Юльхен. Нет, он, конечно, не думал, что она ворует троллейбусы. Просто девочка, как знаток истины, могла найти какую-нибудь зацепку.

– Далеко ищите, дяденька Фуражкин, – сказала ему девочка Юльхен. – Ближе надо. И ночью. С фонариком.

Милиционер покивал, поразмыслил и сделал выводы, но никому о них не сказал. А под вечер обзавёлся фонариком и затаился под бетонной плитой, перекинутой через речку Журавку. Когда по плите ближе к полуночи прошёл последний троллейбус, милиционер Фуражкин осторожно выглянул из укрытия и убедился: интуиция не подвела!

Он увидел, как из резиденции Бургомистра выскользнула бледно-серая тень и, с ломиком наперевес, устремилась вслед за троллейбусом. А тот, ничего не подозревая, катил себе тихо-мирно вперёд, напевая безмятежную песенку.

Тень, приподнявшись на цыпочки, добежала до заднего бампера и под покровом ночи принялась крушить несчастный троллейбус.

Вот тут-то и настиг преступника милиционер Фуражкин. В два счёта он обезоружил вандала, отшвырнул ломик подальше и потребовал предъявить пашпартамент.

– Пустите! – загундосил разбойник. – Я простой мирный житель. Прогуливаюсь, дышу воздухом.

– А ломик зачем? – спросил Фуражкин, изготавившись нацепить на задержанного наручники.

– Для надёжности, – объяснил тот. – Без ломика мне неудобно. Кто ж в наше время ходит без ломика? По ночным в особенности проспектам? А вдруг бандиты нагрянут, как тогда быть?

– Вы и есть самый главный бандит! – сурово сказал милиционер Фуражкин. – Протяните-ка руки, я вас арестую.

– Зачем же так сразу? – удивился злоумышленник. – Неужто не договоримся? Вы же милиционер. – И хулиган зазвенел тугими карманами.

Но Фуражкина это не проняло. Он и вправду был особенным милиционером, единственным на всю милицию. В отличие от сослуживцев, Фуражкин не брал подарков, не ставил задержанным синяков, не бегал на задних лапках перед начальством и не спускал хулиганам их безобразий.

В общем, был Фуражкин милиционером честным, а стало быть, никудашным. Его много раз хотели уволить, но сделать это не представлялось возможным. Неписанный закон категорически запрещал увольнять милиционеров, чего бы они ни натворили. А с неписанным законом шутки плохи.

Подробностей никто не знал достоверно, но всем известно было одно: неписанный закон нависал над городом в виде огромного кукиша. Кукиш

этот был главной и неизменной частью огромного памятника, поставленного в прежнюю лихую эпоху в честь вождя всех времён и народов.

Правда, по замыслу скульптора, конструкция гигантской статуи не предусматривала никаких кукишей. Воздвигнут был вождь, как ему и положено, из мрамора, с простёртой рукой, указующей вдаль. А в кармане вождистского френча каждому виден был краешек каменной книжицы со словами: «Свобода, равенство, братство».

Однако законы природы оказались сильнее скульпторских замыслов. В первую же ночь воздвигнутый памятник отрастил на себе шапку Мономаха, в левой руке его незнамо откуда появился не то хлыст, не то скипетр, а правая сама собой сложилась в гигантский кукиш. Книжица же с красивыми надписями как-то скукожилась, подобралась и превратилась в пачку хороших сигар.

Перепуганный скульптор схватился за голову, приготовившись с нею расстаться. Но гроза прошла стороной. Настоящий вождь (тот, с которого слеппен был памятник) оценил работу достойно, наградил скульптора орденом имени себя и отправил в северные края лепить новых вождей под надёжным присмотром.

Вождь же монументальный, которого так и прозвали Вождём, остался украшать собой главную площадь. Он грозно взирал на людей с высокого постамента, компостировал небо кукишем, и каждому было ясно: закон не дремлет.

Опасный для памятника момент наступил, когда настоящий вождь умер, а сменщик его определился не сразу.

Тут-то люди приподняли головы и, поглядывая на памятник, принялись перешёптываться:

– Ну, Вождь, придёт теперь твой черёд.

Вернувшийся с севера скульптор распорядился, и Вождя с постамента сняли, погрузили на ездовую платформу, запряжённую сотней медведей, и переправили на окраину города: пусть хоть в центре он не маячит.

Однако в ближайшую ночь Вождь подхватился с нового места и рысцой прибежал на излюбленный постамент. К утру всё было по-прежнему.

Скульптор ахнул, но, наученный опытом, спорить с судьбой не стал. Потому что Вождю виднее, кому где стоять, сидеть, а то и висеть.

Прошли годы, и сменщик вождя (настоящего) наконец-то сам стал вождём. А над памятником нависла туча.

– Уж теперь-то тебя снесут!.. – засудачили люди.

Но памятник всех перехитрил: за ночь он проворно облысел, раздался вширь щеками, под стать новому суверену, а кукиш временно спрятал в карман. И усы свои тоже где-то припрятал, так как, будучи гениальным провидцем, знал наперёд, что однажды соорудит себе из них кустистые брови.

Шли годы, сменялись вожди. Менялся и Вождь. Вот только кукиш оставался всегда неизменным. По кукишу люди определяли, какой закон правит в стране. Когда кукиш скрывался в кармане, верх брали законы писанные, а когда извлекался на свет – наступал черёд права смутного и негласного.

Вот почему милиционер Фуражкин мог быть спокоен: никто его не уволит. Он вынул наручники и ловко нацепил их на запястья преступника. Но тут луна осветила лицо негодяя, и Фуражкин изумлённо присвистнул:

– Да вы никак наш Бургомистр!

– Нет, что вы, что вы, – воспротивился Бургомистр и, от страха забыв свои прежние показания, залопотал: – Я простой алкоголик дядя Сима, собираю бутылки, хотите, вас угощу? У меня за манжетой пол-литра!

– Ещё чего не хватало! – возмутился честный милиционер Фуражкин. – Как не стыдно! Бургомистр – хулиган, да ещё и алкоголик! Пришёл теперь финиш вашей карьере и вашему хулиганству. Признавайтесь немедленно, куда вы угнали троллейбусы и чем они вам помешали?

Тогда Бургомистр понял, что его карта бита и осталось последнее средство.

– Взгляните-ка, – сказал он, – у меня на носу случайно не след от троллейбуса?

– Что за чушь! – воскликнул Фуражкин и воззрился на указанный нос.

Вот этого делать не следовало!

Дело в том, что на носу Бургомистра росли три волшебных волоска. Эти рыжие волоски обладали магнетической силой: кто взглянет на них – у того моментально отключается разум, и эффекта хватает надолго.

Фуражкин озадаченно заморгал, затем нахмурился, сбитый с толку, словно сияясь поймать ускользающую мысль. А потом расплылся в блаженной улыбке.

– Ну что? Есть ещё вопросы? – осклабился Бургомистр.

– Только один, – сказал бравый Фуражкин. – Где у нас тут ближайшая урна?

– Вы хотите бросить окурок?

– Нет, мне не терпится отдать голос за нашего Бургомистра и за славную партию власти!

Бургомистр одарил милиционера снисходительным взглядом.

– Иди домой, доблестный страж порядка. И ни о чём не тревожься: когда будет надо, твоим голосом распорядятся надёжные люди безо всяких усилий с твоей стороны.

И милиционер, спотыкаясь, побрёл домой, совершенно растерянный и счастливый.

А Бургомистр воздел руки в наручниках ввысь, где, как он знал, нависает над городом сакраментальный кукиш – скрытый ночью тьмой, но от этого лишь более могущественный.

Наручники сами собой разомкнулись и, звякнув, упали на мостовую. Ибо под сенью великого кукиша действуют особые, сказочные законы, один из которых гласит: наручники на бургомистрах подолгу не держатся. Довольный собой, Бургомистр подобрал ломик и вернулся в свою резиденцию.

А ещё через пару дней в троллейбусном парке остался один Рогалик. Остальные троллейбусы сгнули.

И лишь долгое время спустя, когда действие магических волосков понемногу рассеялось, милиционер Фуражкин пришёл в себя и сумел докопаться до причин, побудивших Бургомистра охотиться за троллейбусами.

Враждебный настрой Бургомистра имел давние корни. Началось всё в школьные годы, когда Бургомистр ещё бургомистром не был, а только собирался. На пути к намеченной цели он влюбился в дочку Большого Начальника. То была девушка из приличной семьи, умевшая так грациозно задирать носик и таким тоном говорить «фи!», что любой орёл моментально складывал крылья, чувствуя себя мокрой курицей.

Не таков был будущий Бургомистр. Он очень хотел тоже стать однажды Большим Начальником. А потому крыльев не складывал и добился-таки своего. Девушка и Начальник поглядели на него благосклонно, поразмыслили и выдвинули условие: победы таёжное чудовище – и тогда будет сыграна свадьба.

– А можно, сначала свадьбу, а потом уже чудовище? – спросил будущий Бургомистр.

Девушка с Начальником переглянулись, подумали и согласились.

– Что ж, можно и так. Но потом не жалуйся. Чудище – значит чудище.

И сыграли весёлую свадьбу.

На третий день хмельной Бургомистр отправился в лес. Там, он знал, угнездились чудовище, грозящее отравить ему жизнь.

– Выходи! – прокричал Бургомистр.

Никакого ответа.

– Выходи! – прогремел Бургомистр очень грозно.

Ни малейшего шороха.

– Выходи! – протрубил Бургомистр в охотничий рог.

– Постой-ка, откуда у тебя этот рог? – удивилось чудище, выглядывая из чащи.

На голове у чудища ветвились роскошные рога – витые, блестящие, чёрные, острые. Только с одного края рог был обломан.

– Свадебный подарок, – пояснил Бургомистр. – Начнём?

– Так ты, выходит, зять моего злейшего недруга? – возмутилось чудовище. – Стану я с тобой драться, ха! Мне и прошлой драки хватило. А тебя закодую – и дело в шляпе.

Так и кончилась драка, не начавшись. Вернулся Бургомистр в супружеский дом, натянув шляпу на уши, и с тех пор её не снимал.

А когда стал взаправду Большим Начальником, принялся истреблять всю рогатую живность. Лося пострадали, коровы, козы, вот добрался и до троллейбусов.

Была и ещё причина. Жена Бургомистра была требовательна, и жилось ему с ней несладко. С юных лет он ходил по струнке, держал при ней марку, являя высшему свету безукоризненные манеры – иного жена бы не потерпела. Но в глубине души Бургомистру хотелось хоть чуть-чуть пожить на свободе: поиграть в мяч с друзьями, посидеть в трактире за кружкой крепкого эля, позубоскалить на запретные темы, иной раз даже помахать кулаками, показав супостатам свою силу и доблесть.

Днём под недремлющим оком супруги об этом нельзя было и помыслить. И поэтому целыми днями Бургомистр чинно трудился на благо города: обустроивал парки, поощрял ремёсла, писал указы, где какую поставить скамейку, а где разместить фонтан. Но когда наступала ночь и супруга ложилась спать, у Бургомистра начиналась особая, тайная жизнь.

Он крался по городу с ломиком и крушил что попало. То ломал свежесаженное дерево, то бил стёкла в домах, то, залезши на старый фонарь, повисал вверх ногами и горланил популярный мотив:

*Дом!
Кровать!
Ты
В ней спишь.
Тебе меня не узнать,
Ведь я летучая мышь!*

С неопишемым наслаждением Бургомистр ломал ларьки городских торговцев, прокалывал шины кабриолетов, а однажды, раздухарившись, открыл хобот фонтану-слону и потом полночи трубил в этот хобот, созывая на бой всех чудовищ планеты.

Иногда Бургомистра ловили милиционеры, но они были не так безупречны, как бедняга Фуражкин, и потому дело ограничивалось звонким подарком или хлестким Бургомистерским окриком, от которого у милиционеров сами

собой вытягивались руки по швам. А на крайний пожарный случай помогали три магических волоска.

Днём же Бургомистр, в парадном костюме и лакированных туфлях, галантный, полный изящества, благочинно шествовал по городу в сопровождении супруги и верных сановников. Вельможным взором он озирал учинённые за ночь разрушения, сетовал на вандалов и учреждал налоги на устранение бедствий.

– Видите, тут был киоск, – докладывал Бургомистру советник, показывая на груду лома.

– Мутатис мутандис, – глубокомысленно изрекал Бургомистр на латыни. – Построим здесь торговый дворец, Трёхэтажный дворец с трёхэтажными ценами. Или, может быть, разбить парк?

– Разбить! Конечно, разбить! – подхватывали сановники хором.

– Отлично, – кивал, улыбаясь, Бургомистр. – Я и сам бы разбил. Ух, как разбил бы! Руки чешутся. Но нельзя отнимать работу у горожан. Итак, объёмным налогом на раздерб... на разбитие парка.

– На развитие, – подсказывала супруга.

– Вот-вот, – соглашался с ней Бургомистр. – Это я и имел в виду.

Так и шла жизнь города тем чередом, на который обрёк его Бургомистр. Ну а Рогалик? Рогалик остался последним троллейбусом. Он чувствовал, что над ним нависла угроза – смертельная, неотвратимая. Он ездил теперь по Бульварному кольцу понурый, поблёкший от мрачных предчувствий. И рога его звякали по проводам, высекая искры.

– Всё дело в рогах, – поведал Рогалику милиционер Фуражкин, повидавшись с ним как-то под вечер. – Из-за них не любит начальство вашего брата. И в ближайшие дни, вероятно, заменит тебя автобусом.

– Некому за меня вступиться, – вздыхал Рогалик. – Не осталось нас больше, рогатых. А один я в поле не воин.

– Присмотрись, – советовал Рогалику милиционер. – Может, кто ещё уцелел? Пусть не вашего рода, троллейбусного. Пусть другой какой жук-рогач. Лишь бы вместе объединиться. Тогда и сам чёрт не страшен.

И Рогалик смотрел. Зорко глядел он по сторонам.

Вот идёт кошка, тощая, белая. Есть рога? Нет. Едем дальше.

А вот генеральша Гертруда ведёт собачку на поводке. Собачка маленькая, но бойкая, породы клаццен-терьер. На голове у собачки два уха, а рогов незаметно.

Ну а там? Вот дела! Пастух Гюнтер ведёт под уздцы корову. Корова в городе! И у неё рога! Самые настоящие!

– Добрый день, о почтеннейшая! – просигналил Рогалик корове. – Подскажите, куда вы держите путь?

– Мму-у, – уныло отвечала корова.

– К ветеринару её веду, – откликнулся пастух Гюнтер. – Приболела. Такое уж время. Раньше было целое стадо. А теперь одна Миранда осталась, да и та хвора. Чувствую, быть беде.

– Мму-у, – согласно кивнула корова Миранда, не в силах изречь большего.

И вскоре они с пастухом скрылись за поворотом. Не вышло желанного единения.

А Рогалик всё ездил и ездил, высматривая прохожих. С надеждой глядел он даже на медведей в упряжках. Но рогатый медведь неизвестен науке, да и Рогалику он открыться не пожелал.

Нутром ощущая, как тают последние чаяния, Рогалик бросил взгляд на Бургомистра, который как раз шёл навстречу по берегу речки Журав-

ки (по счастью, днём и без ломика). Но Бургомистр, выходя из дому, всегда тщательно натягивал шляпу, и рога не просматривались.

– Завтра, – услышал Рогалик слова Бургомистра, – завтра покончим с этим реликтом прошлого.

И сердце Рогалика замерло. Он понял, по ком звонит колокол.

В этот вечер он ехал в парк, прощаясь со старым городом. Он знал, что уже не увидит ни эти деревья, ни лавочки, ни дома. Не встретит знакомых людей, медведей, собак... А впрочем, о чём горевать? Ведь добрых друзей он давно растерял, остались совсем немногие – девочка Юльхен, милиционер Фуражкин, да ещё пень от старого тополя. А завтра и это закончится.

«Завтра, завтра...» – повторял про себя Рогалик. И ему казалось, что встречные тоже шепчут в тон ему: «Завтра, завтра...»

– Завтра... – шептали ездовые медведи.

– Завтра... – бормотали прохожие.

– Завтра! – тякнула собачка клаццен-терьер, натягивая поводок в руках генеральши Гертруды.

– За-у-у-утра, – послышалось Рогалику мычание коровы Миранды, возвращавшейся от ветеринара.

Хотя корова, скорее всего, мычала лишь своё обычное «Мму-у».

«Игра воображения, – сказал себе Рогалик. – Мир шутит со мной напоследок».

И вот наступило завтра. Рогалик не ждал, что оно наступит, но оно наступило. Он думал, всё окончится ночью, и терзался от мысли, как это будет.

Однако же ночь прошла, и солнце озарило город розовыми лучами. Рогалик немного приободрился, но тут прямо в парк въехал чёрный автобус.

Рогалику стало холодно.

– Привет, – сказал он автобусу, стараясь, чтобы не дрожал голос.

Автобус не отвечал.

Тогда Рогалик, подняв свои рожки, стронулся с места: пора было отправляться в привычный рейс.

«Скорее, скорее!» – стучало у него в сердце, но Рогалик всеми силами пытался сохранять обычную скорость. И всё же ехал быстрее, чем всегда – страх подгонял его.

Автобус, ни слова не говоря, двинулся следом. Он ехал очень аккуратно, как настоящий знаток своего дела, и всё время держался на одном расстоянии от Рогалика, не нагоняя, не отставая.

«Да что ему надо!» – в отчаянии подумал Рогалик.

Он проехал мимо овальной площади, на которой возводился торговый дворец. Миновал бетонную плиту, притворяющуюся мостом через речку Журавку. Приблизился к резиденции Бургомистра. Куцые башенки резиденции слепящими круглыми окнами смотрели прямо на Рогалика. Они сверлили его взглядом, и на мгновение ему показалось, что это не окна, а пушечные дула.

И вдруг дула почернели. Они стали такими же чёрными, как шедший сзади автобус. А сам автобус, издав короткий сигнал, начал быстро сокращать расстояние.

– Что происходит?! – воскликнул Рогалик.

Всё кругом потемнело.

– Затмение! – услышал он шёпот. – Солнечное затмение.

В считанные минуты сгустилась тьма. И в последних отсветах солнца Рогалик успел разглядеть, как из резиденции Бургомистра просочилась на площадь бледная тень – фигура с зажатой в руке дубиной.

То Бургомистр под покровом тьмы мчался Рогалику наперерез.

Рогалик метнулся назад – и едва не столкнулся с автобусом. Отступить было некуда.

Из автобуса бесшумно и слаженно высыпали сумрачные высокие силуэты, обступили Рогалика. В руках у них были палки, монтировки, какая-то арматура. А к самой кабине Рогалика подбежал Бургомистр и, подавая подручным пример, нанёс первый удар – дубинкой в лобовое стекло. Рогалик охнул.

Стекло выдержало. Дубинка, отскочив, припечатала Бургомистра по лбу, но это лишь раззадорило его пыл. Он замахнулся сильнее. И тут послышался крик: «Стойте! Стойте!», а затем – отчаянный свист.

Это бежал через площадь милиционер Фуражкин в последней попытке пресечь правонарушение.

– Вы не смеее! – кричал Фуражкин, на бегу огибая медвежьи повозки и наталкиваясь на случайных прохожих: во мраке ступившегося затмения дорогу разобрать было трудно. – Это последний троллейбус! Самый последний!

Рогалик дёрнулся вперёд, но впереди стоял Бургомистр, а Рогалик не мог себе позволить задавить человека, даже столь никудышного. Уж лучше покориться судьбе. Вдруг она будет милостива? Вдруг покорность вознаградится и отважный Фуражкин спасёт Рогалика?

С этими мыслями Рогалик опустил рожки, съёжился и, обессилев, замер на месте.

Но милиционер Фуражкин не успел добежать до Рогалика. Мимо ехал на медвежьей упряжке крупный сановник. Бургомистр сделал ему знак рукой, и тот направил повозку прямо на милиционера Фуражкина.

– Осторожнее! – крикнул милиционеру Рогалик.

Но медведям совсем не хотелось губить Фуражкина: они знали его, он работал регулировщиком в их переулке и частенько угощал медведей разноцветными карамельками.

Медведи шарахнулись в стороны. Повозка перевернулась, опрокинув сановника в пыль. Милиционера Фуражкина задело вертящимся колесом, но пострадал он не сильно.

Сановник вскочил, отряхиваясь, и схватился за кнут – исхлестать непокорных медведей.

– Вы что, черти, делаете? – вопил он. – Ведь вы – дрессированные. Это что, бунт?!

Перепуганные медведи бросились в кабину Рогалика. Сановник за ними. Бургомистр, не разобравшись, огрел сановника дубинкой по шее. Сановник, не оставшись в долгу, угостил Бургомистра кнутом. Подбежали и лихие ребята из автобуса. Закрутилась куча-мала. Милиционер Фуражкин свистел что есть мочи, но никто его больше не слушал. Потому что закон и порядок не водворяются свистом; свист, напротив, кладёт им конец.

Рогалик поднял кверху рожки. С проводов посыпались искры, освещающая картину битвы. Сановник лежал на земле грузной тушей, ребята из автобуса молотили друг друга, а Бургомистр ломал Рогалику бампер дубиной.

– Бежим! Скорее отсюда! – шептали Рогалику медведи, притулившись в кабине.

– Не могу, – стонал тот. – Люди прямо по курсу.

– Так объезжай! Левее, левой бери!

– Провода не пускают!

В кабину вскочил Фуражкин:

– Езжай! – скомандовал он. – Тяни провода за собой.

– Это же против правил! – залепетал Рогалик.

– Мы все сейчас против правил, – сурово сказал Фуражкин. – Жми давай!

И Рогалик поехал. Провода загудели, возмущённо залязгали, снопики искр рассыпались фейерверком. И всё же Рогалик набирал скорость. Вот он выехал на знакомый бульвар, вот уже миновал гигантскую зелёную челюсть, что осталась от порушенной головы.

Бургомистр и автобус с лихими ребятами устремились в погоню.

– Бей его! – кричал Бургомистр. – Не дайте ему уйти!

– От нас не уйдёт! – гремели лихие ребята. – Мы его остановим. Никто, кроме нас!

Из окошка резиденции Бургомистра высунулась его супруга:

– Чудаки! – рассмеялась она. – Он не может уйти. Он же ездит по кругу. Готовьте засаду в парке.

Заслышав эти слова, Рогалик побледнел, даже стёкла его как будто подёрнулись инеем, хотя на дворе стояло жаркое лето. Ведь Бургомистерша совершенно права!

Да ещё впереди возникло препятствие, так что Рогалику поневоле пришлось сбавить ход: дорогу переходила корова. Пастух Гюнтер подстёгивал её и ругался, но корова совсем не спешила.

– Куда! – завопил Рогалик. – С дороги! Задавлю же.

– Мму-у-у, – сказала корова как-то особенно грустно.

– Куда-куда, – проворчал пастух Гюнтер, – на мясокомбинат, куда ж ещё. Совсем плоха Мирандушка стала. То ли сглазил кто, то ли отравили... Ну, пошла!

Рогалик ахнул:

– Что-о? Вот эту расчудесную рогатую корову – на мясо? Ну уж нет! Держись, Миранда!

И тут корова встrepенулась, повела рогами, звонко лягнула копытами пастуха Гюнтера и запрыгнула на подножку троллейбуса. Конечно, корова – создание неуклюжее, и на подножке она бы не удержалась, но милиционер Фуражкин схватил её за рога, медведи потянули за уши, и вскоре корова оказалась в троллейбусе.

– Мму-у-у! – благодарно промычала она.

Однако потеряно было время. На овальной площади погоня настигла Рогалика. Бургомистр великолепным ударом сломал заднюю дверь. А лихие ребята забежали вперёд и затаились в засаде.

Это был самый мрачный момент, когда казалось, что всё пропало. А в следующий миг чёрная пелена расступилась – затмение пошло на убыль.

И все увидели, что навстречу троллейбусу шагает девочка Юльхен.

– Юльхен, милая Юльхен! – взмолился Рогалик. – Подскажи, что мне делать? Как быть?

Юльхен весело потрянула головой:

– Мчись куда светит солнце – в Вольную Медведию!

– Это где? – усомнился Фуражкин. – Не за границей ли, часом?

– Не-а, – покачала головой Юльхен. – Заграница – это направо, а Вольная Медведия – вперёд и налево, в самую глубь страны.

– А что за Медведия такая? – спросил Рогалик.

И медведи в кабине хором ответили:

– Это наша исконная родина! Там живёт великий медведь-исполин. Единственный не поддавшийся дрессировке. Он спит в глубокой берлоге посреди зелёного леса, и никакой неприятель не смеет вторгнуться в его владения.

Если кто сунется, медведь проснётся – и мало никому не покажется. Зато все беглецы от несправедливости и неволи находят в его владениях желанный приют. Едем, едем туда! Великий медведь нас в обиду не даст!

– А как же мои провода? – испугался Рогалик. – Я ведь только по кругу могу...

Юльхен рассмеялась и показала вверх пальчиком:

– Провода-то – из паутины!

И все сразу увидели: в самом деле, провода – паутинные! Недаром устали Юльхен глаголет истина.

Лёгким движением Рогалик порвал провода и помчался прочь – вперёд, куда светит солнце и дует ветер! В Вольную Медведию!

– Ещё увидимся! – крикнула вслед ему Юльхен и замахала платочком.

В мгновение ока осталось позади Бульварное кольцо, затихла вдали погоня.

– Ух, хорошо! – воскликнул Рогалик. – На свободе как дышится-то! До чего ж надоело тащиться на поводке!

А в городе на овальной площади собачка клаццен-терьер последовала примеру Рогалика и тоже сорвалась с поводка.

– Стой, стой, ты куда?! – возопила её хозяйка, генеральша Гертруда.

– Остановись! – заверещал Бургомистр, опасаясь, как бы весь город теперь не умчался в Вольную Медведию, оставив градоначальника наедине с супругой.

Но собачка клаццен-терьер со звонким «Клац!» сомкнула зубы на Бургомистерских панталонах, чуть пониже спины, и, покачавшись немного для полноты впечатлений, пустилась вприпрыжку догонять ушедший троллейбус.

– У-у! – завыл Бургомистр.

– А знаете, дяденька Бургомистр, – сказала ему девочка Юльхен, заложив руки за спину, – всё-таки вы порядочная свинья.

«Как ты смеешь!» – хотел рыкнуть ей Бургомистр, но вместо этого почему-то захрюкал, опустил на все четыре копытца и убежал в свою резиденцию. Супруга его, Бургомистерша, впрочем, не удивилась.

– Я всегда знала, что этим кончится, – философски сказала она. И, сняв с государственного герба гребешок, принялась вычёсывать мужу щетину. – Ничего, – приговаривала супруга, – волоски на месте, а значит, горожане разницы не заметят.

Ну а троллейбус Рогалик с пассажирами на борту после трёх суток странствия оказался в Вольной Медведии. Там и зажил он очень неплохо вместе с друзьями – милиционером Фуражкиным, коровой Мирандой (которая совершенно поправилась) и медведями, позабывшими дрессировку.

Понемногу леса Медведии заполнялись новыми беглецами. Жизнь кипела, и Рогалик совсем не грустил. Лишь иногда вспоминал он оставленный город, Бульварное кольцо, старый тополь и циркачей. И немножко скучал он ещё по девочке Юльхен.

Но ведь Юльхен сказала: «Увидимся!» А значит, так всё и будет.

**Михаил
МУЛЛИН**

ЖИВУТ ЛИ КОШКИ ПОД ВОДОЙ?

КАВАЛЕРИСТ АЛЁША

Кто там скачет? Скачет лошадь.
Кто на лошади? Алёша.
Смотрит мальчик сверху вниз:
«Я лихой кавалерист!»

Скок, скок, скок, скок –
Перепрыгнуть тапки смог!

У Алёши – лошадь в клетку.
Прямо скажем, масти редкой!
Цвет у клеток – ярко ал.
Мал Алёша, да удал.

Скок, скок, скок, скок –
Перепрыгнуть книжку смог!

Приучил малыш к порядку
Деревянную лошадку –
Мимо всяческих преград
Скачет мальчик на парад.

Скок, скок, скок, скок –
Обскакать котёнка смог!

-
- Михаил Семёнович Муллин родился в 1946 году в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша», «Великороссъ» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами», «Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

Я И УЧИТЕЛЯ

Мой учитель математики
Крепко знает математику.
А учитель по ботанике
Знает всё про мать-и-мачеху.
Знает физик какого-то Ома,
А историк – Наполеона.
Только я, разнесчастная Света,
Знаю сразу все эти предметы!

А ещё разбираюсь я в фенечках,
Знаю толк в подсолнечных семечках.
А ещё для куклы моей
Сарафанчик сошью, чтоб ей нравился –
И никто из учителей
В этом точно не разбирается!

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА ДЛЯ СОБАК

Все гордятся мопсом Бобиком –
Он считать умеет «столбиком»!
А щенок терьер Бим-Бом
У доски стоит столбом.
Пудель Руди всех умнее –
Он в уме считать умеет!
(А кто в уме считать умеет,
Тот умнеет и умнеет.)
Но глупышка такса Лаки
В калькулятор тычет лапы!

Об ошибке Лаки вряд ли
Догадается сама,
Ведь на этом... калькуляторе
Мы считаем без ума!

КАК РАБОТАЕТ ГРАВИТАЦИЯ

Ну, не чудо ли в нашей квартире?
Я был им потрясён до основ.
Гравитация с помощью гири
Крутит стрелки настенных часов!

КАРАНДАШ

Остаток от карандаша
Сказал: «А жизнь-то хороша –
Ни разу мною школьник Вова
Не написал дурного слова!»

ЛЕКАЛО

На столе лежало
Красное лекало.
Красное лекало
Циркулю сказало:
«Чтоб чертить,
Одной линейки
Инженеру мало!»

ЦИРКУЛЬ

Циркуль, словно балерина,
Чертит круг ногою длинной.
И умеет, спору нет,
Он исполнить пируэт.
Но не может ни шиша
Он исполнить антраша!

ПОЛЯ НА ПОЛЕ, ИЛИ ПРОГУЛКИ ПО ПОЛЯМ

(перезапутаница)

Вот девочка ПОЛЯ
Шагает по ПОЛЮ,
А Божья Коровка
Шагает по... ПОЛЕ...
По ПОЛИНОЙ шляпке
Даёт круголя –
У ПОЛИНОЙ шляпки
Есть тоже ПОЛЯ!
И девочка ПОЛЯ,
Вертясь и шая,
На шляпке
По ПОЛЮ
Проносит... ПОЛЯ...
ПОЛЯ из соломы
Вокруг головы!
А есть ещё в доме
У ПОЛИ... ПОЛЫ!
Есть ПОЛКИ у ПОЛИ
И ПОЛЫ пальто,
Но девочка знает:
Уж это – не то!

КОТЁНОК СДЕЛАЛ ОТКРЫТИЕ

Раннее утро. Спросонок
Смотрится в лужу котёнок
И в луже с большим удивленьем
Видит своё отраженье.
И долго в смятенье качал головой:
– Надо же, кошки живут под водой!

БУКВА «КА» И ЗВУК «К»

Если в слово вставить букву «Ка»,
То смысл его изменится слегка.
А сам предмет, что слово означает,
От этой буквы сильно помельчает!
Ведь буква «Ка» меняет всё решительно
И входит в суффикс сильно уменьшительный.
Я «Ка» вставлял и убедился: точно –
Длиннее слово, а предмет – короче!
Вот, скажем, «Саша» – это уважительно,
А «Сашка» – меньше и пренебрежительно.
Пилой пилить вы можете хоть брёвна,
А пилкой разве ноготь сделать ровным.
Вот вилами хоть стог сложите летом,
А вилкой можно лишь держать котлету.
Звук «к», подобно букве, непростой,
Законы речи, видно, не нарушишь.
И если сушку сделают большой,
То, может, сушка сразу станет сушей?

ОСА И ЕЁ ДЕТИ

Радость осы удивительна всё же –
Дети осы на осу не похожи.
Есть у детей интересное дело –
Дети едят, чтобы вырастить тело!
Дети осы не выходят гулять,
Просто едят, и едят, и едят!
А чтоб науки постичь поскорей,
Учатся дома без учителей.
Дети с едою растят и умы –
Вот до чего эти дети умны!
Может быть, в куклы играть им охота?
Куклы для них – не игра, а работа!
Чтобы помочь воспитателю-маме,
В куколок все превращаются сами!
Вскоре глядишь: удивительно просто –
Вышли из куколок новые осы.
В куколках все не напрасно лежали –
Сразу умеют взлететь и... ужалить!

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Есть слова в языке, стоит только сказать –
 Плач – одним, а другим просто хохот.
 Ради сладкого сна хорошо засыпАть,
 А засЫпать двор мусором – плохо.
 Есть такие слова, что одним по нутру,
 А другим от них ахать и охать.
 Хорошо просыпАться тебе поутру,
 А муке просЫпаться – плохо.

ПАУК-УМЕЛЕЦ

Изучил в лесу паук
 Сотни всяческих наук.
 Нет, вы только посмотрите,
 Как легко прядёт он нити!
 Альпинист он и циркач,
 А ещё прекрасный ткач.

Натянул на ветки сети
 Он не для просушки –
 Он навесил сети эти,
 Чтоб попались мушки!

Сети крепкие связал!
 Очень умный, значит,
 Если способ отыскал
 В воздухе «рыбачить»!

ЁЖИК-ТАЁЖИК

Ёжик из тайги Таёжик
 В вашем доме жить не может.
 Ведь ни яблок, ни грибов,
 Как рисуют иногда,
 Есть он вовсе не готов
 Ни за что и никогда.
 А ещё Таёжик-ёжик
 И конфет терпеть не может!
 На обед он брать готов
 Только змей и червяков.

Видишь ты, шагает ёжик –
 Обойди его скорей.
 Он за то тебе поможет
 Стать умнее и добрей.

СОВА В ГОСТЯХ У СОМА

Бывала сова
В гостях у сома.
Как это случилось,
Не знает сама.

Сом пригласил её домой,
И, как считают чайки,
Сова пила с ним под водой
Душистый чай китайский.

А после летним вечерком
И у совы в гостях был сом.
Сидел с совой на ветке сом
И балансировал хвостом.
Любил с совою этот сом
Поговорит о том о сём!

На прошлой, кажется, неделе,
Должно быть, в воскресенье,
Так было всё на самом деле
В одном стихотвореньи!

ПЕЛИ-ПЕЛИ-ПЕЛИ ПЕЛИКАНЫ...

Пели-пели-пели пеликаны,
Или им казалось, что поют:
«Среди водных птиц мы – великаны,
А моря и реки – наш приют.

Перья наши – розовые модно,
И красив, а вовсе не смешон
Щедро нам подаренный природой
Клюв с крючком и кожаным мешком!

Мы бывали в самых дальних странах.
Станем путешествовать и впредь», –
Пели-пели-пели пеликаны –
Ведь нельзя от радости не петь!

РЕЧКА ШАРАШЛИНКА

Пробежимся по тропинке,
За ракиту взглянем: ах –
Льётся речка Шарашлинка
В красно-жёлтых берегах!

В ней нетрудно обнаружить
Много всякого добра:
Створки раковин жемчужниц,
Пескарей из серебра.

Шарашлинка рада встрече –
Круглый год на всякий час
У речистой нашей речки
Много песенок для нас!

И в лугах приятно слышать
Между шёлковых купав,
Что... девчонок и мальчишек
Речке нравится купать.

Путь у малой речки – долгий,
Хороша у речки цель:
Добежать суметь до Волги
Через Сюнь и Агидель!

Славно плавать в речке летом
В отражённых облаках,
А зимой по речке этой
Станем бегать на коньках!

УСАТАЯ РЫБА

В тихой речке за кустами
Рыба водится с усами
И, пока не постареет,
Никогда усов не бреет.
И считает, что она
Быть усатою должна,
С плавниками и хвостом.
А зовут ту рыбу – сом.

Сом как будто говорит:
«Да, конечно, я не брит.
И хотя мне много лет,
У меня и бритвы нет.
Ведь понятно и без слов:
Что за рыба без усов?!
По соминым нашим вкусам
Несолидно быть безусым».

**Олег
КОРНИЕНКО**

ДВА РАССКАЗА

ЛАЗЕРНАЯ УКАЗКА

Это, конечно, был Юрка, Юрка Сивков, с которым Тимка и Фёдка когда-то ходили в детсад. Теперь они встречались с Юркой только летом, когда он приезжал на каникулы к бабушке с бабушкой с Дальнего Востока.

– Привет дальневосточникам! – крикнул Тимка.

– Привет волжанам! – ответил Юрка.

Отец у Юрки – капитан дальнего плавания. А потому у Юрки был настоящий кортик, а на боку сегодня болтался коричневый продолговатый футляр, который Юрка придерживал точно кортик.

– Бинокль? – поинтересовался Фёдка.

– Фонарик. – Юрка важно похлопал по футляру.

– А фонарик зачем? – спросил удивлённо Тимка.

– Точнее, это не фонарик, а секретное оружие: лазерная указка, – почти шёпотом объяснил Юрка.

Ребята уже слышали по телевизору о лазерных указках, лучи которых хулиганы наводили на идущие на посадку самолёты. Но ведь Юрка не хулиган, а сын моряка, капитана дальнего плавания.

– Он что угодно может остановить хоть на земле, хоть в воздухе, – похвастался Юрка, доставая из футляра фонарик, блестящий, с зелёным стеклом.

– Ври больше! Ты что – Терминатор? – засомневались друзья.

– Когда стемнеет, выходите на улицу – сами убедитесь.

-
- Олег Иванович Корниенко родился в 1954 году в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. 28 лет отдал Сызранскому высшему военному авиационному училищу лётчиков, воевал в Республике Афганистан. Член Союза писателей России. Председатель Сызранской МТО «Содружество детских писателей». Член редколлегии литературных журналов «Волга–XXI век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск). Лауреат Международной литературной премии им. Э. Хемингуэя (Канада, 2016). Награждён медалью военно-художественной студии писателей Культурного центра ВС РФ «За труды в военной литературе» (2014); медалью им. Героя Советского Союза Владимира Карпова за повесть «Афганец» (2015). Автор восьми книг прозы для детей и взрослых. Живёт в Сызрани Самарской области.

Когда солнце наконец спряталось за горизонт, ребята встретились у подъезда и решительно зашагали к небольшому парку, мимо которого проходила автомобильная дорога.

Они спрятались за кустами, и Юрка достал фонарик. Ждать пришлось недолго. Впереди показали огни машины.

– К бою! – скомандовал Юрка и включил фонарик.

Тимка и Федька увидели, как тонкий зелёный луч метнулся навстречу машине и, ослепляя водителя, замер на лобовом стекле. Машина завилыла из стороны в сторону, завизжали тормоза, и она, съехав с дороги, залетела в кусты. Из кабины, ругаясь, выскочил водитель.

– Эх, я сейчас кому-то уши надеру!

– Атаc! Смываемся! – скомандовал Юрка и первый показал ребятам спину.

Тимка и Федька бросились за ним.

– Держись левее – там гаражи, – крикнул Тимка.

Через несколько минут, тяжело дыша, ребята остановились возле гаражей.

– Ну как? – спросил Юрка и прислушался.

– Кажется, оторвались, – ответил Федька.

– Может, хватит на сегодня приключений? – спросил Тимка.

– Вам виднее, – пряча фонарик в футляр, важно заметил Юрка. –

Один-ноль в мою пользу.

Дома их уже потеряли.

– Вы куда пропали? – спросила мама Юрки и подозрительно посмотрела на ребят.

Те испуганно переглянулись, но тут вмешался Юркин отец:

– «Новости» дадите спокойно посмотреть?

Мальчишки тоже уставились в экран телевизора. Там показывали какой-то аэропорт и много самолётов.

«В некоторых регионах России участились случаи хулиганства при помощи лазерных указок, – сказала диктор, и Тимке показалось, что она уставилась на него. – Так, в Махачкале и Самаре лазером пытались ослепить экипажи пассажирских самолётов. Президент Чечни Рамзан Кадыров приказал запретить продажу лазерных указок на территории республики».

Тимка с Федькой переглянулись и посмотрели на Юрку. Глаза его восторженно блестели.

– Видели? – спросил Юрка и достал фонарик. – Направляешь на самолёт – и он как миленький садится, где тебе нужно.

Тимка вспомнил вдруг про отца, который ушёл сегодня на ночные полёты, и сказал:

– Да, сильная штука. Дай посмотрю.

– А я что говорю, – захихикал Юрка и протянул фонарик Тимке. – Если хорошенько потренироваться, можно и спутниками на орбите управлять.

– Ой! – вскрикнул вдруг Тимка.

Фонарик, сверкнув зелёным стеклом, полетел на пол.

Первым почувствовал неладное Юрка.

– Эх ты, балда! – захныкал он, поднимая фонарик.

Фонарик был целым, только что не светил, сколько Юрка ни дёргал кнопку-рычажок.

– Я ведь пошутил, – признался вдруг он. – Никакой это не лазер, а обычный фонарик. Только стекло зелёное.

– Доморгался! – радостно заметил Тимка и, точно обезвреженную гранату, подкинул на ладони уснувший фонарик. И загадочно добавил: – Один-один – ничья!

БОЛЬНО!..

У Маринки начал качаться молочный зуб, и мама сказала папе:

– Надо показать ребёнка врачу, но я это сделать сегодня не смогу. Я уже опаздываю на работу.

– Тогда мы сходим в наш лазарет, – сказал папа.

Папа у Маринки был военным.

В коридоре лазарета было пустынно и пахло лекарствами.

Папа посадил Маринку на стул и сказал:

– Никуда не уходи, я сейчас.

И скрылся за белой дверью, на которой Маринка по слогам прочитала: «Сто-ма-то-ло-ги-чес-кий ка-би-нет». Рядом с дверью на стене висел красочный плакат, на котором был изображён большой зуб с чёрным пятном сбоку.

– Ка-ри-ес, – продолжала читать Маринка.

И ей почему-то стало страшно от вида зуба и незнакомого слова. Она потрогала языком свой зуб. Он был на месте.

– Ты чья, девочка?

Перед Маринкой стояла незнакомая женщина в белом халате.

Маринка молчала, но тут вышел папа.

– А мы вот к тебе, Людочка, – улыбнулся папа, увидев женщину.

– А я думаю: что это за ребёнок – один, без родителей? – сказала она и тоже улыбнулась.

– Зуб вот пришли полечить, – доложил папа и посмотрел на Маринку.

Тётя Людочка открыла дверь.

– Проходите, пожалуйста.

И они вошли в кабинет.

– Я сделаю всё как надо, Саша, – улыбнулась Людочка и помогла Маринке забраться на кресло.

Потом она надела маску и подошла к столику с инструментами. Над креслом вспыхнула плоская, похожая на зеркало лампа.

– Покажи, Марина, какой зуб у тебя качается, – попросила доктор.

Маринка открыла рот и успела только хныкнуть от острой боли, как Людочка сказала:

– Вот и всё.

Она положила ей тампон, попросила закрыть рот и сказала:

– А это тебе на память. – И она протянула Маринке зуб. – Храни его, пока не вырастет новый.

– Посиди немножко, – сказала Людочка и подошла к папе, который стоял у двери.

Они о чём-то разговаривали и тихонько смеялись.

– Ты что сегодня делаешь? – услышала Маринка вопрос Людочки.

– Извини, Людочка, сегодня не получится, – ответил папа.

И наступила тишина. Она почему-то смутила Маринку, и она оглянулась. Папа целовал Людочку.

– Я буду тебя ждать, – не сопротивляясь, шептала она.

– Ну что, мы пошли? – сказал смущённый папа, заметив Маринкин взгляд.

– Два часа ничего не кушать. Рот не полоскать, – громко сказала Людочка.

Маринка сползла с кресла. Она в этот момент ненавидела тётю Людочку, папу, зуб, весь кабинет и... разжала ладошку.

**Ирина
ИВАННИКОВА**

ОБЛАЧНЫЙ СЛОН

ГОРЫ, НЕБО И ВОДА

Спины гор в озёрной глади
Так и хочется погладить,
Прыгнуть прямо в облака!
Но задача нелегка:
Тронешь воду – от руки
Разбегаются круги.
Глянешь в озеро – до дна
Вся душа его видна.
А в душе... Вот это да –
Горы, небо и вода!

ЧУДО-ПАРК

Снег разлётся в лесопарке.
Спят у пристани байдарки.
И торопится лыжня
В лыжепарк позвать меня.
По весне на солнце ярком
Я люблюсь лужепарком.
Ну а летом, если жарко,
Я бегу до пляжепарка.
Под ногами шарк да шарк –
Листопадит листопарк.

-
- Ирина Юрьевна Иванникова родилась в 1985 году в Берлине (на территории бывшей ГДР), в семье военных врачей. Раннее детство прошло в Германии. С 1990 года живёт в Рязани. В 2008 году окончила лечебный факультет РязГМУ им. акад. И.П. Павлова. Работает врачом. Началом своего пути в детской литературе считает 2014 год, когда её стихотворение было впервые опубликовано в «Мурзилке». С тех пор регулярно печатается на страницах этого журнала и других изданий: «Шишкин лес», «Костёр», «Чердобряк», «Чудеса и приключения – детям», «Солнышко», «Дошкольный мир», «Первый номер», «Вверх», «Современный детский сад», «Фантазёры», «Радуга», «Простокваша», «Крым», «Наш современник», «Балтика», «Север» и т.д. Участник семинаров и форумов молодых писателей России, проводимых Фондом СЭИП (2012–2015); фестивалей «Молодые писатели вокруг «ДЕТГИЗа» (2014–2016), Совещания молодых писателей Союза писателей Москвы (2017), Второго форума молодых писателей России и Китая (2018), Всероссийского совещания молодых авторов СПР «Некрасовский семинар в «Карабихе» (2018). Автор поэтического сборника для детей «Тополиный пухопад». Лауреат многих литературных конкурсов. Живёт в Рязани.

КОТ НАПЛАКАЛ

Гречневая каша,
Каша с молоком.
Говорят, что каждый
С детства с ней знаком.

Что ни утро – каша...
Бормочу одно:
«Милая тарелка,
Покажи мне дно!»

Подгоняет мама
За моей спиной:
«Тут же кот заплакал,
Доедай, не ной!»

Хитрый кот в сторонке
Тихо ловит сны.
В кашу мне заплакал –
Спит, и хоть бы хны!

ГИППОПОТАМ ИЛИ БЕГЕМОТ?

Я дома гоняю
На роликах шустро.
Но я на полу,
А качается люстра!

Кто топает сверху?
Наверное, там
Завёлся какой-нибудь
Гиппопотам!

Девчонке звоню,
Что над нами живёт.
«Купили мне прыгалки.
Прыгаю вот...»

Я дальше гоняю
Не менее шустро.
Звонят,
Говорят мне:
«Качается люстра,

Трясутся картины,
Портьеры, комод
В квартире под вами.
Вы что, бегемот?»

ДАЧНЫЙ МАЙ

Навстречу солнцу вдоль дорог
Желтеет бойкий дрок.

И утро, уронив росу,
Теряется в лесу.

Купают лужи воробьёв
И рады до краёв.

А где-то дятел – тук да тук.
«Прохландышно» вокруг.

Качает робкой головой
Фиалка над травой.

У покосившихся ворот
Черемуха цветёт.

А тёплый ветер от реки
Срывает лепестки...

ТОРОПЛИВОЕ ЛЕТО

Улепётывает лето
По аллеям босиком,
Будто только и мечтает
Стать осенним сквозняком.
Я хочу догнать – куда там! –
Удирает от меня:
То моросливо припустит,
По дорогам семеня,
То как втопит,
То как вжарит,
Промелькнёт на склоне дня,
В ночь нырнёт и притаится,
Звёзды с неба оброня...
– Погоди-ка, торопыга!
Как живёшь ты на бегу?
– Я ведь лето.
Пролетаю.
По-другому не могу.

ОБЕД

Испытание – обед!
Наблюдает мама строго.
Аппетита нет как нет.
Я один, а супа – много!

ЦВЕТОЧНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

Красавица роза
У старой ограды
Роняла на клумбу
Колючие взгляды:

«Ну кто вы такие?
Ни шарма, ни вида...
Всего лишь моя
Королевская свита!

В тени прозябаете
Да в паутине,
А я благоденствую
Посередине!

Но жмутся ко мне
Приставучки бархотки:
Я очень боюсь
Облететь от щекотки!

Бубнит георгин,
Что приметен и строен,
А ведь лепестка
Моего не достоин!»

Гортензия вскинула
Пышные букли.
Анютины глазки
Как будто потухли.

Прямой гладиолус
Поглядывал косо.
И зонтики все
Приувяли у флокса.

Надулся физалис,
Поникла фиалка:
«А время на колкости
Тратить не жалко?»

Другие молчали,
Перечить не смея.
Дрожа на ветру,
Лепетала космея

О том, что сегодня
Закончится лето,
А розу сорвут,
Как всегда,
Для букета.

В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Мы ходили за букетом.
Выбирали целый час!
Неужели без букета
Нас не пустят в первый класс?

Мама гладила рубашку,
Брюки, галстук и пиджак.
Ждал я, ждал: рюкзак без мамы
Не собрался бы никак!

Мама обувь начищала,
Пальцем воздуху грозя:
«Одевайся поскорее,
Нам опаздывать нельзя!»

Мама кудри накрутила
И припудрила лицо.
Я давно уже оделся,
Даже вышел на крыльцо.

Мама туфли подбирала...
Не понятно, кто из нас
Отправляется сегодня
На линейку в первый класс?!

МЕЧТА АКВАРИУМА

– Аквариум, слушай! –
Шепнул подоконник.
– Ты чистый, глубокий,
И я – твой поклонник!

Ты так многогранен
И прямоуголен,
И свет излучаешь,
Но всем ли доволен?

Пробулькал аквариум
В радостной спешке:
– Я тут не стоял бы
Без вашей поддержки.

Да всем я доволен,
Но, впрочем, отчасти...
Мне замка на дне
Не хватает для счастья!

– О замке ты рыбку
Проси золотую.
– Её непременно
Себе заведу я!

ФИЗАЛИС

Развесил фонарики
Робкий физалис.
Осенние ветры
К нему привязались.

Ему одиноко,
Ему невдомёк,
Что ветры летят
На его огонёк!

Повоют, притихнут,
Как псы у порога,
Прильнут виновато:
«Продрог, недотрога?»

Тепло любоваться
Тобою, физалис.
Вот видишь, одни мы
На даче остались».

ГРИБНАЯ ПОЛЯНКА

В дремучем лесу
На замшелой полянке
Сказала волнушка
Подруге поганке:
«Ты так худосочна
И выглядишь бледно.
Тебе с мухомором
Сосуществовать вредно:
Он вон как сияет,
Не пряча румянца...
Но нет благородства –
Совсем! – у поганца».

СТАРАЯ ПЛИТА

Пыхтела старая плита:
– Ах, стала я теперь не та,
Морально устарела!
Меня заменят скоро той,
Недавно купленной плитой.
Но раз такое дело,
Я там, куда меня сошлют,
Затёплю кухонный уют
И накормлю горячим!
Ну вот, увозят...
«Не серчай!
Ты будешь кипятить нам чай
По вечерам на даче».

НЕБО В КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОЧЕК

То рыжим, то красным листом окрылён,
То жёлтым, то буро-зелёным –
Летит-облетает по осени клён.
Стою под лысеющим клёном.

И ветер быстрее раздеть норовит
Нарядные ветви до почек.
А мне открывается трепетный вид
На небо в кленовый листочек.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Ранней весной,
Только утро проглянет,
Солнечный зайчик
Метнётся к поляне.
Ляжет проталиной
Заячий след,
Чтобы подснежники
Вышли на свет!

СПИЦЫ И КЛУБОК

Всю ночь цеплялась к спице спица:
«С клубком связались – и не спится!»

ЗАДУМЧИВЫЕ ТАПКИ

Думали тапки
Пойти по делам,
Но разбежались
По разным углам.

Смотрят растерянно,
Даже чуть косо.
Шлёпают ноги:
«Без тапок нам босо...»

В чём же причина
Такого раздора?
Отпуск совместный
У тапочек скоро!

Трудно им, видимо,
Определиться:
Юркнуть под шкаф?
Улететь за границу?

ПОЗВОНТЕ БАБУШКЕ!

У бабушки снова молчит телефон,
Недавно уехали внуки.
На даче закончился летний сезон,
И осень бредёт по округе.

И яблоки падают где-то в саду,
И ветер играет калиткой,
Порой паутина мелькнёт на лету
Серебряной тоненькой ниткой.

А бабушке только б дождаться звонка,
Ей так одиноко на свете!
Звоните скорее,
Звоните, пока
Вам бабушка может ответить.

ОБЛАЧНЫЙ СЛОН

Однажды мечтательный маленький слон
Притопал по радуге на небосклон.

Когда спохватился обратно идти,
Растаяли в небе остатки пути.

Тут понял слонёнок, что в общем-то он –
Теперь не обычный, а облачный слон.

«Не зря говорили, что я неземной!»
И крылья себе отрастил за спиной.

Порхал и мечтал, что из радужных снов
Появится много крылатых слонов.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Намылились в небо
Лететь пузыри.
Их радостно воздух
Щекочет внутри.

И переливаются
Ярко бока.
Летят пузыри
Покорять облака!

Летят и не знают,
Что время – вода,
А лопнуть от счастья –
Совсем не беда.

**Екатерина
ЗВЕРЕВА**

АНДРЮШКИН ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В воскресенье в семье Васильковых царил радостная суета. Самый младший член семьи – Андрюшка Васильков – отмечал первый в своей жизни юбилей – 10 лет задорной и бойкой мальчишеской жизни. В честь этого знаменательного события вся семья собралась на праздничное чаепитие.

Виновник торжества восседал во главе стола на высокой табуретке и сиял начищенными зубами, свежевымытой шеей, выглядывающей из-под воротника новой рубашки, и всеми своими многочисленными веснушками. Волосы Андрюшки цвета спелой морковки были зачёсаны на правую сторону. В общем, весь его вид говорил о том, что именинник полностью готов к получению подарков и поглощению сладостей.

Андрюшка был рыжим, и этот факт побуждал его одноклассников то и дело распевать песенку про то, как «рыжий, рыжий, конопатый убил дедушку лопатой». Между тем дедушки у Андрюшки не было. А вот бабушка была. Звали её Вера Павловна. В этот праздничный день Вера Павловна расположилась по правую руку от именинника и со сладкой улыбкой умильно созерцала любимого внука.

Слева от Андрюшки сидел его папа Игорь, которому все друзья и знакомые неустанно твердили о том, что сын – его точная копия, поскольку у папы был такой же морковный чуб, зачёсанный на правую сторону, и золотистые (правда, в меньшем, чем у Андрюшки, количестве) веснушки. Только песенку про убитого лопатой дедушку друзья папы почему-то никогда ему не пели. А в остальном сходство было практически полным.

Последней за праздничный стол села хрупкая мама Наташа, гордо водрузив между чашек свежеспечённое кулинарное чудо

-
- Екатерина Борисовна Зверева родилась в 1974 году во Владимире. Филолог. В 1997 году окончила Владимирский государственный педагогический университет. Десять лет преподавала русский язык и литературу в средней школе. В настоящее время является старшим преподавателем кафедры профессиональной языковой подготовки Владимирского юридического института ФСИН России. Преподаёт русский язык. Пишет прозу, публицистику. Автор сборника рассказов «Моя мама – училка!» (изд-во «Авторская книга»: Москва, 2015). Публиковалась в литературных альманахах Москвы, культурно-просветительском и литературно-художественном журнале «Клязьма», на сайте журнала «Москва».

с розочками из бeze и десятью витыми зажжёнными свечками, похожими на маленькие факелы.

Наступила торжественная пауза. Первой взяла слово бабушка Вера Павловна. Она поднялась со своего места, поправила на шее крупные выпуклые бусы и громко, значительно, как ведущая филармонического концерта, произнесла:

– Дорогой наш Андрюшенька! Поздравляем тебя с днём рождения! Рости умным мальчиком! Хорошо учись! Слушайся родителей!

– Помогай бабушке! – продолжила мама Наташа.

– Не забывай делать уроки, – подсказала Вера Павловна. – Ты уже в таком возрасте, что должен заботиться об этом сам.

Напутствия и пожелания летели к Андрюшке, как шарики пинг-понга: подача бабушки – подача мамы, слева – справа, слева – справа...

– Читай больше умных книжек!

– Постарайся исправить тройку по русскому!

– Будь настоящим мужчиной!

– Не обижай девочек!

Папа Игорь хотел было вставить в поздравление сына свои отцовские «пять копеек», но вдруг заметил, что Андрюшка как-то растерянно хлопает рыжими ресницами, словно не успевает отбиваться от назойливых шариков, летящих к нему со всех сторон.

– Эх! – сочувственно вздохнул Васильков-старший. – Не пожелания, а список поручений. На пятилетку хватит! Если уж Андрюшку в такой оборот взяли, то мне вообще крышка.

Папа Игорь собирался отпраздновать своё тридцатипятилетие, притаившееся на пороге следующей недели, и отчётливо представил себя во главе праздничного стола, в новом костюме и хрустящей белой рубашке. Ощущение было настолько ясным, что ему захотелось ослабить узел воображаемого галстука.

От напряжения брови сошлись на переносице Василькова-старшего рыжим домиком. Силой мысли он перенёсся в атмосферу предстоящих событий и как будто бы услышал голос жены:

– Дорогой Игорь! Мы собрались, чтобы поздравить тебя с юбилеем! Желаем тебе быть хорошим мужем и заботливым отцом. В последнее время ты мало занимаешься с сыном. Постарайся исправиться, милый!

– Ты уже в таком возрасте, дорогой зять, что не мешало бы тебе занять место заместителя начальника, – присоединилось к пожеланиям жены грудное контральто тещи. – Самое для этого время.

– Вот именно, – поддакнула жена. – И зарплата будет больше. Наконец-то в Грецию всей семьёй сможем съездить.

– Не забывай выносить мусор! – напомнила теща.

– Помоги маме достроить на даче теплицу. А то всё обещаешь, обещаешь...

– Купи жене норковую шубу. У всех её подруг есть, а у неё до сих пор нет.

– Не водись с Володькой. Он недавно развёлся и показывает тебе плохой пример.

– Тебе уже 35 лет, Васильков, а отчёт вовремя так и не научился сдавать! – громовыми раскатами долетел откуда-то сбоку бас начальника. – А ещё метишь на место моего заместителя! Желаю тебе наконец-то взяться за ум!

Васильков вздрогнул, словно очнулся после ночного кошмара, и возвратился в реальность.

«Почудится же! – подивился он про себя и ощутил, что желание отмечать юбилей растаяло, как забытое в сумке мороженое. – Заболеть, что ли,

в этот день? Точно! Притворюсь, что простудился. Или отравился. Чтобы никаких поздравлений!»

Между тем чествование Андрюшки вступило в завершающую фазу. Красноречие мамы и бабушки постепенно иссякло, и прозвучала фраза, дорогая сердцу каждого именинника:

– А теперь – подарки!

Из-под стола был извлечён пакет, солидные объёмы которого сулили много приятных сюрпризов. Андрюшка застыл от восторга, и даже веснушки на его курносом носу замерли в радостном ожидании. Мама Наташа погрузила во чрево пакета обе руки и стала доставать оттуда свёртки и свёрточки в ярких упаковках. Подарков оказалось много. Появление каждого сопровождалось пояснительными комментариями. Так, Андрюшкиному взору по очереди явились новые брюки («Чтобы в школе выглядел достойно!»), наручные часы на кожаном ремешке («Мужчина должен быть пунктуальным!»), набор «Юный техник» («Развивает аналитическое мышление!»), гантели («Чтобы занимался физкультурой!») и пушистый шерстяной шарф («Осень на носу. Чтобы горлышко было в тепле!»).

Пакет уже опустел, но Андрюшка почему-то не сводил с него глаз, в которых не гасло восторженное ожидание.

– Всё, сынок, подарки закончились! – Мама Наташа встряхнула пустой пакет и чмокнула сына в рыжую макушку. – Надеюсь, ты доволен?

– Как всё? – недоверчиво произнёс Андрюшка, и улыбка медленно сползла с его ясноглазой веснушчатой мордахи. – А... а кролик?

– Какой кролик?

– Ну... кролик. Беленький такой, пушистый, с длинными ушками. Мы его в гостях у тёти Лены видели. Ты сказала, что мне тоже такого купишь.

– Ах, да! – спохватилась мама Наташа. – Сейчас! Совсем забыла!

Она выбежала из кухни и мгновенно вернулась, что-то пряча за спиной. Андрюшка вскочил с табуретки и, как мог, вытянул шею, пытаясь заглянуть за мамину спину.

– Сынок! – провозгласила мама Наташа. – Мы очень ценим, что ты растёшь неравнодушным человеком, любишь животных, интересуешься ими, а потому... – Она выдержала паузу, во время которой Андрюшка затаил дыхание и боялся моргнуть. – А потому мы дарим тебе... детскую энциклопедию «Мир природы»!

Мама Наташа вытащила из-за спины толстенную книжицу в пёстрой обложке и сунула её прямо в руки сыну. Андрюшка перехватил книгу и инстинктивно присел под её внушительным весом, как турист под тяжестью рюкзака. Он был так разочарован, будто прямо на его глазах маленький живой кролик вдруг превратился в кипу прошитых листов мёртвой бумаги.

– А... а кролик? – снова плаксиво проканючил Андрюшка, обманутый в своих лучших ожиданиях.

– Ну что ты заладил? – заворчала бабушка Вера Петровна. – Кролик, кролик... Будет тебе кролик! Мама обещала – значит, купит.

– Когда справишь «тройку» по русскому языку, – напомнила мама Наташа. – А сейчас давайте есть торт.

Андрюшка покорно замолчал, но радость дня рождения для него уже погасла, как огоньки на новогодней ёлке после окончания праздника. Даже свечи на торте расхотелось задувать. А что толку? Загадываешь желание, загадываешь, а тебе вместо кролика – картинку в энциклопедии. Андрюшке захотелось зареветь, но он сдержался, чтобы не расстраивать маму, и только вздохнул.

Этот вздох поймал папа Игорь.

«Расстроился! – подумал он. – Ну а что? Жена правильно сказала: сначала пусть «тройку» исправит, а потом...»

Воображение снова вырвало Василькова-старшего из лона семейного чаепития и, как торнадо, мгновенно перенесло его в мир грядущего юбилея – в тот вожделенный момент, когда именинника начинают одаривать гостинцами, сюрпризами, сувенирами и приятными неожиданностями. Знакомые голоса отчётливо разлились в его воображении.

– Игорёк! Я долго думала, что подарить любимому мужу, и решила, что этот итальянский галстук придаст тебе солидности и шарма. Синий цвет сейчас в тренде.

– Дорогой зять, ты много работаешь и, конечно, устаёшь. Быть главой семьи – нелёгкая задача. А потому я решила подарить тебе два билета на премьеру нового балета! Сходишь вместе с Наташенькой, развеешься, отдохнёшь! Я уже не говорю об эстетическом наслаждении, которое ты получишь!

– Васильков! Тебе, как ценному сотруднику, я дарю будильник с функцией напоминания, чтобы ты не забывал о сроке сдачи отчётов!

– А как же спиннинг? Японский спиннинг, о котором я мечтал? Вы же мне обещали! – мысленно взмолился Васильков-старший.

– Ах, спиннинг? Ну, конечно, дорогой, мы все знаем, как ты любишь ловить рыбу, и обязательно подарим тебе его, когда ты займёшь место заместителя начальника. А пока... вот сачок для ловли бабочек! Мы уверены, что это занятие доставит тебе истинное удовольствие!

«О, нет!» – простонал папа Игорь, словно у него внезапно разболелись зубы. Это произошло в тот момент, когда Андрюшка всё-таки набрал в грудь воздуха, чтобы погасить на торте зажжённые свечи.

Васильков-старший взвился с места, словно ужаленный невидимой змеей, и вцепился глазами в жену и тещу. Его прищур был вызывающим, а взгляд – издевательски ехидным.

– Дорогая! – медовым тенором пропел жене папа Игорь. Его гладко выбритые щёки покрылись оранжевым румянцем, и он стал похож на апельсин. – Ты, кажется, хотела поехать в Грецию? Только сначала будь добра выучить греческий язык. Ехать за границу и не знать языка – это же неприлично!

– Игорь, что с тобой? – изумлённо спросила бабушка Вера Павловна, поскольку мама Наташа просто онемела от неожиданного выступления мужа.

– Что со мной? – резко повернулся к теще Васильков-старший и растянул губы в елеинной улыбке. – Абсолютно ничего! Сидим, поздравляем Андрюшку, беседуем. Вы, Вера Павловна, кажется, просили теплицу на дачу? Будет, будет теплица. Я же обещал! Только сначала не мешало бы вам научиться вязать на спицах или хотя бы крючком. А то шапки и шарфы Андрюшке на рынке покупаем. За бешеные деньги! Поэтому, уважаемая Вера Павловна, учитесь вязать. Будет шапка – будет и теплица. У меня всё! – подытожил глава семьи, театрально раскланялся и сел на место.

Свечи на торте уменьшились втрое и начали потихоньку плавить воздушное безе. Жена, сын и теща смотрели на Василькова-старшего с таким испуганным недоумением, словно у него внезапно вырос второй нос. Над столом повисла напряжённая пауза. Папа Игорь по-мальчишески засуетился, неловко дёрнулся, задел локтем тарелку так, что она чуть не слетела на пол, и снова вскочил.

– Наташа, – обратился он к жене тихим, мягким голосом, без тени сарказма. – Ты помнишь день, когда родился Андрюшка? Тебя увезли в роддом, а я остался ждать вестей. Но вестей не было. Я сходил с ума. Шагал из кухни в комнату и из комнаты в кухню. Туда-сюда, туда-сюда. Километры нашагал. И тут звонок. Хватаю телефон, а мне говорят: «У вас сын». Таким обычным голосом сказали, как будто сообщили об установке домофона. Я тут же из квартиры выскочил и – к вам. Такси поймал, до роддома доехал. Стучу, а меня не пускают. Медсестра говорит из-за двери: мол, куда ломишься, четыре часа утра. Я кричу ей: «У меня сын родился!» А она: «Ну, родился – и хорошо. Позже приходи». А меня прямо распирает от счастья! Сын ведь родился! Наследник!

Папа Игорь наклонился к притихшему Андрюшке и обнял его. Две рыжие макушки прижались друг к другу, как шляпки грибов подосиновиков.

– Там во дворе дерево росло. Высокое, корявое, ветки толстенные. Я по этим веткам почти на самый верх залез, курткой над головой машу и ору что есть мочи: «У меня сын! Родился! Сын! Ура-а!» Наташка, ты помнишь?

Мама Наташа не ответила, но взгляд её изменился. Он стал тёплым, как мерцание свечек.

– Вера Павловна, а вы помните, как Наташа гриппом заболела? Её положили в больницу. Андрюшке всего месяц был. Вопил без мамки до посинения! А мы с вами его на руках качали. По очереди. Ночи напролёт. А под утро он засыпал. Помните?

Вера Павловна кивнула и смахнула со щеки слезинку. За столом воцарилась тишина – трогательная, уютная, домашняя, как пушистый котёнок.

Папа Игорь смущённо откашлялся.

– Наташка, – выдохнул он. – Куплю я тебе шубу. И в Грецию поедем. Всею семьёй, как ты мечтала. Завтра отчёт сдам. Шеф премию обещал. У Володьки займы возьму. Он ведь развёлся, один живёт. Одолжит. Вера Павловна, и теплица будет. Я уже стройматериалы присмотрел. Володьку позову, он в строительстве дока. Развёлся, вот балбес. Теперь переживает... Я для вас всё сделаю! Без всяких условий. Вы же мои родные. Я вас всех люблю.

Васильков-старший вынул из кармана носовой платок, вытер со лба бисеринки пота и скомандовал Андрюшке:

– Поехали, сынок!

– Куда, пап?

– Кролика покупать!

**Светлана
ВЕДЕНЕЕВА**

ЖУЧОК И ПАУЧОК

ПОРΟΣЯТА

Разлётся поросёнок в луже,
И душ ему совсем не нужен.
Он так купается, друзья,
Ведь мама у него – свинья.
Чем больше грязи, тем милей
Для поросят и для свиной.

МОЛЬ

Сказала моль: «Ты мне поверь:
Я бабочка», – метнувшись в дверь,
Не во входную, а в шкафу,
Где шляпы, шуба на меху...
Поверишь бабочке такой –
И будешь голый и босой.

ДЯТЕЛ

Стучит прилежно дятел в ствол,
Там короёда он нашёл.
Назвали дятла санитаром,
Деревья лечит дятел даром.
В лесу ему почёт и честь
За то, что может много съесть.

-
- Светлана Веденева (Галина Юрьевна Черепкова) родилась в 1961 году в Костромской области в деревне Высокое. Семья вскоре переехала в село Веденьё. Окончила химико-механический техникум и Саратовский ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт по специальности «Инженер-химик-технолог». В 1995 году Галине Юрьевне было присвоено звание «Ветеран труда». Работала инженером-химиком, ведущим инженером исследовательской лаборатории. Участник ансамбля акапельного пения «Береста», член музыкально-поэтического объединения «Люстра Эммы», участник хвалынских фестивалей «Радуга–XXI век». Публиковалась в сборниках «Музыка души», «Радуга–XXI век» (2016–2019), «Весенний перезвон» (2016), «Под люстрой Эммы» (2018).

ЛЯГУШКА

Лягушка квакала с утра,
Что лету наступить пора,
А ей сорока отвечала:
– Весне порадуйся сначала!

ЦАПЛЯ

Лягушек очень я люблю,
Их я для завтрака ловлю,
Когда стою в болоте.
И рыбку съесть не против!
В болоте только рыбок нет –
Лечу на пруд искать обед!

БЕЛКА

Пока и сухо, и тепло,
Нашла орех – тащу в дупло.
Немало надо потрудиться,
Но всё зимою пригодится!

ЖУЧОК И ПАУЧОК

Сидел на веточке жучок.
Его увидел паучок,
Хотел жучка забрать с собой,
Чтоб стал жучок его едой.

Но был проворен жук, жучок –
«Прощай, голодный паучок!
Бегу подальше во весь дух,
Лови комариков и мух».

ВОРОБЕЙ

Воробей чирикнул громко:
«Есть хочу, бросай зерно!»
Но не слышал просьбы Ромка –
Он уже закрыл окно.

КВОЧКА

С петушком пошли подружки
В поле зёрнышки клевать,
Только пёстренькой подружки
С ними что-то не видать.

В сеновале наша квочка
Принесла яиц пяток –
Очень скоро будут дочки,
Будет маленький сынок.

ОВЕЧКА

Мирно паслась у крылечка
Белая наша овечка.
Рядом лежал пёс Трезор,
Нёс за объектом дозор.

Овечка траву пощипала,
Ей показалось мало –
Не унять ей никак аппетит.
Видит: собака спит,

Значит, можно гульнуть.
Овечка отправилась в путь
И дорогу забыла домой.
Страшно стало овечке одной.

Блеет она: «Бе-бе-бе!
Где ты, Трезор, милый, где?»
Глаз приоткрыл Трезор,
Вздрыгнул, бегом во двор.

Но нет там нашей овечки.
Взял он след от крылечка,
По следу бежал, и – ура! –
Овечка здорова, жива...

Мирно паслась у крылечка
Белая наша овечка.
Больше не нужен дозор,
Спит спокойно Трезор.

ЖУРАВЛИ

Летели в небе клином журавли
И уносили лето на крыле.
С утра туман, а днём идут дожди,
Хозяйничает осень на дворе.

ЗИМА

В эти чудные деньки
Взяли лыжи и коньки,
Санки тоже мы берём,
Всей гурьбой во двор идём.
Здесь каток и горка есть,
Всех забав у нас не счесть!

МАРТ

Середина марта. Снегопад.
Зимушка права свои качает.
Дворник Паша этому не рад,
Целый день он на весну серчает.

Горы снега выросли опять,
И «лопатить» нужно допоздна.
Словно повернуло время вспять.
Где же долгожданная весна?

Власть пора бы ей давно забрать!
Долго ли зиме царицей быть?!
Надобно весне её прогнать
И сугробы солнцем растопить...

Стужу в душу только непусти
И весны почувствуй дуновенье!
Хоть в снегу деревья и кусты,
Но уже я слышу птичье пенье.

АПРЕЛЬ

Завели синицы трель:
«Холод – прочь! Идёт апрель.
Дождь и солнце топят снег.
Славный будет год у всех!»

ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ

Каникулы. Лето. Жара.
На речку спешит детвора.
Дети в речке купаются,
На лужке кувыркаются,
Загорают и играют,
Камушки в речку кидают.

Возле речки – сказочный лес,
Полон тайн, загадок, чудес.
Глянь – кукушка сидит на суку!
Громкий крик раздаётся: «Ку-ку...»
Вот стоит на поляне лось –
Он хозяин здесь, а не гость.

Жизнь повсюду кипит в лесу.
Дети видят вдали лису.
Лисица идёт по следу –
Зайца хочет поймать к обеду.
Зайка быстренько прыг да скок –
Мигом он от лисы утёк!

Под елью спрятался зайчонок.
С рябины прыгает бельчонок.
В кусты летят спеша синички –
Пугливы маленькие птички!
Вдалеке соловушка поёт...
Бабушка внуков домой зовёт.

СЕСТРЁНКИ

Моя сестрёнка – школьница.
О школе я мечтаю,
Ведь я не только модница –
Букварь уже читаю!

СОСЕДКА

На резиновом банане
Я катаюсь в океане.
Прыгну в воду, я не трус –
Не боюсь совсем медуз!

А боится мой сосед,
Красный был на нём жилет.
Не слезает он с банана:
«Прыгать в воду я не стану!»

Вдруг акула или скат
Закусить мной захотят.
И пираньи, говорят,
Здесь съедают всё подряд!»

Бесполезны уговоры.
Не свернёшь с такими горы!

**Дмитрий
КОПЬЁВ**

СНЕГУРОЧКА ИЗ 3-го «А»

АРБУЗ

Мама поручила Коле, своему десятилетнему сыну, сходить в магазин и купить арбуз. Повод был как нельзя кстати. Настала осень. Жёлтые и рыжие листья усыпали тротуары и дворы, всюду яркими пятнами краснели гроздья рябины, бодрящий, со сладковато-горьким привкусом воздух сделался прозрачен, пространство раздвинулось, и все предметы и люди вокруг стали будто невесомыми. Ожидание скорых холодов заставляло быть серьезнее и заботливо-сосредоточеннее, и потому арбуз вполне подходил для того, чтобы весело попрощаться с летом...

Николай взял деньги и авоську и направился в овощной магазин. Мама знала, что не только можно, но даже должно доверять выбор арбузов сыну, потому как у него был дар: он всегда угадывал, какой арбуз будет красным и сладким, и никогда не ошибался. Чутьё у него было такое, особенное. Вот и теперь Николай после некоторых раздумий выбрал один самый большой арбуз из всех, какие только были в корзине, так что продавщица посоветовала нести осторожно этаким тяжеленный арбузище, на что Колька ответил: «Ничего!..» – и гордо зашагал домой.

Войдя во двор, уже возле самого подъезда Колька нос к носу столкнулся с Клавой, которая жила в соседнем подъезде и была участницей всех дворовых игр, а если выразиться точнее – заводилой всех этих игр. Она была на целый год старше, училась на четвёрки, а порою даже на пятёрки, и была значительно умнее и решительнее Кольки, равно как и его друга Мишки.

– Привет, Колька! – сказала Клава и с ходу взяла быка за рога. – Арбуз купил? Здоровый!

– Привет! – отозвался Николай. – Купил. Здоровый.

– Домой несёшь?

– Домой.

– Донесёшь?

– Донесу... А что?

– Да это я так, – сказала Клава, – давно арбуза не пробовала.

– Я тоже.

● Дмитрий Николаевич Копьёв родился и живёт в Петрозаводске. Пишет стихи, пьесы для детей и взрослых, прозу. Автор книг: «Клава спешит на помощь», «Как поймать тигра в клетку» и др.

- А спорим, я смогу одна съесть весь этот арбуз, а ты не сможешь!
– Нормально, – удивился Колька, – да я и не собираюсь есть его один!
– Да ты не понял! – горячо воскликнула Клава. – Я-то смогу! Верить?
На спор!
– Зачем мне спорить! – отозвался Колька. – Делать больше нечего...
Тут из подъезда вышел Мишка.
– Мишка! – закричала Клава. – Давай на спор! Вот он не верит, что я одна этот арбуз слопать могу. В один присест.
Мишка подошёл.
– Не понял, – сказал он. – Вы это о чём?
– Я говорю, что съем арбуз, а он говорит, что нет!
– Ничего я не говорю! – запротестовал Колька. – Врёт она всё! Я домой арбуз несу.
– Жадина, что ли? – сделала ход конём Клава. – Так и знала!
– Ха-ха-ха! – засмеялся Мишка.
– Кто жадина? Я? – возмутился Николай.
– А кто ещё!
– Ничего я не жадина!
– А чего тогда...
– Ничего!
– Я?.. Я?.. Да я...
– Да хватит вам! – не выдержал Мишка. – Давайте уже по делу.
– Действительно, – произнесла Клава, – нашли о чём спорить!
– Да кто нашёл-то? Ничего я не искал!
– Всё! – оборвала Клава. – Стойте здесь. Никуда не уходите. Я за инструментом.
И убежала.
– За каким инструментом? – запоздало спросил Колька.
Мишка пожал плечами.
– Так что, ждать её будем?
– Да ладно, чего уж...
– Меня дома ждут, – сказал Николай.
– Кстати, – невпопад ответил Мишка, – из половинки арбуза можно сделать отличный кораблик... А из двух половинок – два. Мачту воткнуть и парус... Хотя бы из газеты. Нормально выйдет...
– Какие кораблики? – запротестовал Колька. – Детский сад, что ли?
– Да нет, – ответил Мишка, – прикольно просто.
Тут вернулась Клава. Она запыхалась, и в руках она держала пластиковый резак с тонким стальным лезвием и большую столовую ложку.
– Вот, – показала она, – резак. Ничего, пойдёт! Картон режет как миленький.
– А ложка зачем? – спросил Мишка.
– А чем есть-то, думал?
– Нормально! – удивился Колька. – Ложкой – арбуз?
– Другого выхода нет, – заверила Клава, – щас на две половинки его разрежем, а больше не получится... Мякоть я вычерпаю.
– Отлично! – обрадовался Мишка. – Вот тебе и два кораблика. Запустим плавать.
– Да вы чего! – возмутился наконец Колька. – Без меня всё решили?!
– Куда мы без тебя! – воскликнула Клава. – Давай сюда!
Она забрала из рук Николая авоську, достала арбуз, затем присела на краешек скамеечки, водрузила арбуз себе на колени и надрезала лезвием твёрдую зелёную корку.

– Ровнее веди, – посоветовал Мишка, – кораблики не испорты!
– Помог бы лучше, – сопя от усердия, возразила Клава. – Советчик тоже...

Мишка забрал у неё резак, и дело пошло быстрее. Корка была надрезана, осталось разломить арбуз. Мишка подцепил место разреза пальцами, поднапрягся, лицо его покраснело, арбуз затрещал и – развалился на две половинки.

- Ба! – в восторге воскликнула Клава. – Красный какой!
- У меня все такие, – угрюмо констатировал Колька.
- Приступай, – сказал Мишка.

Клава вооружилась ложкой и принялась за дело. Она черпала сочную алую мякоть и отправляла в рот, не забывая выплёвывать семечки. На лице её сияла улыбка блаженства. Колька и Мишка молча наблюдали за процессом.

– Нет, что ни говори, Колька молодец, – оценила Клава, выплёвывая очередную порцию семечек. – Такой арбуз выбрал!

- На здоровье, – откликнулся Николай.
- Не отвлекайся, – заметил Мишка, – это только начало.
- Не завидуй, – сказала Клава.
- Дождёмся итога, тогда посмотрим, кто кому завидовать станет!
- Дождёмся!

С первой половинкой арбуза покончено было, впрочем, довольно скоро. Клава отложила сделавшуюся похожей на чашу корку в сторону, вытерла рукавом губы и объявила:

– Я сейчас.

И убежала.

Мишка повертел корку в руках и определил:

– Классный кораблик выйдет. Надо щепку найти для мачты.

Пока они вместе занимались поисками щепки, возвратилась Клава и сказала:

– Ну что, продолжим!

Со второй половинкой дело пошло медленнее. Клава часто прерывалась, шумно выдыхала воздух и говорила:

– Никогда таких вкусных арбузов не пробовала! Молодец, Колька!

Или:

– Полезная вещь, ничего не скажешь!..
– Ты комментируй по делу, – высказал пожелание Мишка. – Как процесс вообще идёт? Утрамбовывается? А то мы за тебя беспокоимся.

– Не беспокойтесь, – заверила Клава, – процесс идёт как надо. Всё утрамбуется. Рекорд будет поставлен.

Лицо претендентки на рекорд округлилось и увлажнилось, однако улыбка была уже менее лучезарной.

– Передохни, – пожалел её Мишка, – некуда спешить...

Клава передохнула.

Николай молча наблюдал за происходящим, мысленно пытаясь найти выход из создавшейся ситуации.

Мишка нашёл пару щепок и сбегал домой за газетами.

Клава передохнула ещё раз.

Наконец с арбузом было покончено.

Клава неподвижно сидела на скамейке и беззвучно шевелила губами.

Мишка воткнул щепки с газетными парусами в арбузные чашки и, явно довольный своей работой, сказал:

– Ничего себе получились кораблики, правда?

- Нормально, – махнул рукой Колька.
- Ничего себе, – согласилась Клава.
- Айда запустим!
- Без меня, – прошептала Клава. – Я вас здесь подожду.
- Ну, как хочешь...

Мишка с Колей отправились на речку. Первый кораблик оказался устойчивым и быстро перевернулся, зато второй вполне себе уверенно держался на воде. Ребята следовали за ним, сколько позволял берег, пока не упёрлись в прибрежные заросли. Арбузный кораблик, покачиваясь, уплыл в неизведанную даль...

- Представь, – сказал Мишка, – встретит его кто-то – вот удивится!
- Это что! – подхватил Коля. – Представь, сколько он сам, ну, в смысле, кораблик, увидит: города, деревни, страны! Нам не увидеть столько никогда!
- Почему же это не увидеть? – возразил Мишка. – Может, и увидеть! Взрослыми станем, так и путешественниками заделаться можно.

Ребята приумомкли, мысленно представляя необъятные просторы земли. Леса и поля, реки и горы, моря и океаны, города и страны – всё то, что можно будет увидеть собственными глазами, если только не сидеть дома.

...Когда они вернулись, Клава сидела, как прежде, неподвижно.

- Ну как ты? – спросил Мишка.
- Ничего... Как прошли испытания?
- Супер! – сказал Мишка. – Отличные ходовые качества.
- Что теперь делать будем? – после паузы спросила Клава.
- В каком смысле? – не понял Мишка.
- Как Колькиным родителям отвечать, куда арбуз делся.
- Спасибо, вспомнила, – вздохнул Колька.
- Да чего тут думать, – посоветовал Мишка, – шёл по дороге – бац – и упал. Арбуз – вдребезги!
- Не хочу я падать, – возразил Николай.
- Чудак, это ж я понарошку говорю!
- Нет, – сказала Клава, – не понарошку, врать никто не будет, ясно?.. Или ты собираешься? Ну иди ври!
- Да чего ты, – оскорбился Мишка, – я же так просто... Не врать так не врать...

– Вот и хорошо, – успокоилась Клава и обратилась к Кольке: – У тебя сколько денег осталось?

- Немножко осталось.
- На арбуз хватит?
- Наверяд ли...
- Ничего, я добавлю, – пообещала Клава и повернулась к Мишке: – Просто арбуз купим, делов-то!
- Здорово! – засмеялся Мишка. – Арбуз купим, чтоб ты его снова слопа-ла? Мало одного?

Клава не удостоила его ответом.

- Идёмте! – просто сказала она.

Они отправились в магазин. Клава шагала медленно, стараясь не делать резких телодвижений, что дало повод Мишке блеснуть своим остроумием. Он называл Клаву то подводной лодкой, то баржой-СУХАРБУЗОМ и советовал сильнее загребать руками, отталкиваясь от воздуха. Клава слабо реагировала на колкости, и в общем они благополучно добрались. Денег хватило на небольшой арбуз, килограмма этак на два с половиной, не больше. Но и то было хорошо.

– Всё равно враньё получается, – подытожил Мишка на обратном пути. – Арбуз-то не тот. Тот – в животе у этой красавицы.

– Молчи про живот! – пригрозила Клава. – И вообще, иди уже домой. Тебе пора.

– Вот те на! – удивился Мишка. – А вы куда?

Они стояли возле Колькиного подъезда.

– Пока, – сказала Клава и добавила, обращаясь к Николаю: – Идём.

И вошла в подъезд.

Колька послушно последовал за ней.

Мишка постоял на месте, подумал и пошёл домой.

Клава с Николаем поднялись по лестнице.

– Звони, – сказала Клава.

Колька позвонил. Двери открыла мама.

– А, – обрадовалась она, – ребята! Здравствуй, Клава. Почему вы так долго?

– Мы... – начал Колька.

– Здравствуйте, Татьяна Александровна, – перебила Клава.

– Николаевна, – подсаказал Колька.

– А, да, – продолжала Клава, – Татьяна Николаевна. А мы с Колей купили аж целых два арбуза одновременно и один уже съели. Так что спасибо вам!

– Ну и на здоровье, что съели, – сказала мама, – только мне-то за что спасибо?

– Вкусный был арбуз, правда? – толкнула Клава Кольку.

– Ага, – согласился тот, – очень... В смысле, вкусный...

– Вот и хорошо, – похвалила мама, – молодцы!

В это время появился Колин папа. Он поднимался по лестнице, и в руках у него был огромный-преогромный арбуз.

– Ой, – испугалась Клава.

– Привет, ребятня! – воскликнул папа. – А вы чего на пороге стоите? Смотрите, какой я арбуз купил! Идёмте его есть!

– Н-нет, спасибо, – выдавила из себя Клава. – Я домой пойду... пожалуй...

– А чего так? – спросил папа.

– Нет, правда... Мне давно... уже пора, – не сводя глаз с арбуза, убедительно проговорила Клава. – До свидания. Спасибо!

Она повернулась и стала медленно спускаться по лестнице, переваливаясь как утка.

– Ну, как знаешь... – пожал плечами папа.

– Пока! – попрощался Коля.

Клава вместо ответа помахала рукой.

– Ну что, – провозгласил папа, – айда арбуз есть! Арбузнём, так сказать!

– Арбузнём! – согласился Колька.

СКАЛОЛАЗКА

Как-то Коля, Мишка и Клава путешествовали по стройке. Новый район был застроен многочисленными высокими домами, но заселён ещё не был, поскольку отделочные работы только начались.

Разгуливать по пустынным помещениям было чрезвычайно интересно. Можно было бесконечно фантазировать, какие здесь будут жить люди, как они будут ходить и бегать по комнатам, играть с детьми, петь, ссориться

и мириться, готовить обеды, принимать гостей, слушать на ночь бабушкины сказки, пылесосить ковры и развешивать бельё на балконе, читать газеты и смотреть телевизор... Как они расставят мебель, какого цвета обои у них будут, какие цветы на окнах... Будут ли у них домашние животные, кошки и собаки, или дело обойдётся хомячками и попугайчиками...

– А вот здесь у меня будет диван, – сочиняла Клава, жестами очерчивая размеры дивана, – здесь – стол письменный, тут гардероб, платья повешу, а сюда – книжные полки... Здесь креслице такое, качалку, поставлю, раскачиваться буду... Эту всю стену постерами заклею, а на потолке разными красками нарисую... Здорово, правда?

Расположение и количество комнат было разное, и тем интереснее было представлять различные сценарии будущей жизни неизвестных людей, которые, когда поселятся и обживутся здесь, так и не узнают, что когда-то давным-давно их жизнь уже сочиняли и разыгрывали незнакомые им дети.

Они обошли весь дом, забрались на последний этаж и сверху посмотрели на то, в каком большом городе они живут. Сверху всё было видно – и речку, и лес, и дома, и улицы, и автомобили, и прохожих. И всё это выглядело с высоты совершенно по-новому. И дома, и речка, и автомобили, и люди, и шныряющие туда-сюда кошки и собаки – все были смешными и маленькими и – главное – вели себя совершенно беспечно, так, как будто они одни на этом свете независимые и самостоятельные и могут делать то, что только взбрѣдет им в голову, и не подозревали, наивные, что за ними всеми с огромной-преогромной высоты наблюдают три пары любопытных глаз.

– Какие они маленькие, – засмеялась Клава, – и как будто понарошку, все такие ненастоящие, кукольные! Смотреть смешно!

– Да, отсюда мы – великаны, – согласился Колька, – и всё на свете видим. И знаем обо всѣм на свете. Вообще, отсюда всё совсем другое. И мы тоже – другие! Правда?

– Вот спустимся вниз и станем такими же, – сказал Мишка.

– Жаль, – продолжал Коля. – Вот бы остаться такими, как сейчас. Не такими, как все...

– Ага! – подхватила Клава. – А все остальные пускай останутся как сейчас – кукольными. И мы могли бы тогда делать с ними что захотим.

– Ну и фантазии у вас! – удивился Мишка.

– Нет, правда, – не согласился Николай, – тебе разве не хочется быть... э-э-э... самым главным?

Мишка подумал и ответил:

– Хочется. – И прибавил: – Иногда.

– Вот! – сказал Коля.

– Что «вот»? Всё равно ничего не получится.

– Что не получится?

– Ну, того самого... самыми главными быть!

– Почему это не получится?

– Потому. Потому, что всё это – оптический обман! Потому что сверху смотрим. А на самом деле мы – такие же, как все, да ещё дети к тому же. И взрослые нами правят! Понятно?!

– Никакой в тебе романтики, Мишка, – вздохнула Клава. – Помечтать-то ведь можно?..

Потом подумала и прибавила:

– К тому же никто мной не правит! Пусть только попробует! Хо-хо!..

– Ну-ну, – усмехнулся Мишка.

Наконец, утомившись, ребята спустились вниз. Входная дверь была распахнута настежь. Однако, когда они подошли ближе, в дверном проёме неожиданно возник силуэт огромного мужчины в рабочей одежде, сапогах и каске.

– Ой! – испугалась Клава, останавливаясь.

Ребята замерли на месте.

– А-а-а! – страшным голосом закричал силуэт. – Вот вы где! Попались, хулиганы! Вот я вам!

Клава взвизгнула и бросилась вверх по лестнице. Ребята последовали за ней. Они мигом взлетели – Клава на второй, Колька на третий, а Мишка аж на четвёртый этаж. Однако мужчина, вместо того, чтобы заняться преследованием, с грохотом захлопнул входную дверь и загремел замком.

– Вот сейчас милицию вызову, будете знать, как хулиганить! – объявил он громко. – И родителей заодно! Они вам покажут, как по стройкам лазать!

И затопал сапогами куда-то прочь.

Некоторое время в пустом здании царил тишина, затем пленники начали с осторожностью двигаться навстречу друг другу. Собравшись, они молча постояли, переживая случившееся, затем Мишка подвёл итог:

– Это сторож, наверное, – сказал он. – Мы влипли.

– Милицию грозил вызвать, – поделился Колька.

Одна Клава высказалась оптимистично:

– Не дрейфь! – воскликнула она бодро. – Нас не догонят!

На всякий случай они попробовали на прочность запертую дверь, но тщетно.

– Выход один, – подвела итог Клава, – через окно!

– Тут же окон нет, – возразил Мишка.

Первый этаж предназначался, по всей видимости, для какого-нибудь магазина, и потому входа туда не было.

– Со второго этажа! – решила Клава. – Чего такого!

Ребята поднялись на второй этаж, вышли на балкон.

– Высоко! – определил Мишка.

– Надо найти какую-нибудь верёвку. – Клава огляделась вокруг. – По ней и спустимся.

– Ты что, с ума сошла? – заволновался Мишка. – Какую верёвку! Как спустимся? Грохнемся, как папы Карло... И кстати, где она, твоя верёвка? Специально для тебя приготовили? В уголке лежит?

– Найдём, – уверенно проговорила Клава и отправилась на поиски.

– При чём тут папа Карло? – спросил Колька. – Куда он грохался?

– Да погоди ты! – отмахнулся Мишка. – Папа Карло, не папа Карло – какая разница!..

– Нашла! – закричала Клава.

Ребята побежали на зов. В соседней комнате стоял какой-то железный ящик на колёсиках, обмотанный длинным-предлинным, толстым, заключённым в резиновую оболочку электрическим кабелем.

– Это что? – спросил Мишка.

– Сварочный аппарат, – высказал предположение Коля.

– А ты откуда знаешь?

– А может, и нет, – пошёл на попятную Николай.

– И даже рукавицы есть, – обрадовалась Клава. – Спускаться будет удобно.

– Да ну вас, – сказал Мишка, – оборвётся.

Коля возразил:

– Нет, этот как раз не оборвётся. Только удержаться будет трудно.

– Потащили! – скомандовала Клава. – Время даром тратим. Сейчас вся милиция сбежится!

Все вместе они взялись и покатали железный ящик к выходу на балкон.

– Смотрите, – принялась объяснять Клава, – сделаем так. Я сейчас уцеплюсь, а вы меня тихонечко спустите. Вдвоём. Только осторожно.

– Не удержишься, – забеспокоился Коля.

– Удержусь! – уверила Клава. – Вы, главное, не бросайте.

– Надо петлю сделать, – посоветовал Мишка. – Завяжем вот эдак, она усядется, и спустим.

– Голова! – похвалила Клава. – Здорово придумал!

Они попытались завязать кабель узлом. Не с первого раза, но получилось.

– Только крепче держись, – сказал Мишка, – обеими руками.

– Хорошо.

Клава уселась в петлю и спросила:

– А дальше как?

– Полезай через перила.

Клава перелезла через перила и встала на краешке балкона.

– Ох, мамочки! – ахнула она. – Страшно!

– Не бойся, – сказал Мишка.

– Вы только держите крепче, – попросила Клава.

– Не бойся, – повторил Мишка.

– Ну, я пошла!

Коля и Мишка уцепились за кабель.

Клава шагнула вниз.

Кабель натянулся.

– Вира по майну! – скомандовала Клава.

– Чего это она? – спросил Колька.

– Держи крепче! – прохрипел Мишка.

Они начали осторожно, перебирая руками, опускать потихоньку кабель.

– Тяжёлая! – заметил Мишка.

– Ой, как здорово! – закудаhtала Клава. – Только осторожно, мальчики! Я такая хрупкая!

– Далеко до земли? – спросил Коля.

– Я на полпути! Аккуратненько-аккуратненько!..

Наконец спуск был завершён.

Ребята выглянули с балкона. Клава стояла внизу и весело махала рукой.

– Здорово! Давайте теперь вы!

– Я тебя не удержу, – сказал Коля.

– Тяните кабель, чего застыли! – поторопила Клава.

Мишка вытянул кабель.

– Не удержу я тебя, – повторил Николай.

– Так что делать? – спросил Мишка.

– На руках спускаться.

– Здорово! – восхитился Мишка. – А ты пробовал когда-нибудь... со второго этажа... да по кабелю?

– Нет, – признался Колька.

– Вот именно, – сказал Мишка. – Тут-то и будет тебе «папа Карло»!

– Ну, чего вы там? – закричала Клава. – Время ведь теряем!

– Да погоди ты! – крикнул Мишка. – У нас даже рукавиц нет! Ты забрала.

– Ну так ловите – я бросаю!

– Думаешь, добросишь?

Клава скомкала рукавицы в комок и неловко, как все девчонки, нелепо выворачивая руку за голову, бросила. Комок не пролетел и трети пути.

– Эх ты, – засмеялся Мишка, – метательница ядра...

– Я сейчас! – ответила Клава.

Она поискала немного и нашла подходящий по размерам камень, положила его в рукавицу, сверху заткнув её другой.

– Ну, ловите!

– Э-э-э, – забеспокоился Мишка, – ты нам в лоб не засвети!

– Так спрячьтесь!

Мишка и Колька нырнули за железную решётку балкона. Клава бросила. Раздался звон стекла.

– Ой, – испугалась Клава, – я что-то разбила?

– Форточку, – сказал Мишка, поднимаясь. – Хорошо, витрину в магазине не высадила!

– Я не нарочно!

– Сейчас сюда весь район сбежится, – запаниковал Колька. – Драпать надо!

Но было поздно. Раздался топот сапожищ, и послышался истошный вопль:

– А-а-а! Хулиганы! Вы чего творите! Стёкла бить удумали! Ну я вам задам!

Клава взвизгнула и пыльной кометой унеслась прочь. Ребят словно ветром сдуло с балкона. Сторож затопал к двери и загремел замком, приговаривая:

– Ну я вам задам! Ишь, повадились стёкла бить! Я вам! Вы у меня попляшете!.. Я вам все уши пообрываю!

В экстремальной ситуации скорость ног обычно опережает среднюю скорость мысли. Не сговариваясь, Колька с Мишкой нырнули в соседнюю квартиру и притаились. Сторож с грохотом пробежал мимо, и в тот же миг, не дожидаясь очередного подарка судьбы, ребята скатились по лестнице и, не разбирая дороги, полетели домой. По пути из ближайшего проулка выскочила Клава и закричала:

– Ура-а-а! Нас не догонят!

...Очутившись во дворе, долго не могли отдышаться. Потом Клава сказала:

– Я всё видела. Ловко вы его облапошили! Молодцы!

Мишка сказал:

– Ага!

Но Клава добавила:

– Только вот по верёвке одна я спустилась! Так что я «геройка»! Скалолазка!

– Но-но, скалолазка! Не задавайся! Если б не твоя «меткость», мы бы ещё круче спустились, понятно!

– Это ещё неизвестно, – подначила Клава. – Это ещё доказать надо!

– Во даёт! – возмутился Мишка. – Нет, вы только её послушайте!

– А чего тут слушать? Вот спустились бы, тогда бы и говорили!

– И спустились бы! В два счёта!

– Да-да-да! Спустились БЫ! Вот именно! Давайте пойдём обратно, и вы покажете, как вы спустились бы!

– Ага! – усмехнулся Мишка. – Идёмте! Чтоб нас дядька этот сцапал, да?..

Нетушки, спасибо!

– Вот и выходит, что струсили!

– Мы струсили? – закричал Мишка. – Ах так!..

Неизвестно, что последовало бы за Мишкиным «ах так!», но тут в спор вмешался Коля.

– Погодите! – начал рассуждать он. – Правда, Клавка, ты чего? Мы же тебя... на собственных руках! Чуть не уронили, во! Но спасли!.. Хоть бы спасибо сказала!

Клавка подумала и сказала:

– Ладно, спасибо! – И прибавила: – Мир, дружба!

– То-то же! – заключил Мишка.

– Всем ведь досталось, – продолжал развивать мысль Николай. – Меня до сих пор колотит.

– Вот-вот, – подхватил Мишка, – и у меня коленки дрожат!

– Так и я о том же! – заключила Клава. – Так что скалолазкой остаюсь одна я!

Спор вспыхнул с новой силой...

КОТЁНОК ПОД КАПОТОМ

Клава, Колька и Мишка играли на крошечной спортплощадке в бадминтон. Точнее, играли по двое, а третий судил. Лучше всех играла, разумеется, Клава и в большинстве случаев легко обыгрывала мальчишек. Точно так и сейчас: счёт был давно в её пользу, а она всё обыгрывала и обыгрывала... По правде сказать, всем: и тем, кто выигрывал, и тем, кто проигрывал, – поднадоело это занятие и хотелось уже, так сказать, сменить пластинку.

В это самое время во двор въехал автомобиль красного цвета. Вообще, для парковки машин возле дома было отведено особое место. Однако там всё было занято, и потому красный автомобиль, прижавшись к обочине, остановился поодаль, прямо напротив кустов сирени. Из машины вышел человек, захлопнул дверцу и направился в крайний подъезд, очевидно, к кому-то в гости.

Спустя некоторое время неожиданно послышались крики: «Стой! Стой! Мурзик! Куда же ты! Стой, Мурзик! Мурзик!» – и во дворе появились какие-то незнакомые девочка и мальчик. Они бежали со всех ног, преследуя, как легко можно было догадаться, какого-то Мурзика.

Мишка, Коля и Клава бросили игру, наблюдая за разворачивающимися событиями.

Незнакомые девочка и мальчик подбежали к красному автомобилю и принялись кружить возле него, продолжая звать Мурзика. Затем они стали заглядывать под автомобиль.

– Кыс-кыс-кыс! – взывала девочка. – Кыс-кыс-кыс, Мурзик, дурачок, вылезай! Не бойся!

– Кыс-кыс-кыс! – вторил ей незнакомый мальчик.

Клава, Коля и Мишка подошли ближе.

– Что случилось? – прямо спросила Клава. – Кота потеряли?

– Котёнка Мурзика! – сообщила девочка. Голосок был у неё тоненький и жалобный, и сама она была тоже маленькая, под стать своему голосу. – Только не потеряли, а он собаки испугался. Мы гуляли с ним, а тут собачища!..

– Да! – подхватил мальчик. – Как бросится! Котёнок – дёру, мы – за ним, он – под машину!

– Ничего, – сказала Клава, – сейчас достанем!

Она заглянула под автомобиль и позвала:

– Как там тебя... Мурзик! Кыс-кыс-кыс! Вылезай!

Потом она выпрямилась и объявила:

– Нет там никого. Не видно, по крайней мере.

– Дай я! – вызвался Мишка и полез под автомобиль.

Он долго вглядывался, звал: «кыс-кыс-кыс» – но без толку. Котёнка не было.

– Нет никого, – сказал Мишка, поднимаясь. – Куда он делся?

Под машину залез и Коля, исследовал и пришёл к такому же выводу.

– Нет никого!

– Может, он дальше побежал? – спросила Клава.

– Нет, – ответила девочка, – точно: он здесь. Никуда не убежал больше.

– Я тоже видел, – подтвердил мальчик.

– Дела! – посетовала Клава и подвела итог: – Ясно: он внутрь машины забрался!

– Ой, – огорчилась девочка, – и что же теперь делать?

– Не знаю, – сказала Клава и постучала по крышке капота. – Эй! Отзовись! Мурзик!

Повторили попытки обнаружить котёнка под автомобилем, звали на разные лады – ничего не помогало.

– А почему он молчит? – спросила Клава. – Немой, что ли?

– Да нет, – объяснила девочка, – не немой, просто испугался.

– Он в шоке, – добавил мальчик.

– В шоке! – патетически воскликнула Клава. – Он в шоке!

– Что же теперь делать? – жалобно повторила девочка.

– Не знаю, – сказала Клава.

– Надо его как-то выманить... – предложил Мишка.

– ...Или чем-нибудь, – уточнил Коля.

– Валерьянка есть? – спросила неожиданно Клава.

– Что-о-о?! – удивился Мишка.

– Не «что», а валерьянка! Коты валерьянку любят. Надо налить немного, он и вылезет.

– Наш Мурзик не любит валерьянки, – немножко обиделась хозяйка котёнка. – Он молоко любит.

– Молоком не выманишь, – убедительно проговорила Клава. – Тут нужен сильный запах.

– Смотри какой запах... – неуверенно вступился Коля. – Валерьянкой выманивать... Сомнительно... Может, лучше рыбой?

– Рыбой! – с неопределимым выражением воскликнула Клава. – Тухлой рыбой!

Колька, осознав свою ошибку, вздохнул и поправил очки.

– Я тоже сомневаюсь, – высказал своё мнение Мишка.

– Ну и сомневайтесь! – отрезала Клава. – На здоровье! Только делать-то что-то надо!

Мишка пожал плечами и огляделся вокруг.

– Так что валерьянка всё равно нужна. Сто процентов! – заключила Клава.

– У нас, кажется, есть! – вспомнил Мишка. – Я сейчас!

Он убежал и вскоре вернулся с лекарством.

– Вот, – сказал он, – в таблетках, правда.

– Ты чего? – воскликнула Клава. – Это же валидол, а не валерьянка!..

– Какая разница? – отмахнулся Мишка.

– Такая! – ответила Клава. – Тем более в таблетках. Как ты ему таблетку подсунешь?

- А-а-а! – сообразил Мишка.
- Жидкость нужна, в пузырьке, – втолковывала Клава, – валерьянка. Старички её пьют по каплям, понятно?
- Где же мы старичка возьмём? – спросил Коля.
- Не надо старичка брать, – вступился тут незнакомый мальчик, – вон там за углом аптека. Я сбегая.
- А тебе дадут? – спросила Клава.
- Я лекарства для бабушки покупаю, дадут! – заверил мальчик и убежал. Пока он отсутствовал, ребята продолжили попытки вызволения пленника. Принялись даже раскачивать машину, но впечатления на котёнка это не произвело.
- Вернулся мальчик с валерьянкой. Чтоб не мелочиться, под машину вылили весь пузырёк.
- По двору распространился сильный запах лекарства.
- О-о-о! – протянула, схватившись за нос, Клава. – Ого-го! Вот это запах! Как только старички её пьют?
- Так они понемножку, – возразил незнакомый мальчик.
- Ладно, – сказала Клава, – надеюсь, котёнку вашему хватит.
- Хватит, – подтвердил мальчик, – надо только подождать...
- Стали ждать.
- Котёнок не подавал признаков жизни.
- Может, на маленьких не действует? – высказал предположение Коля.
- Незнакомый мальчик пожал плечами.
- Н-да-а, – протянула Клава, – фокус не удался.
- Что теперь делать? – в третий раз спросила маленькая хозяйка котёнка.
- Не бойся, что-нибудь придумаем.
- Давайте скорее будем думать, не то он залезет совсем куда-нибудь не туда. Или съест что-нибудь не то.
- Там есть нечего, – успокоила девочку Клава. – И вообще... Он ведь у вас не совсем ду... глупенький?
- Не совсем, – согласилась девочка, – но он очень, очень маленький!
- В это время из того подъезда, в котором скрылся водитель красной машины вышел какой-то дяденька. Клава подскочила к нему.
- Здравствуйте! – выпалила она. – Вы ведь здесь живёте, в нашем доме?
- Здравствуй, девочка, – удивился дяденька. – Да, я здесь живу.
- А вы не знаете, чья это машина?
- Которая? Эта? Нет, не знаю.
- Жаль.
- А что случилось?
- Понимаете, у нас тут котёнок сперва под машину залез, а потом прямо внутрь, в мотор.
- Быть такого не может! – удивился дяденька, оглядывая собравшуюся детскую компанию.
- Может, – сказала Клава. – Так оно и есть!
- Он под капот залез, – уточнил технически подкованный Мишка. – Спрятался там.
- И мы никак его выманить не можем, – заключил незнакомый мальчик.
- А зачем он туда залез? – желая прояснить ситуацию до конца, спросил дяденька.
- Испугался! – раздался хор голосов.
- Чем же вы его так напугали?

– Это собака напугала, а не мы, – поведала Клава и, чтоб добиться большего доверия, добавила: – Большущая! От такой куда угодно спрячешься!

– Да-а-а, дела!.. – задумался дяденька. – А вы не видели, куда пошёл водитель?

– Я не видел, – сказал Мишка.

– Я тоже не видел, – сказал Коля. – То есть краем глаза видел, что машина подъехала, а куда водитель пошёл, не видел. Мы в бадминтон играли. Заняты были.

– Да он куда угодно мог пойти, – пояснила Клава. – К кому-нибудь в гости в нашем доме, или вон в магазин за углом, или вон в контору...

– Или в аптеку, – подхватил незнакомый мальчик.

– Н-да-а, – сказал дяденька. – Короче, ищи-свищи...

– Может, громко покричать? – предложила хозяйка котёнка.

– Все вместе, хором! – подхватил мальчик.

– Ага, – сказала Клава, – только никто ничего не поймёт и подумают, что пожар начался.

– Так давайте и крикнем, что пожар начался! – подхватил идею Мишка.

– Нет-нет! – испугался дяденька. – Про пожар кричать не будем. Я, кажется, знаю, что надо делать.

Все заинтересованно замолчали.

Дяденька достал из кармана мобильный телефон и сказал:

– Я сейчас позвоню в ГАИ и скажу, что меня заперли... То есть мою машину заперли... Иными словами, что эта красная машина не даёт мне отъехать. Пускай найдут владельца и позвонят ему...

– А откуда они узнают, что это он? – спросил Мишка.

– Так просто! – объяснил дяденька. – У них все данные есть о владельцах, а я им номер этой машины дам.

– Класс! – восхитился Мишка.

Дяденька набрал номер и принялся объяснять:

– Здравствуйте! Это ГАИ? Да... А! Ну да, я это и имел в виду... Да... Спасибо... Вы знаете, дело в том, что мою машину заперли... Да... Нет... Да... Не могу отъехать... Опаздываю в аэро... В общем, сильно опаздываю... Да... Красный «Опель», номер... (он назвал номер). Да... Сообщите, пожалуйста... Срочно... Моя? Смирнов Алексей Петрович. Семёрка... Номер... (он назвал номер). Да. Спасибо. До свидания.

По окончании разговора Алексей Петрович нажал кнопку отбоя и сказал:

– Ну вот, всё в порядке. Осталось подождать.

Стали ждать.

Спустя некоторое время из подъезда выскочил человек. При виде толпы детей возле своего автомобиля он ускорил шаги и, подойдя, обеспокоенно спросил:

– Что случилось? Почему...

– Извините, пожалуйста, не беспокойтесь, – перебил его Алексей Петрович. – Это мы звонили. Точнее, я звонил...

– Мне сказали, что я кого-то запер! – возмущённо воскликнул водитель красной машины.

– Да, да, вот я и объясняю, – продолжал Алексей Петрович. – Дело в том, что у вас под капотом сидит котёнок!

– Что-о-о? – закричал водитель красной машины. – Какой ещё котёнок?

– Вот у этой девочки, – и Алексей Петрович указал на Клаву, – убежал маленький котёнок.

– Только не у «этой» девочки, – поправила Клава, – а вот у этой. У неё сбежал.

– Да, это мой котёнок, – подтвердила маленькая хозяйка котёнка.

– Ну, всё равно, – согласился Алексей Петрович, и продолжал: – Короче, этот самый котёнок залез под машину, а потом, видимо, пролез дальше. Через колесо, очевидно... Нам ничего не оставалось делать, как разыскать вас таким вот способом... Вы уж нас извините...

Водитель красной машины помотал головой и сказал:

– Никогда бы не поверил... Дела... Ну, да ничего, разберёмся.

Он открыл дверцу, залез внутрь, нажал какую-то кнопку.

– Посмотрим, посмотрим... – сказал он, вылезая, – что там за зверь сидит... Смотрите, чтоб снова не убежал.

Он взялся за крышку капота, осторожно поднял её и заглянул внутрь.

Все остальные заглянули тоже, а хозяйка котёнка привстала на цыпочки.

– Ну, где ты там? – позвал водитель. – А-а-а! Точно! Вижу, вижу! Хорошо спрятался, разбойник! Ну-ка, ну-ка... Осторожно, осторожно... Так, так...

Приговаривая всё это, водитель машины запустил руки в мотор и затем осторожно вытянул оттуда маленького котёнка.

– Ура! – воскликнула хозяйка котёнка. – Мурзик!

– Мурзик, говоришь? – проговорил водитель. – Вот ты какой, Мурзик! Как же это тебе в голову пришло залезть сюда? А? А если бы я мотор завёл? Представляешь? То-то же! Повезло тебе, Мурзик!

Котёнок был маленький, с чёрными и рыжими пятнами. Самое большое рыжее пятно красовалось у него вокруг левого глаза. На шее котёнка была повязана красная ленточка.

– Дрожит весь, – сказал водитель красной машины, – от страха, должно быть... Держите скорее!

– Дайте мне поддержать, – сказал вдруг Алексей Петрович, как-никак я тоже способствовал его спасению.

Он взял котёнка в руки, повертел, осматривая с разных сторон, затем потрепал по загривку и сказал:

– Ничего-ничего, молодец...

– Дайте мне, – попросила Клава.

Она крепко прижала котёнка к себе и принялась гладить, приговаривая:

– Дрожит весь... Ничего! Больше ничего не бойся, всё хорошо, всё будет хорошо...

Постепенно котёнок перестал дрожать. Клава передала его Мишке. Мишка заглянул котёнку в глаза, и тот впервые за всё время коротко и жалобно мяукнул. Мишка засмеялся и передал беглеца Коле. Коля почесал котёнку за ухом. Тот уже совсем освоился и в благодарность боднул Колю в плечо. Затем котёнок перешёл в руки незнакомому мальчику и наконец очутился в руках хозяйки. Та принялась его целовать, приговаривая:

– Мурзик, Мурзик! Больше никогда так не делай, понял! Никогда!

– Ну ладно, я поехал, – сказал водитель красной машины. – Теперь всегда буду заглядывать под капот. Вдруг ещё какая живность залезет.

– Или заползёт, – сказала Клава.

Водитель засмеялся.

– Нет уж, не надо, – сказал он и неожиданно прибавил, приняхиваясь: – Лекарством вроде каким-то пахнет. Здорово пахнет! Странно...

Ребята переглянулись. Запах валерьянки не улетучился и, кажется, даже усилился.

– Это... Это куст вон тот пахнет, – нашлась Клава, указывая на куст сирени. – Скорее всего, то есть... Вон он какой, видите? И вообще, огромное вам преогромное спасибо!

– А, ничего! – сказал водитель.

– Спасибо вам! – закричали все вразнобой.

– Ничего, на здоровье! – повторил водитель красной машины и уехал.

– Я тоже пойду, – сказал Алексей Петрович. – Удачи вам, ребята!

– Спасибо вам, – поблагодарила Клава.

– Спасибо! – прошептала хозяйка котёнка.

Алексей Петрович засмеялся и быстрым шагом направился со двора.

– Спа-си-бо! – закричали ему вслед все хором.

Алексей Петрович помахал издали рукой.

– Ну что, – обратилась Клава к незнакомым мальчику и девочке, – как вас хоть зовут-то?.. Меня – Клава.

– Меня – Маша, – сказала девочка.

– Сеня, – представился мальчик.

– Николай.

– Мишка.

– Ну вот и познакомились! – обрадовалась Клава. – Вы ведь в соседнем дворе живёте, Маша и Сеня?

– Ага!

– Так что заходите к нам запросто. У нас тут весело бывает.

– Зайдём, – пообещал Сеня.

– И берегите Мурзика, – заключила Клава. – Не отпускайте больше одного.

Маша, прижимая Мурзика к себе, кивнула.

Затем они побежали в свой двор.

Клава долго смотрела им вслед, затем раздумчиво сказала:

– Котёнка, что ли, завести?..

ЗОНТИК

Было жарко. Высохли все лужи, и воробьи, которым негде было купаться, сердито нахохлившись, расселись в густой тени от кустов и лениво перечирикивались друг с другом. Небо не обещало ни облачка, и в полуденный час время текло невыносимо медленно, уныло и бесполезно, и потому хотелось сделать что-нибудь такое, что заставило б его бежать быстрее...

Клава, Мишка и Коля сидели на лавочке во дворе дома. Они только что искупались и теперь думали, чем бы заняться ещё.

– Водички бы, – мечтательно проговорила Клава, – холодненькой...

– Водичка – это что! – вздохнул Мишка. – А вот дождичка бы!

– Точно! – подхватил Коля.

– Так давайте устроим, – сказала Клава.

– Что-о-о? – удивился Мишка. – Это как?

– Просто, – ответила Клава. – У меня есть целая пачка воздушных шариков. Надувных. Можно налить в них воды и сбрасывать с высоты.

– Так что же ты молчала! – вскочил со скамейки Мишка. – Такое здóровское предложение!

– А с какой высоты? – спросил Коля.

– С балкона, разумеется, – ответила Клава. – Кто у нас всех выше живёт? Я – на третьем.

– Я – на втором, – сказал Коля. – Так что, выходит, Мишкин балкон. Четвёртый этаж всё-таки.

– Я согласен, – быстро сказал Мишка. – Тащи шарики.

Клава убежала и вскоре вернулась с целой коробкой разноцветных надувных шаров.

– Идёмте!

Ребята поднялись к Мишке. В ванной шарик нацепили на кран и включили воду. Шарик начал быстро раздуваться, наполняясь водой, и вскоре уже не помещался в раковину.

– Хватит! – забеспокоился Мишка. – Гляди, сейчас лопнет.

– Закрывай! – скомандовала Клава.

Шарик завязали крепкой ниткой. Оставалось донести его до балкона.

– Как же мы его понесём? – спросил Коля. – Не удержим, лопнет по дороге.

– Вот этого точно не надо, – сказал Мишка.

– Идея! – воскликнула Клава. – Всё просто: надо положить его в какую-нибудь ёмкость! У тебя тазик есть?

– Точно! – согласился Мишка. – Гениальная идея.

Он притащил пластиковый тазик для стирки. С помощью трёх пар рук шарик перевалили в тазик.

– Уф!.. Тяжеленный какой, – выдохнула Клава.

Коля и Мишка вдвоём донесли тазик до балкона и поставили на перила.

– Что дальше? – спросил Коля.

– Надо дождаться какого-нибудь прохожего, – сказала Клава.

– Ты что, собираешься ему на голову сбросить? – ужаснулся Колька. – С ума сошла?..

– При чём тут голова! – воскликнула Клава. – Перед носом у него. Вот удивится!

– Всё равно опасно, – поёжился Колька. – Удивлением, боюсь, не отделаемся.

– Точно! – подхватил Мишка.

– Вы чё, трусили?! – возмутилась Клава. – Какой тогда смысл шариками кидаться! Никакого эффекта!

– Тоже верно, – согласился Мишка.

– Надо на расстоянии кинуть, – предложил Коля. – На приличном. Чтоб не напугать.

– Наоборот! Именно, чтобы напугать! – продолжала гнуть свою линию Клава. – А самим спрятаться, чтоб не увидели.

– Тогда и мы ничего не увидим, – возразил Мишка.

– Увидим! – заверила Клава. – Не бойсь...

– Ладно, посмотрим, – согласился Мишка.

Стали дожидаться первой «жертвы». Долго никто не появлялся. Будто нарочно, все прохожие куда-то испарились, и по двору бестолково сновали одни только кошки. Наконец из-за угла дома вышел какой-то человек и направился наискосок через двор.

– Давай! – скомандовала Клава.

Мишка и Колька опрокинули тазик. Шарик полетел, быстро уменьшаясь в размере и, достигнув земли, звучно шмякнулся об асфальт. Мокрое пятно, будто в замедленной съёмке, стало расплываться по сухой поверхности, пока не достигло точки апогея.

– Бу-ух! – прокомментировала падение Клава.

– Клёво! – прошептал Мишка.

– Похоже на атомный взрыв, – сказал Колька.

Прохожий, слегка вздрогнув, оглянулся на водяное пятно, затем поднял глаза наверх.

Клава помахала ему рукой.

Прохожий машинально повторил приветственный жест, потом засмеялся и пошёл дальше.

– Не испугался, – с сожалением произнёс Мишка.

– Ничего, следующего поближе подпустим, – пообещала неугомонная Клава.

Они наполнили следующий шарик и стали ждать.

Ждали долго. Никого не было.

Затем прибежала какая-то незнакомая собака, уселась прямо под балконом и стала яростно чесать задней лапой у себя за ухом.

– Бросаем? – спросил Мишка.

– погоди, – остановила его Клава. – Ты что! Нельзя. Видишь, животное делом занято. Напугаем.

– Верно, – сказал Колька, – Собака ни в чём не виновата.

– В каком смысле? – спросил Мишка.

– Ну, в каком... В таком. Все ведь говорят: невинное животное. В чём оно провинилось? Ни в чём!

– А человек? – спросил Мишка.

– Что человек?

– А человек в чём провинился?

– Человек – другое дело!

– Другое дело, не другое... Почему в человека можно шарики бросать, а в собаку – нельзя?..

– Потому... Потому что мы тоже люди.

– Круто! Раз тоже люди, значит, можно?

– Ну да!

– Да почему же можно?!

– Потому, что одинаковые! Ты – человек, и я – человек!

– И что?! Можно-то – почему? – почти закричал Мишка, явно не понимая Колькиной логики.

– Ну, потому... – Колька задумался и затем уверенно прибавил: – ...что можно доказывать!

– Что доказывать?

– Свою правоту.

– Какую правоту?

– Такую! Всякую! Что ты – лучше! Что ты – умнее! Лучше знаешь! Лучше умеешь! И вообще, что ты – круче!

– Сам же сказал, что мы одинаковые!

– Вот именно! Но это только мы с виду одинаковые! Руки, ноги, голова. А так – все разные! А потому и надо доказать, что ты круче! Во всём! А собаке какой смысл доказывать, что ты круче? Всё равно не поймёт. Она ведь другая, и жизнь у неё другая. У неё вон... хвост и шерсть. И разговаривать не умеет...

Мишка задумался.

– К тому же собака не сделала мне ничего плохого! – вернулся Колька к истокам спора. – Мимо пробежала, и всё!

– Класс! А люди-то что сделали тебе плохого? – встрепенулся Мишка.

– А люди... люди... Помнишь, Васька Бочкин толкнул меня в столовке ни с того ни с сего!

– Помню! Он просто обжора, и проголодался, и скорее место занять хотел.

– Не важно, – возразил Колька, – главное – я же ему ответил! Потому что я прав! Потому что – за дело! Нечего лезть!

– Ага! Ранцем – по башке!

– Вот именно! А собака меня не толкала!

– Не толкала, а цапнуть может!

– Вот когда цапнет, тогда и отвечу!

– Тихо! – неожиданно сказала Клава.

Ребята умолкли.

Пока шёл философский диспут, собака вдоволь начесалась, присела, подумала немного, затем поднялась, зевнула во всю пасть и лениво затрусилась прочь.

– Давай! – скомандовала Клава.

– Чего давать? – растерялся Мишка.

– Шарик бросай!

Мишка и Колька, повинувшись команде, опрокинули тазик.

Шарик смачно шлёпнулся о землю, обдав собаку тучей мелких брызг. Та от неожиданности присела на задние лапы, оглянулась и, не увидав за спиной ни источника звука, ни причин обрушившегося на неё чего-то мокрого, от страха залилась громким лаем и широкими прыжками понеслась со двора, не переставая лаять на ходу.

– Ха-ха-ха! – рассмеялась Клава.

Мишка с Колькой, не выдержав, тоже прыснули. Потом Мишка сказал:

– Ну вот, а говорили, животное не виновато!

– Шутка тоже невинная, не беспокойся, – ответила Клава. – И даже полезная. В такую жару – освежающий душ. Наоборот, ей повезло.

– Теперь всем своим расскажет, что в нашем дворе нечистая сила водится, – сказал Колька. – Привидения...

– Собаки и кошки, говорят, привидений видят, – сказал Мишка. – Мы не видим, а они видят.

– Это точно, – подтвердил Коля, – я тоже это слышал.

– От кого? – спросила Клава.

– Не помню.

– Привидения – они вокруг нас, говорят, так и бродят, – продолжал Мишка. – Собаки и кошки уже не обращают на них внимания просто... Обычное дело...

Клава поёжилась и огляделась вокруг.

– Да ну вас! – сказала она. – Вот завели разговоры... Жуть берёт...

– Зато интересно, – сказал Мишка.

– У нас другая тема интереснее, – напомнила Клава. – Так что хватит!

– Какая у нас тема? – спросил Мишка.

– О том, как от жары спастись. Сам же говорил: дождь нужен!

– Ну и что, что говорил. Так где он, твой дождь?

– Будет! – сказала Клава. – Сейчас и будет!

– Да ну?

– Точно! У тебя зонтик есть?

– Зачем?

– Не «зачем», а есть или нет?

– У меня? У меня – нет!

– Ну, не у тебя именно, но дома – ведь есть?

– Есть, конечно. Папин. И мамин.

- Тащи сюда папин.
- Зачем?
- Опять «зачем»? Увидишь!
- Именно папин?
- Да, да, именно папин!

Мишка сбегал и принёс папин зонтик, большой, чёрного цвета.

– Отлично! – обрадовалась Клава. – Видишь, шпилька острая наверху. То, что надо!

- Для чего надо?
- Ты же хотел дождя? Вернее, я обещала дождь. Вот мы и устроим дождик. Я встану внизу, а вы сбросите на меня шарик! Круто, а?
- Круто! – восхитился Мишка.
- А почему ты? – вмешался тут Коля. – Тебя ведь сплющит!
- Почему это меня сплющит?
- Потому что девчонка. Тут покрепче нужен кто-то.
- Ой-ой-ой! Это вы, что ли, покрепче!
- Так мы же о тебе беспокоимся!
- Нечего обо мне беспокоиться! – отрезала Клава. – Тем более я придумала, понятно?!
- Понятно, – сказал Мишка. – Только всё равно нужно по справедливости.
- Так всем хватит! – успокоила Клава. – По очереди. Сперва я, потом вы... Чего такого?
- Всё равно, – продолжал Мишка, – пускай по очереди, но по-честному.

По жребию.

Клава подумала и согласилась.

Они оторвали от газетного листа три бумажки и написали на одной «да», а на остальных двух «нет».

– Можно было «нет» не писать, – заметил Мишка, когда они свернули бумажки и положили их в чайную чашку.

– Раньше где был? – спросила Клава.

Мишка пожал плечами.

Потянули жребий. «Да» досталось Клаве.

Когда они наполнили водой шарик, Клава сказала:

- Ну, я пошла. Вы только не промахнитесь!
- Не беспокойся! – заверил Мишка.

Спустившись, Клава заняла место под балконом и раскрыла над головой зонтик.

– Правее встань, правее! – командовал Мишка с балкона. – Ещё чуть-чуть... Вот так!.. Готова?..

– Готова! – крикнула Клава и крепко стиснула зонтик в руках.

В это время из подъезда вышел сосед, живший на первом этаже, Аркадий Михайлович. Аркадий Михайлович был уже вполне себе пожилой старичок, с седой бородкой, в очках и даже в шляпе. При виде Клавы с огромным зонтом в руках Аркадий Михайлович заулыбался и сказал:

– А-а-а! Здравствуйтесь, Клавдия! А что это вы под зонтиком? Никак дождь обещают? Вот хорошо-то! Давно, давно не было дождичка! Пора! Пора!

– Я... я... – растерялась Клава, – я это от солнца... Жарко ведь... А дождя никто...

Она не договорила, потому что Мишка с Колькой сбросили шарик.

Водяная бомба попала в цель и эффектно разорвалась, обдав водяным потоком Аркадия Михайловича с головы до ног.

– Ап! – сказал Аркадий Михайлович, задохнувшись от изумления.

Клава застыла, потеряв дар речи.

– Ап! – повторил Аркадий Михайлович, обретая дар речи. – Пардон! Пардон! – произнёс он, оглядывая себя с головы до ног. – Но... Но как же так?.. Это... Это невозможно!.. Позвольте!.. Позвольте-с!.. Как же так!.. Пардон, пардон!..

У Клавы в голове все слова куда-то разбежались и спрятались, и потому она не могла ответить ни на «как же так», ни тем более на «пардон».

– Как же так?.. Позвольте-с... Сударыня... – окончательно переходя на язык девятнадцатого столетия, продолжал Аркадий Михайлович. – Как это понимать? Это же совершенно невозможно!.. Это возмутительно!.. Нет!.. Это... это какой-то... НОНСЕНС! Да-с! Форменный нонсенс, сударыня! А?!

Сударыня не отвечала, занятая поисками разбежавшихся слов. Зато сверху раздался голос Мишки.

– Клавка-а-а!.. Ну, как ты там, живая?

– А-а-а! – догадался Аркадий Михайлович, поднимая кверху палец. – Понятно! Понятно-с! Понятненько-с! Да-с!.. Что ж, вас, кажется, зовут товарищи-с!.. Вы уж ответьте им, беспокоятся! Да-с! А я откланяюсь, пожалуй! Экскузе, так сказать, муА! ² Всего доброго, пардон!..

И Аркадий Михайлович поспешил домой, приговаривая по дороге:

– Это какой-то нонсенс! Какой-то нонсенс!

– Да Клавка же! – крикнул Мишка. – Чего ты там? Живая, спрашиваю? Клава подняла голову и молча погрозила Мишке кулаком.

СНЕГУРОЧКА ИЗ 3-го «А»

Маша – девочка, с которой Мишка, Коля и Клава познакомились во время спасения одного неразумного котёнка, забравшегося под капот машины, хотя и училась уже в третьем классе, была слишком маленького роста для своего возраста и потому совершенно незаметной среди своих сверстников и товарищей по учёбе. Голос у неё был также очень тихий, и потому её не только никто не замечал, но даже плохо слышал. Всё это сильно огорчало Машу, однако она ничего не могла с этим поделать, и ей приходилось мириться с невольной ролью невидимки.

Маша часто жаловалась Клаве на такое положение вещей, и Клава как могла успокаивала девочку и старалась всякий раз найти положительные моменты в каждом отдельном случае или происшествии.

– Вот смотри, – говорила Клава. – Положим, тебя никто не замечает. Зато никто тебя не дёргает за косы и не бьёт портфелем по спине, понимаешь? Это же здорово!

– Не знаю, – вздыхала Маша. – Может, иногда пусть и дёрнут, мне не жалко...

Клава вздыхала вслед за своей маленькой подругой и говорила:

– Ладно, что-нибудь придумаем.

И вот настал Новый год. Город покрылся пушистыми снежными сугробами, во дворах и на улицах выросли разнообразно украшенные ёлки, появились толстые снеговики с носами из шишек, сухих веточек и иного подруч-

¹ Нонсенс – бессмыслица, невозможное, невероятное.

² Экскузе муа, пардон (фр.) – извините меня, прошу прощения.

ного материала. Настроение было праздничным и совершенно беспечным, поскольку Новый год – это единственный праздник, когда на душе делается хорошо совершенно без причины.

В школе у Маши должна была состояться «ёлка» – с Дедом Морозом и Снегурочкой, с играми и хороводами, с призами и подарками. Был назначен и конкурс костюмов: каждый мог нарядиться в любого сказочного и несказочного персонажа и получить за это приз и всеобщее признание.

Маша также решила поучаствовать в конкурсе и выбрала себе роль Снегурочки. Мама сшила Маше необычный костюм – с блёстками и переливающимися звёздочками, с оранжевыми и зелёными узорами, – так что Снегурочка в этом костюме походила скорее на нарядную ёлочку, хотя, если приглядеться, на Снегурочку тоже была похожа.

– Класс! – определила Клава, увидев костюм. – У твоей мамы фантазия работает что надо!

– Ага! – согласилась Маша.

– Теперь необходимо, чтобы до остальных это дошло, – продолжала Клава. – Чтобы тебя заметили! Нельзя допустить, чтобы кто-то другой занял первое место!

Маша вздохнула и только развела руками, мол, это не в её власти!

– Ничего! – сказала Клава. – Что-нибудь придумаем!

В день новогоднего утренника Мишка, Коля и Клава собрались вместе. Клава предложила задачу и план действий.

– Опасно! – высказался Мишка. – Хотя и прикольно...

– Можно рискнуть, – подтвердил Коля. – Только кто нас в чужую школу пустит, да ещё на чужой утренник?

– Что за манера, – возмутилась Клава, – делить на своё и чужое! Маша – наша?

– Наша! – согласился Колька.

– Ну и всё!

Отправились в соседнюю школу.

Снег весело хрустел под ногами, лёгкий мороз щипал нос и щёки. Где-то на горизонте, над самым лесом заалело. Солнце вот-вот должно было выглянуть из-за туманной дымки, однако всё же не рискнуло и, только передав привет всему свету, вскоре погасило свои весёлые, тёплые лучи.

В фойе школы дежурили ребята из старших классов.

– Вы на ёлку, ребята? – спросил один из них.

– Ага! – закивала Клава. – На ёлку.

– Но только я раньше вас не видел, – продолжал дежурный, – вы ведь не из нашей школы?

– Нет, – призналась Клава, – не из вашей. Только у нас здесь большое дело!

– Какое дело?

– Маша из 3-го «А» – это наша подопечная и лучшая подруга. Нам необходимо её видеть. Это вопрос жизни и смерти!

– О как! – удивился дежурный. – Прямо так: жизни и смерти? А вообще, вы кто такие? Хотя бы назовитесь!

– Если бы я захотела соврать, я назвала бы тебе десять своих имён, – сказала Клава. – Но поскольку я ненавижу ложь, я скажу тебе правду: я – принцесса острова Мадагаскар! А это, – указала она на Кольку с Мишкой, – моя верная стража. Всё понятно?

Дежурный захохотал, а затем сказал:

– Принцесса Мадагаскара? Ладно, проходите к своей Маше из 3-го «А»! Есть такая!

– То-то же! – воскликнула Клава и скомандовала своей страже: – За мной!

...В актовом зале на первом этаже уже началась «ёлка», были слышны музыка, смех, громкие возгласы Деда Мороза.

– Так, – огляделась Клава, – теперь нужно определить, где у них Снегурочка прячется... Если не поздно, конечно.

Отправились на поиски.

– Смотрите, – прошептал Мишка, – кажись, там!

Дверь в одну из комнат была приоткрыта. Оттуда проглядывал луч электрического света и слышалось какое-то движение: стук каблучков и шорох одежды.

– Точно – там! – повторил Мишка.

– Ага! – прошептал Колька. – А вдруг там сантехник. Трубы проверяет. Или уборщица. Прوماхнёмся – вот смеху будет!

– Да какой сантехник! На каблучках!

– Надо заглянуть, – сказала Клава.

Попытались подсмотреть сквозь щель, но ничего толком не увидели.

– Ладно, – решила Клава, – этак мы всю операцию сорвём! Надо рискнуть! Я пошла.

И не успели Мишка с Колькой что-нибудь ей возразить, как Клава решительно постучала в дверь и тотчас вошла внутрь.

Действительно, это была Снегурочка. Она прохаживалась по комнате и прихорашивалась, изредка поглядывая в зеркало, проверяя, всё ли в порядке. Очевидно, она вот-вот ждала своего выхода.

– Здравствуйте, тётенька! – объявила Клава. – Там спрашивают, готовы ли вы?

– Здравствуй, девочка! – отвечала Снегурочка. – Да, я готова. А что, уже пора?

– Нет-нет! – замахала руками Клава. – Как раз и просили передать, чтобы вы не торопились! Там такая обширная программа! Так что вас позовут! Хорошо?

– Хорошо! – согласилась Снегурочка. – Я готова, подожду...

– Пока! – сказала Клава, выскользнула из комнаты и плотно закрыла за собой дверь.

– Что делать? – шёпотом спросил Колька.

– Надо найти, чем подпереть дверь, – тоже шёпотом ответила Клава. – Поищите, я тут подежурю.

Мишка и Колька отправились на поиски.

Вскоре они вернулись. У каждого в руках было по швабре.

– Отлично! – закивала Клава. – Только надо отвлечь её внимание, чтоб не услышала!

– А чем пошуметь?

– Не знаю... Давайте, вы побегаете туда-сюда, как будто на ёлку опаздываете, а я в это время...

Мишка с Колькой принялись бегать по маленькому коридорчику, как можно сильнее стуча каблучками.

Клава в это время осторожно просунула швабру в дверную ручку, затем, подумав, добавила для надёжности вторую.

– Всё! Готово! Теперь дежурьте здесь и, если что... Короче, действуйте по обстановке! – скомандовала она.

И убежала.

...В актовом зале веселье шло по нарастающей. Румяный Дед Мороз громко хлопал своими огромными рукавицами и звонко смеялся. Вокруг ёлки прыгали все обитатели леса: зайчики, белочки, волки и лисицы, толстые медвежата, мышата и попугайчики. Кроме того, повсюду сновали Лешие, Коты-в-сапогах, Баба Яга, и прочие сказочные герои.

– Ну-ка, ну-ка! – закричал Дед Мороз, перекрикивая смех и визги детей. – А послушайте-ка, ребята, где я был вчера! И попробуйте угадать, что я сделал с непослушными мальчиками и девочками. Хорошо? Понятно задание?

– Понятно! – отозвался хор голосов.

– Отлично! – воскликнул Дед Мороз. – Так во-о-от! Был я вчера у Илюшки, заморозил ему что?..

– Ушки! – грянул детский хор.

– Молодцы! Дальше продолжим: был я вчера ещё у Антошки, заморозил ему...

– Рожки! – хором крикнули ребята и рассыпались смехом.

– Какие же рожки! – удивился Дед Мороз. – Разве у Антошек рожки бывают? Не-э-эт, так не пойдёт! Давайте-ка повторим попытку! Был я у Антошки, заморозил ему...

– Ладочки!

– Да что ж такое! – снова удивился Дед Мороз. – Хотя, конечно, ладошки тоже можно... того... Но всё же... Третья попытка! Был я у непослушного Антошки – заморозил ему...

– Ножки! – закричали вразнобой ребята.

– Молодцы! Наконец-то! Ну, а уже сегодня с самого утра я был у Леночки, заморозил ей...

– Коленочки! – угадал хор.

– Вот молодцы! – обрадовался Дед Мороз. – Но это всё были непослушные детишки, потому я им заморозил и рожки и... тьфу... то есть ладошки, а вы у меня – все разумные и сообразительные, и потому нам легко будет проверить, кто из вас достоин того, чтобы его заморозить, а кто – нет! Ну-ка, становитесь все за мной, вот, вот, все друг за дружку крепко держимся! Только будьте внимательны!

Дети встали паровозиком за Дедом Морозом. Началась игра, по ходу которой Дед Мороз на определённых словах неожиданно оборачивался и, делая вид, что хочет непременно изловить кого-то и заморозить, бросался ловить ребят. Шуму, визгу и всеобщей толкотни в этой игре было достаточно, но только с третьей попытки Деду Морозу удалось-таки поймать одного мальчика, но тот был скорее доволен, чем огорчён своей поимкой.

– Уф! – сказал наконец Дед Мороз. – Совсем я умаялся! А вы согрелись?

– Да, согрелись! – закричали ребята.

– Что ж, отлично! – продолжал Дедушка. – Самое время, думаю, позвать нам на помощь Снегурочку! Одному-то мне не справиться, тяжело! Пускай примет, так сказать, вахту, н-да!.. Давайте-ка все вместе поторопим мою внучку! Хором – раз, два, три!

– СНЕ-ГУ-РОЧ-КА! – закричали дети. – СНЕ-ГУ-РОЧ-КААА!

– Молодцы! – похвалил Дед Мороз. – Теперь уже она точно нас услышит! Однако Снегурочка не появлялась.

Клава поняла, что настал её час.

Она выскочила прямо на середину круга, под ёлку, и громко крикнула:

– Так вот же Снегурочка! Чего её искать! Она просто стесняется!

И Клава вытянула за руку из толпы ребят смущённую Машу-Снегурочку и представила её Деду Морозу.

– Вот! Снегурочка! Видите?

Дед Мороз слегка опешил от такого натиска, затем посмотрел на крошечную Снегурочку и спросил.

– А чего это она такая маленькая, Снегурочка?

– Так она же внучка ваша! – нашлась Клава. – Такая и должна быть! Или вы хотите, чтобы она выше вас вымахала?

Ребята засмеялись.

– Не хочу, – согласился Дед Мороз. – Ну что же, внучка так внучка, Снегурочка так Снегурочка... Ну-ка, иди ко мне, Снегурочка!

И Дед Мороз подхватил Машу на руки и поднял её высоко-высоко над головой.

– Ого-го! – закричал он. – Вот какая у меня внучка! Выше меня стала!

– Ура-а-а! – закричали ребята. – Ура Снегурочке!

– И какой наряд у нашей Снегурочки! Просто загляденье! Никогда таких симпатичных внучек не видел!

Дед Мороз взял Машу на руки и спросил:

– А что ты умеешь, Снегурочка? Может быть, поделишься?

– Поделюсь! – отвечала Маша. – Только сперва скажите, Дедушка Мороз, а ведь вы всё знаете?

– Ну, всё не всё, а кое-что знаю, да... – признался Дед Мороз.

– А тогда скажите, Дедушка, кто такой жил в кувшине сотни лет – наконец увидел свет! Бородою он оброс, это добрый...

– Дед Мороз! – грянули все ребята хором, а потом засмеялись так, что стены задрожали.

Дед Мороз засмеялся тоже, а когда смех немножечко утих, он спросил:

– Когда же это я в кувшине сотни лет сидел? Э, нет, тут вы что-то напутали, ребята! Не было такого случая в моей биографии! Здорово вас Снегурочка подколола! Ну, а кто же это в кувшине на самом деле сидел? Кувшин волшебный, и, если его рукой потереть, кто появится?

– Старик Хоттабыч! – закричали вразнобой ребята.

– Вот, это уже ближе к делу! – обрадовался Дед Мороз. – Это в точку! А ещё какие загадки, Снегурочка, ты знаешь?

– А вот, – сказала Маша, – какой рукой лучше всего размешивать чай?

– Гм! – задумался Дед Мороз. – Ну... ну, я, например, привык размешивать чай правой рукой, да, правой... К тому же – по часовой стрелке, по ходу, так сказать, Солнца. Этак вкуснее выходит, точно!

– А я вот привыкла размешивать чай ложкой! – провозгласила Маша.

Зал зашёлся от смеха, а Дед Мороз хохотал так, что едва не потерял бороду. Отсмеявшись, он сказал:

– Ну, Снегурочка, молодец! Поймала дедушку! А он не сообразил! Ха-ха-ха! Старую, видать, внучка!

– Нет, – отвечала Маша, – вы не стареете, дедушка. Вы – то что надо!

– Ха-ха-ха! – засмеялся Дед Мороз. – Ну, спасибо тебе, внучка, спасибо, Снегурочка! Утешила! Молодец!

– Я могу ещё стишок прочитать, – продолжала Маша, – новогодний!

– Новогодний! – обрадовался Дед Мороз. – Стишок – это хорошо! Это будет совсем кстати!

– Я сама его сочинила. Очень долго сочиняла!

– Да ты что! Сама! Ну, ты даёшь, внучка! Молодца, молодца! Хвалю!

– Только немножко мама помогала, – призналась Маша.

– Это ничего, – согласился Дед Мороз, – немножко – можно! Тем более – мама! Так что давай читай стишок! Тебе удобно так сидеть?

– Удобно, Дедушка Мороз!

– Ну, начинай!

И Маша начала:

*Машут ёлки лапами,
Сыплет снег на крыши,
Новый год с подарками
Любят даже мыши!*

– Мыши – это точно! – обрадовался Дед Мороз. – Новый год все любят! А мыши особенно! Молодец, Снегурочка, продолжай!

Снегурочка продолжила:

*Кошки, мышки, попугаи,
Мамы, папы, ты и я –
Вместе празднуем, встречая,
Новый год, парам-пара!*

*Пробегают стаяй волки,
Заяц прыгает по льду,
Дед Мороз спешит на тройке
Сквозь метели и пургу.*

– «Парам-парам» – это очень хорошо! – похвалил Дед Мороз. – Задорненько! И про меня не забыла, молодец, спасибо!

Похвала подзадорила Машу, голос её сделался увереннее и звонче.

*Скоро в гости будет к нам он,
Шире двери растворяй,
Всех друзей зови на праздник,
Всех зверушек созывай!*

*Кошки, мышки, попугаи,
Чайки, куры, петухи,
Зайцы, кролики, питоны
Бегемоты и ежи!*

*Новый год мы встретим дружно,
Будем все друзья – на «ты»,
И пожмём друг другу лапы,
Руки, крылья и хвосты!*

Когда Маша дочитала стихи до конца, ребята закричали:

– Ура-а-а! Вот это здорово!.. Это же наша Маша! Из 3-го «А»! Сама сочинила! Вот это да! Молодец, Маша! Вот это Снегурочка! Ура Маше! Ура Снегурочке!

– Молодец, да ещё какой молодец! – подытожил Дед Мороз. – Только это не просто стишки, это целая песенка получилась... Давайте-ка, ребята, пока не забыли слова, споем все вместе! Где у меня тут помощник мой, Заяц? А, вот ты где! Подбери-ка, будь добр, нам подходящую мелодию для песенки!

Помощник Деда Мороза – огромный белый заяц, с длинными ушами и нарисованными на лице усами, согласно кивнул, подошёл к синтезатору и принялся нажимать какие-то кнопки на своём инструменте.

– Готово! – объявил он вскоре.

– Что же! – воскликнул Дед Мороз. – Грянем-ка новогоднюю Снегурочкину песню!

– Грянем! – закричали ребята.

Послышались звуки музыки, и все, кто как мог, запели, подтягивая песенку Маши.

...В самый разгар веселья Клава заметила отчаянно жестикулирующих Кольку и Мишку на противоположном конце зала.

Клава махнула им рукой, указывая на выход, и сама, просочившись сквозь толпу детей, выскользнула за двери.

– Освободилась, – кратко обрисовал ситуацию Мишка.

– Дёру! – скомандовала Клава.

Они выскочили на крыльцо школы.

Вокруг не было ни души.

–...Она там билась, как птица в клетке, – принялся рассказывать Мишка. – Ну, а потом какая-то тётка заявила... Мы уж не стали дожидаться...

– Молодцы! – похвалила Клава.

– А тебе всё удалось? – спросил Колька.

– В лучшем виде!

– Ладно, после расскажешь, – сказал Мишка. – Бежим, пока нас не повязали!

Они побежали...

Появление настоящей Снегурочки никак не нарушило уже счастливого течения праздника. Снегурочка оказалась девушкой разумной, и она вполне искренне и самозабвенно поддержала игру в младшую Снегурочку. А наряд Маши, конечно же, получил первое место, и никто не был против такого решения.

И с этих самых пор дальнейшая судьба Маши круто изменилась. Она стала, можно сказать, знаменитостью в школе, и никто уже больше не мог не замечать её или называть маленькой. Теперь она была всем известной Машей из 3-го «А», а ещё – Снегурочкой, внучкой Деда Мороза.

**Анна
МОРКОВИНА**

РАЗНОЦВЕТНЫЙ БУКЕТ

Гладиолусы в форме парадной
Вереницею встали нарядной.
Самый старший из них – генерал.
Их торжественный строй – как хорал.

Элегантнее всех на планете,
И на грядке, и в школьном букете.

Цикорий с ромашкой – соседи по лугу
И каждое утро кивают друг другу.
И с травами вместе обнявшись шумят,
И пахнут приятно, и манят ребят.

Их ласковый трепет и прикосновенье
Рождают и сказку, и стихотворенье.

Вся жизнь его – метаморфоза.
Пусть он не пышен, словно роза,
Но с ним позволено играть
И парашютики пускать.

В воздушном летнем путешествии
Пускай не будет происшествий!

-
- Анна Юрьевна Морковина родилась в 1968 году. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (специальность – «Журналистика») в 1990 году и аспирантуру Московского института культуры в 2015 году. Поэт, главный библиотекарь Саратовской областной библиотеки для детей и юношества имени А.С. Пушкина, заведующая Пушкинским сектором. Член Союза журналистов, Ассоциации свободных поэтических объединений (АСПО) Саратовской области, Международной гильдии писателей (МГП).

ЯБЛОЧНЫЙ ГОД

Яблочный город. Яблочный год.
Яблоки с хрустом Саратов грызёт.
Яблочным соком поит ребят,
Ставит спектакль «Яблочный сад».

Сколько Ньютонов новых растёт,
Сидя под яблоней в яблочный год!

ПЕППИ ДЛИННЫЙ ЧУЛОК

Фантазёрка, озорница
Заплела косички туго
И покинула страницы,
Чтоб найти в России друга.

Разноцветные чулочки,
Рот, растянутый в улыбке...
Непослушной Линдгрэн дочке
Мы прощаем все ошибки.

Знают взрослые и дети:
Пеппилотта – это гений!
С ней так много происходит
Интересных приключений!

Ворона гуляет в пушистом дворе,
Приветствие шлёт старикам, детворе –
Всем тем, у кого в серединке есть «р»...
Родители ставят ворону в пример!

Но озорников за растрёпанный вид
Премудрая птица совсем не корит.

КОТ В ДОМЕ

Скажите, что делать с растущим котом,
Который из шалости портит наш дом –
Обои дерёт и грызёт провода,
Хотя ему в миске готова еда...

Уют невозможно уже навести!
Быть может, обратно его отнести?
Нет, время пройдёт, и изменится кот...
Ведь он не зловредный – он просто растёт!

ЗЕЛЕНЬ ЛЕСА

Памяти мамы

Маму я назначу
Королевой леса,
Ну, а мне достаточно
Титула принцессы.

Из зубчатых листьев клёна
Получается корона.
Та корона чудная,
Ярко-изумрудная.

А себе из золотистых
Одуванчиков сплету
Праздничную, неземную,
Сказочную красоту.

Пусть хотя бы в выходной
Будет троном пень лесной!

И потом на фотоснимках
Унесём к себе домой
Все знакомые тропинки,
Запах зелени лесной.

Разошлём по белу свету –
Почта есть и интернет.
Возвращайся снова, лето,
Много, много, много лет!

В начале жизни помню комара
И муху – двух обычных насекомых, –
По сказке о Салтане всем знакомых...
О, как же ликовала детвора,

Когда стрелой стремительный комар,
В которого Гвидон преображался,
Пересекал морскую гладь – он мчался
К отцу родному, словно на пожар.

И ради справедливости то в бровь
Кусал, то в глаз... За ним летела муха.
А как кружился шмель золотобрюхий!
А как Гвидон испытывал любовь

К родителям и Лебеди-Царевне
И наконец семью соединил
На острове Буяне, в сказке древней!..
А лето – лета Пушкин не любил.

Дождь идёт не проливной,
А таинственный, грибной.
Где же я и где же ты –
Посмотри: одни зонты!

На деревья и цветы
Ниспадает с высоты.
Над полями и над Волгой
Моросит он долго-долго.

Под завесой водяной,
У избушки костяной,
В Лукоморье, где дубы,
Будут белые грибы!

Михаил
МУЛЛИН

ВНУК-ДЕР-КИНД

КАК АНДРЮШКУ СЧИТАТЬ УЧИЛИ

Андрюшка Трифонов ходить научился рано, чуть ли не с пелёнок.

– Акселерат! – гордо дивился успехам его папа.

А мальчик и дальше продолжил «выкидывать фортеля», что с умилением отметила уже его мама: говорить начал намного раньше, чем от детей ожидают.

– Да ты же – внук-дер-кинд! – открыла Андрюшке глаза на него же самого бабушка Вика, но, смутившись, тут же «перевела» только что изобретённый ею неологизм. – Я это слово, Андрюшенька, из двух других сделала: «вундеркинд» – значит «чудо-ребёнок», а я из гордости «вунд» заменила на «внук». Потому что ты же и есть мой внук, а каждый внук – всегда чудо. Но ты, Андрюша, конечно, не абы какой-нибудь каждый!

– А ты, бабушка Вика, конечно, погорячилась, – остановила её мама мальчика. – Андрюшка, хоть и «внук-дер-кинд», однако неологизма твоего понимать ещё не может. Да и об этимологии (то есть как слова образуются, из чего происходят) судить не в состоянии. Ребёнку же пока и двух лет нет.

Когда же мальчику исполнилось два года, решили ему объяснить, что он уже почти взрослый и что такому самостоятельному и рассудительному человеку следует знать, каков его возраст.

– Тебе, сын, два года, – сообщил Андрюшке папа. – Понял?

– Ещё как! – успокоил сын.

– Ну, так покажи тогда два пальца, – потребовала мама и помогла сыну продемонстрировать два его пальчика.

– Молодец! – похвалила бабушка.

– Не совсем молодец, – возразил папа, – так-то всякий малыш может. А ты – вон какой большой! Ты, Андрей Всеволодович, не только пальчики показывай, но на вопрос и словами отвечай – говори: «Два!» Ты же солидный человек! Язык-то тебе для чего дан?

После очень непродолжительных тренировок «внук-дер-кинд» на вопрос приставучих взрослых: «Сколько тебе лет?» – сразу уверенно демонстрировал вопрошавшим два своих розовых пальчика и убеждённо произносил: «Два!» – чем приводил в восторг многочисленных тётушек, дядюшек и мамаш других детей, встречавшихся во время прогулок.

– Гениальный ребёнок! – ахали взрослые.

Потом взрослые попривыкали, да и возраст с каждым месяцем у мальчика увеличивался. Так что словесный ответ уже и не удивлял. Ибо многие девочки и мальчики из сверстников Андрюшки Трифонова твёрдо усвоили единственно правильный ответ на вопрос: «Сколько тебе, мальчик, лет?» – «Два!»

Как ни быстро сказка сказывается, а время бежит ещё быстрее. Вот и стало умному Андрюшке целых три года. И когда всей семьёй и роднёй попили чаю с тортом, мама вдруг сказала:

- Тебе, Андрей Всеволодович, теперь три года!
- Нет! – неожиданно и решительно возразил мальчик.
- А сколько же? – заинтересовался папа.

– Два! – убеждённо ответил Андрюшка, который за целый год повторений уж точно запомнил, сколько ему лет.

- Тебе три года! – попытался переубедить его папа.

– Нет, два! – упорно твердил Андрюшка и в подтверждение верности подсчёта показал два привычных к этому манёвру пальца.

Тогда бабушка Вика согнула два пальца на правой руке своего любимого «внук-дер-кинда», а три оставила несогнутыми.

– Теперь, внук, с теперешнего дня показывать надо вот так, а говорить не «два», а «три». Потому что тебе три годика.

– Нет, два! – внук ответил так убеждённо, что стало ясно: он не уступит, потому что уверен в своей правоте. Ведь он же точно знал, твёрдо усвоил, что ему всегда два года.

– Не три, а два, два! – Андрюшка изо всех сил старался объяснить взрослым, что они ошибаются или пытаются его обмануть. Ведь они же ему долго говорили, что годов ему два!

– Вот тебе и вундеркинд! – развела руками мама. – Может быть, он, наоборот, очень бестолковый ребёнок?

- И думать не смей так о моём внуке! – возмутилась бабушка Вика.

– А ведь это, пожалуй, хорошо! – сообразил вдруг папа. – Сынуля мой показал, что он – человек твёрдых убеждений. И что его очень трудно обмануть. И что человек он кристально честный. А считать... ничего, постепенно я его научу. Только вот, выходит, что надо, на всякий случай, вообще расширить его представления о себе. Ну, чтобы он мог сообщить (вдруг потеряется!) свой адрес, например, чтобы знал, какая у него фамилия. Ты, Андрюша, в каком городе живёшь? – поинтересовался он у сына.

- В Саратове, – уверенно ответил Андрюшка.
- Правильно. А как твоя фамилия?

Андрюшка умными глазами воззрился на отца с недоумением. Мальчик вообще не знал, что у него есть фамилия. Он знал, что у него есть самокат, целый гараж самых разных игрушечных автомобильчиков и синие ботинки, но никак не мог вспомнить, где у него находится фамилия и как она выглядит.

- Сколько тебе, Андрюша, лет? – неожиданно спросил папа.

- Два! – сказал глазом не моргнув честный мальчик.

– Не два, а... три, – поправил папа. – А фамилия твоя – Трифонов! Запомни навсегда: «Три-фо-нов»!

- Нет, – возразил умный Андрюшка.

- А какая же? – изумилась мама.

- Не Три-фо-нов, а Два-фо-нов! – ответил мальчик.

– Надо же, какой стойкий оловянный солдатик! – почему-то обрадовался папа. – Толк из него выйдет, несомненно.

– Ну, да! – поддержала бабушка Вика и, обратившись к Андрюшкиной маме, добавила: – И зря ты, доченька, утверждала, что в этимологии он не разбирается и неологизмы понимать не склонен!

Потом она обняла мальчика и сказала:
– Я горжусь тобой, внук-дер-кинд!
А Андрюшка прижался к бабушке и сказал:
– Я тоже тобой горжусь!

ИСКУШЕНИЕ ИЛИ ПОКУШЕНИЕ?

Однажды Андрюшку Трифонова на три дня привезли в деревню к тётё Наташе. И мальчику там очень понравилось: в деревне прямо на улице трава спорыш растёт, плотная, как ковёр, поросята и куры гуляют. А во дворе – овцы с ягнятами, корова с телёнком. И всех, кроме кур, потрогать можно – интереснее, чем в зоопарке! Особенно полюбил мальчик с ягнятами играть – они белые и в кудряшках, будто маленькие облачка на ножках! На проводах в деревне сидят нарядные ласточки с белой грудкой и брюшком, на ветках – синицы-красавицы.

А ещё в деревне светофоров нет и улицу в любом месте можно переходить! И никакая машина на тебя не наедет, потому что машины редко проезжают, а все, кто за рулём, каждого ребёнка объезжают или пропускают, а не кричат на него.

Вот как-то поел Андрюшка тётънаташиных блинов с творогом и сметаной, чаю с мятой напился и сам – один – гулять отправился! Ведь в деревне детям этого не запрещают, потому что никаких опасностей нет. Идёт любопытный мальчик и удивляется: в деревне не только домофонов ни у кого нет, но вот у одного двора даже ворота настезь растворены!

А в том дворе видит мальчик: жёлтые цыплята, как пушистые комочки, – ну просто загляденье! И все суетятся и... чирикают? Нет, чирикают воробьи. Может быть, щебечут? И не щебечут, потому что это умеют только ласточки. Похоже, «пик-пик» кричат. «Это они, – думает Андрюшка, – «пить-пить» просят! А может быть, они просто так поют. Птицы ведь поют».

И решил Андрюшка напоить этих хорошеньких и забавных птенчиков. Ну и погладить-потрогать их – как же без этого?!

Вошёл мальчик в чужой двор, а на него собачка залаяла. Собачка-то маленькая, меньше курицы, щенок, а всё равно страшно стало Андрюшке. Он уже попятился, но собачка – цап его за штанишки чуть повыше тапочек! Мальчик ногу отёрнул, а собачка зубы разжать не успела – штанишки немного порвались.

Тут Андрюшка догадался, как правильно с собакой обращаться надо.

– Фу! – сказал он громко. – Стоять! Где твой хозяин?

Собака вопросу удивилась, засомневалась, правильно ли себя ведёт, и сама от Андрюшки попятилась. А тут из сеней на крыльцо девочка Анютка, чуть постарше Андрюшки, выбежала.

– Не смей, Грэй! – крикнула она собаке – и та стремглав к девочке бросилась, стала от радости прыгать вокруг неё.

А во двор через распахнутые ворота тётя Наташа вошла. Она всё происшедшее, оказывается, своими глазами видела. Подошёл Андрюшка к тётё Наташе и рассказал:

– А у меня сегодня искушение было...

– Искушение?! – удивилась тётя Наташа. – Какое?

– Меня чужая собака искусала... Страшное искушение...

– Собака тебя, может быть, не искусала, а покусала?

– Покусала? – уточнил мальчик. – Ну, тогда на меня было покушение!..

– Думаю, что и покушения не было, потому что и следов укусов на тебе нет.

Привела тётя Наташа Андрюшку домой.

– Да вот же следы, – показал мальчик на порванные чуть выше тапочек штанишки.

– Ну, это дырочка совсем маленькая, – оценила тётя Наташа, – сквозь неё даже твой пальчик не пролезет. Разве только зуб собачки...

И она тут же заштопала дырочку так, что её и видно не стало!

– А собачка Грэй не похожа на злую! – признался Андрюшка.

– Да какая же она злая? – удивилась тётя Наташа. – Это же просто маленький щенок, совсем глупый ещё. Так он и Анютку, хозяйку свою, «кусает»! А тебя он, может быть, без спроса в свой двор пускать не хотел, потому что ты без приглашения и без спросу заявился, а Грэй – цыплят защищал.

– А Грэй сам цыплят покусать не может? – забеспокоился мальчик.

– Не может, – успокоила тётя Наташа, – деревенский щенок, выросшая во дворе, всех там считает своей семьёй: и взрослых людей, и Анютку, и корову с телёнком, и ягнят, и кур с цыплятами. И всех своих отважно защищает от всех посторонних.

– Но... если не было ни искушения, ни покушения, то что же у меня сегодня было? – решил окончательно разобраться в деле Андрюшка.

– Было не искушение, не покушение, а поучение, – объяснила тётя Наташа.

КАК АНДРЕЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ ПОМОЛОДЕЛ НА ОДИН ГОД И ЧТО ИЗ НЕГО ПОЛУЧИТСЯ

А ещё через день проснулся Андрюшка Трифонов и сказал тёте Наташе:

– А мне ночью сон приснился...

– Сон в руку? – спросила тётя Наташа.

– Нет, в голову, – возразил мальчик. – Я увидел во сне, что сегодня за мной мама с папой приехали...

– Соскучился? – уточнила тётя Наташа. – Разве тебе в деревне неинтересно жить? Не хочешь здесь остаться?

– Интересно. И остаться хорошо бы, если мама с папой тоже останутся.

– А ты их уговори! – предложила тётя Наташа. – Или тебе в деревне ещё чего-то не хватает?

– Не хватает.

– Чего?

– Лифта! – с сожалением признался Андрюшка.

– Да ведь он же здесь не нужен! – удивилась тётя Наташа.

– Нужен! – заявил Андрюшка. – На лифте ездить интересно!

– А, – согласилась тётя Наташа, – тогда понятно: причина в город уехать – уважительная. А сон твой... всё-таки в руку, то есть сбудется! А что ты в первую очередь у папы попросишь?

– Чтобы он меня считать научил! – неожиданно решил мальчик. – Он давно собирался, да всё никак не собрался. А я хочу у Анютки цыплят сосчитать.

– Вообще-то цыплят по осени считают! – сказала тётя Наташа. – Но зачем же до папиного приезда ждать? Я могу тебя выучить считать прямо сейчас. Вот родители приедут за тобой, а у тебя для них сюрприз – ты уже считать умеешь! Представляешь, как они обрадуются?

– Ага!

– Тогда приступаем к уроку математики! – объявила тётя Наташа. – Скажи-ка мне, Андрей Всеволодович, сколько сейчас в комнате находится мальчиков?

– Один я, – ответил Андрюшка.

– Вот! – обрадовалась тётя Наташа. – Оказывается, ты уже умеешь считать до одного! А это – самое главное в высшей математике. А вот если ты да я тут разговариваем, то нас здесь уже двое – два человека. Понял?

– А то! – подтвердил мальчик.

– Тогда скажи, чего здесь ещё два? Например, на столе?

– Ну... вот два стакана.

– Прекрасно! Ты уже выучился правильно считать до двух!

– Приехали! Приехали! – вдруг радостно закричал Андрюшка. – Это папина машина к воротам подъехала!

А когда Андрюшкины мама с папой вошли в комнату, мальчик сразу же им сообщил:

– А я считать умею. До двух. Тётя Наташа выучила. Вот вас – два человека!

– Здорово! – восхитился Андрюшкиным образованием папа. – Ну, дальше-то совсем легко ученье пойдёт. Вникай: мама да я – это два человека, а если к нам прибавить тебя, то нас уже будет на одного больше – три человека. А если к нам прибавить тётю Наташу...

– Прибавить! Прибавить! – обрадовался мальчик.

– Если к нам, трём, прибавить ещё одного человека, тётю Наташу, то получится уже четыре человека. Усёк?

– Понял, – заверил Андрюшка. – А чего может быть больше четырёх?

– Ну, например, пальчиков на твоей руке, – сказала мама. Она начала загибать Андрюшкины пальцы: – Вот один палец, вот – два, вот – три, вот – четыре и, наконец, вот – пять!

Тут тётя Наташа поставила на стол ещё два стакана – для Андрюшкиных мамы и папы:

– А ну, сосчитай, Андрей Всеволодович, сколько на столе стаканов? Если было два, и я прибавила ещё два?

И мальчик старательно и с любопытством начал считать:

– Один, два, три, четыре!

– Совершенно правильно, – согласился папа, – четыре стакана. Ну, теперь ты, надеюсь, понял, сколько тебе лет? Понимаешь, тебе недавно было два года, а теперь стало три...

– Нет! – категорически не согласился Андрюшка.

– Почему же нет? – удивилась мама. – И сколько же, по-твоему, тебе лет?

Андрюшка не спеша снова пересчитал стаканы:

– Один, два, три, четыре стакана.

– Ну, а сколько тебе лет? – спросил папа. – Разве не три?

– Нет! – решительно заявил Андрюшка. – Стаканов – четыре. А мне, получается... один год. Потому что меня же не четыре и не три! Я же только один!

– Да-а-а, – протянул папа, – хоть ты и бабушкин внук-дер-кинд, но великого математика из тебя определённо не получится! – Потом папа задумался и добавил: – А может быть, как раз и наоборот...

**Светлана
ГОЛУБЕВА**

ДВЕНАДЦАТЬ ЖЕМЧУЖИН

1

Её Могущество Мерлина сидела в высоком кресле и барабанила пальцами по подлокотнику.

«Не слишком ли я строга с гномами? – размышляла владычица Мира Сказок. – Н-нет, нельзя всё же позволять сказочным героям разгуливать среди людей. На что это будет похоже? Представляю: сквозь городскую толпу Алиса мчится за кроликом. Смятение. Сумятица. Того гляди, оба под трамвай попадут».

Мерлина рывком встала, заходила по залу.

«Гм... Голый Король любое серьёзное совещание превратит в балаган. Разве объяснишь дельцам, что Величество глуп и не стоит внимания серьёзных людей? Дети-то рады будут, но...»

Гулкое эхо выскакивало из-под серебряных каблуков, отпрыгивало от стен, многократно повторяясь.

«А если дети заберутся к нам, подставят ножку Кощею? Собирай его потом. Дёрнут за косу Царевну Несмеяну, а она без того всё время хнычет...»

Главная волшебница посмотрела в окно.

«Думаю, я правильно поступила. Сказками нельзя подменять явь, – решила волшебница и, лукаво прищуриив глаза, подумала: – Хм... Интернет, сотовая связь, конечно, решают множество человеческих проблем. Но и теперь, как сто лет назад, среди людей всегда есть кто-то, кому нужна помощь волшебников».

В нынешнее время у кудесников мало причин для сомнений и тревог, но сегодня у Мерлины они были, потому что между

-
- Светлана Сергеевна Голубева родилась в семье работников геологоразведочной партии в пригороде Пскова. Окончила географический факультет Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова. С 2006 года живёт в Орле. Автор пяти книг: «Капельки», «Вера», «Ветра и птицы», «Такая жизнь...», «Приключения Ромашки, или Тайна деревянной лошадки» – последняя в соавторстве с Е. Машуковой. Светлана Голубева – один из трёх авторов книги для детей «Весёлые превращения». Произведения публиковались в журналах «Уроки литературы», «Роман-журнал XXI век», «Народное творчество», «Огни Кузбасса», «Аргатак», «Новый Енисейский литератор», «Толока», «Славянин» и др. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2014), Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А.Н. Толстого (2012), Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. И.Н. Григорьева (2016) и др.

миром чудес и реальностью нарушилось равновесие. А виновники этого – её подданные.

2

На чердаке пустующего дома сидели понурые гномы. Как вся подземная сказочная братия, эти трое тоже считались хранителями сокровищ, но сундуков с богатствами у них не было; в карманах лежало всего-навсего двенадцать жемчужин. Несмотря на великую красоту этого клада, бедняги вовсе не радовались ему. И вот почему.

Недавно они нарушили Закон соседства миров. Произошло это случайно. Вообще-то гномикам разрешено по ночам сниться земным детям. Для этого волшебные человечки приходят из сказок в реальность, но до восхода обязательно должны вернуться обратно. С неделю назад гномы не успели перенестись из мира людей в сказку. Их увидел взаправдашний мальчик. Нечаянное видение принесло парнишке кучу огорчений, ведь никто не верил его расказу, некоторые даже дразнили. Жизнь ребёнка могла стать невыносимой. Пришлось вмешаться Мерлине. Она не любила кудесничать в человеческом мире, но происшествие с гномами следовало стереть из памяти людей. Надлежало ещё порядочно проучить зазевавшихся подданных.

Волшебница водворила их в реальность, в нежилой дом за городом и пару дней не появлялась: пусть нарушители хорошенько подумают над своим поведением. А явившись, сняла любимую нитку жемчуга, разобрала на бусины и, вручив каждому гному по четыре жемчужины, сказала:

– До Нового года вы должны осчастливить одного человека. Просто подарить жемчуг и считать, что дело сделано, нельзя. Жемчуг должен достаться тому, для кого он ничего не стоит. И без волшебства! Нужно всё устроить по-настоящему, как у людей. Главное, не попадайтесь им на глаза, иначе в мир сказок я вас не пушу.

Её Могущество исчезла, оставив трёх друзей в глубоком унынии.

Хорошенькое дело: одарить и осчастливить того, кого надо ещё отыскать, не показываясь на глаза, а выйти из дому нечего пытаться.

3

У маленьких чародеев появился хитрый, настойчивый враг.

Кот с зеленющими глазами жил где-то поблизости.

Каждая его шерстинка, казалось, говорила о том, какие у него заботливые хозяева. Свою сытую, удобную, а потому скучную жизнь белорудый щёголь разнообразил путешествиями по крышам. На соседском чердаке он обнаружил странных насельников размером чуть крупнее мыши и задумал развлечься. Встал на задние лапы, опёрся на стекло и обвёл чердак мерцающими лазерами глаз. От зловещего кошачьего взгляда у бедных гномов подогнулись колени. Но это было ещё не всё. Створка окна неплотно закрывалась на слабо вколотенный гнутый гвоздь. Хищник без труда нашёл щель, просунул лапу. Стекло задребезжало. Напуганные гномы прижались друг к другу и к фанерному ящику, найденному там же, на чердаке, и задрожали.

Котище не торопился распахнуть окно и полакомиться и так уже полуживой добычей. Он длит удовольствие, снова и снова изображая попытку пролезть на чердак. Гномы то и дело обмирали от ужаса. Сполна насладившись страхом человечков, хищник бесшумно удалился, но вернулся следующим утром. С тех пор навещал страдальцев каждый день.

Вскоре снег выпал, подморозило. Дума о Новом годе накрепко застряла в виноватых головах. Дела сказочных нарушителей осложнялись, так ещё и не начавшись.

4

- Мама, если мы переселимся, папа нас найдёт, когда вернётся?
- Запросто. Мы пошлём ему «эсэмэску» с адресом.
- А он точно приедет на праздник?
- Ты ещё спрашиваешь. Конечно!

Дочка опустила голову.

– Раньше он не уезжал так надолго. Я ему даже написать не могу: у него «электронка» не работает.

Женщина вздохнула. Ещё недавно их семья была неразлучна и дружно мечтала жить за городом. Ради этой мечты, чтобы заработать, муж стал соглашаться на долгие деловые разъезды, а дочь отчаянно заскучала. Отец был в командировке и сейчас, когда покупка дома считалась делом решённым.

Мама присела, взяла дочкины ладошки.

– Послушай-ка, Маша-мышья, поехали смотреть дом, а? Тот, что нам понравился, с черепичной крышей.

Маша кивнула.

Через полчаса они мчались на такси в предместье города. Примеченный ими двухэтажный особняк был небольшим, но уютным. Содержать его в порядке хозяевам – пожилой паре – было уже трудно. Они перебрались в город, а дом продавали. К ним-то и приехали мать с дочкой.

Пока взрослые разговаривали внизу, девочка попросила разрешения подняться на второй этаж. В пустых комнатах отвыкшая от людей тишина делала звуки шагов гулкими, точно просила двигаться как можно аккуратнее. Машенька припала плечом к стене и ненадолго задумалась, глядя в окно. Вдруг позади что-то стукнуло об пол и покатилося. Это была крупная бусина со сквозной дырочкой. Гостья подняла её, оглядела обои, углы. Находка не могла появиться просто так, думалось Маше, но, впрочем, если тут спрятан клад, то она могла выпасть из любой щели. Хотя бы из той, под потолком. Но скорее всего, эта бусинка была потеряна хозяйкой, когда порвалась жемчужная снизка.

Тут размышления прерывались. Конечно, хотелось верить во что-то чудесное, и девочка обязательно придумает таинственную историю драгоценного шарика, а пока находка так и тянула просто любоваться собой. Жемчужина переливалась мягким светом. Катая её на ладони, девочка улыбнулась, и с нею улыбнулись трое таинственных обитателей дома.

5

Гномы – а это, конечно, были они – обрели сокровище не случайно. Грустная девочка пришла им по душе. Волшебная тройца с радостью одарила бы её всем, что имела. Чердачные невольники слышали разговор людей внизу. Опасаясь, что покупательницы могут передумать, найти другой кров, гномы подкинули жемчужину. Пусть мама с дочкой сочтут драгоценную находку знаком судьбы и поселятся здесь.

Что подумали маленькая печальница и её мама, неизвестно, но купили они именно этот особнячок. Скоро в нём появились отделочники. Дом наполнился какофонией звуков. Казалось, солнце всплывало по утрам лишь потому, что разбужено молоточным буханьем, визгом пилы или сверла.

Сказочные изгнанники, натянув на уши шапочки, напрасно искали на чердаке тихий уголок: звуки проникали всюду и отовсюду. Ещё больше гномы беспокоились о расщелине между потолком и стеной. Если её заштукатурят, наблюдать за миром людей, оставаясь для него тайной, будет непросто.

Ремонт завершился, а прореху в стене никто не заделывал. Когда наклеили обои, она стала совсем незаметна, если смотреть из комнаты. А сверху можно было чуть-чуть пригнуть обойный краешек – и сразу вся комната как на ладони. Не оправдывая, конечно, плохую работу, маленькие чародеи всё же решили: ничто не случайно.

После ремонта другие работники привезли и расставили мебель, и всё наконец стихло. Хозяйки остались вдвоём. Маша заняла комнату на втором этаже, как раз ту, где гномы устроили наблюдательный пункт. Это тоже убеждало тайных затворников, что случайностей не бывает.

Постепенно жизнь обрела размеренность. По утрам мама провожала дочь в школу. Сама, оставшись одна, писала, печатала на компьютере, куда-то отвозила кипы бумаг. Гномы скоро узнали, что она писательница.

Вечерами жилицы обнявшись сидели в гостиной и разговаривали почти всегда об одном: «Папа звонил?», «Ты рассказала про наш дом?», «Что он ответил? Обо мне спрашивал?», «Когда придет?»

Волшебные человечки переглядывались. Они начинали понимать, в чём счастье девочки.

6

Предчувствие праздника усиливалось день ото дня: в вечерних витринах замигали гирлянды, окна приукрасились бумажными снежинками, над городской площадью поднялась ель-великанша. Дети лепили неуклюжих снеговиков. Всё дышало, жило предвкушением Новогодья.

Добрые гномы привязались к семье, переживали за неё, словно родные, и ломали голову, как помочь. Разве дали бы они девочке грустить, если б не приказ Мерлины не встречаться с людьми?

Пришёл день, когда бездействовать стало невозможно. Маленькие волшебники услышали разговор хозяек.

– Папа точно придет на праздник? Он обещал подарить мне лошадку.

Дочка спрашивала об этом в сотый раз, но сейчас мама ответила без обычной уверенности.

– Солнышко моё, ему, наверное, не удастся вернуться тридцать первого. Но впереди десять праздничных дней. Он обязательно будет с нами.

– Мы встретим Новый год одни?

– Не отчаивайся, милая, ещё окончательно не решено. Будем надеяться, что начальник...

Несчастливая дочь не дослушала, побрела в свою комнату. Усевшись в обнимку с подушкой на диван, она отрывисто вздохнула.

Гномы не могли допустить, чтоб их любимица горевала. В укромную щель они вытолкнули ещё один драгоценный шарик.

Подобрав его, Маша поводила руками по стенам, думая нащупать закуток, обойную отслойку с неведомым кладом. Ничего не обнаружив, она достала шкатулку. В ней хранилась первая жемчужина, нанизанная на шелковинку. И вот новая драгоценность маятничком закачалась рядом.

Нежное сияние убаюкало бедняжку. Она уснула, сжимая в руке жемчужное богатство.

7

Утром, едва люди ушли, чердачники заспорили.

– Давайте сами подарим ей лошадку, – робко предложил юный гном в куртке с синим воротником.

– Дело не в игрушке, – возразил старший из троих, в жёлтом камзоле с помпонами вместо пуговиц. – Кто её папа? Где его взять?

– Главное – как? – подхватил их товарищ в зелёном колпаке. – Надо бы поискать адрес, номер телефона.

– Только не номер! – всполошился Синий Воротник. – Люди не должны о нас знать.

– Не уверен, что Маша всё ещё о нас не догадывается, но делать-то что-нибудь надо! – возвысил голос Зелёный Колпак. Он был самый деятельный из друзей.

Постепенно разгорелся нешуточный спор, привлёкший внимание доселе неслышимых, невидимых и тоже маленьких обитателей подвала. Были, оказывается, такие: небольшое мышиное семейство недавно облюбовало здешний подпол. Когда дом наполнялся тишиной, мыши выбирались на первый этаж в кухню.

Звуки на чердаке их насторожили. Зверьки побежали смотреть. Спорчики показались им нестрашными, но шум стоило прекратить. Примиряя гномов, обитатели подвала понемногу сами втянулись в разговор.

Те и другие плохо представляли, на что им хватит сил. В итоге все решили отправиться на поиск папиного адреса. Гномам и мышам предстояло трудное и небезопасное путешествие.

8

Грызуны с кудесниками спустились на первый этаж и разделились.

Жёлтый Камзол с несколькими зверьками остался исследовать гостиную. Зелёный Колпак отправился в кухню. С ним увязался мышонок, твердивший, что знает тамошние закоулки как самого себя. Синему Воротнику достался мамин кабинет. По окнам и у входа притаились дозорные.

Едва Жёлтый Камзол добрался до середины зала, чуткие караульщики-мышки просигналили об опасности. В замочной скважине щёлкнул ключ. Девочка вернулась из школы не одна. Гном спрятался за ножку кресла.

– Что, дружок, в гости ко мне пришёл? Пойдём угощу чем-нибудь, – говорила кому-то Маша.

«С кем это она?» – успел подумать человечек и с ужасом увидел того самого кота, который не давал гномам покоя. Намётанным охотничьим глазом опасный гость мгновенно приметил Жёлтого. Хозяйка направилась в кухню, а усатый разбойник, немного отстав, присел, перемялся на передних лапах и бросился к креслу.

Испуганный гном едва отскочил в сторону, но выиграл не более пяти секунд. Атака повторилась. Надеясь отбиться, бедняга метнул в преследователя одну за другой три ожерельки. В углах комнаты зашуршали мыши, отвлекая внимание охотника на себя. Тот растерялся, соображая, на кого броситься. Жёлтый Камзол приготовился к гибели. Но тут вошла девочка и поставила на пол блюдец с колбасой.

– Кис-кис, что за шум?

Интерес к охоте у кота сразу пропал. Разбойник поспешил к угощению. Его жертва тяжело отдувалась за диваном, ещё не веря в спасение.

Хозяйка опустилась возле кота на пол и вдруг заметила жемчуг.

– Откуда это здесь? Ты их нашёл? – обратилась она к коту. – Странно... Собрав бусины в горсть, она задумалась.

Кот потёрся о ноги девочки.

– Поел? Ну, тогда иди гуляй, – сказала Маша, выпроваживая кота. – А я письмо папе буду писать.

– Папе письмо... Раз так, нужно скорей вернуться, – радостно прошептал гном.

9

Тем временем в кухне маленькие искатели подверглись не меньшей опасности. Подручный Зелёного Колпака напрочь забыл о главной цели похода. По блаженной мордочке и взволнованному сопению каждый понял бы, что мышонку не до записок на холодильнике и шкафчиках. Его неодолимо влекли вкусные запахи. Зверёк искренне верил, что помогает искать сведения о папе, но гному то и дело приходилось хватать друга за хвостик, чтоб тот не опрокинул посуду, не упал в крупу или мёд.

Заслышав шум в прихожей, кухонные разведчики спрятались за жестянками на полке прямо над плитой. На плите стояла кастрюлька с супом.

Пока девочка отрезала колбасу для кота, нужно бы сидеть тихо, но суп исходил ароматом так, что серенький, поводя носом, всё ниже и ниже свешивался с полки. Колпак удерживал его как мог. От напряжения пальцы ослабли, стали медленно разжиматься. Как только девочка вынесла блюдо, мышонки полетели вниз. Гном плашмя бросился на полку, приник к краю и в последнее мгновение ухватил кончик хвоста. Друг был спасён, зато в кастрюлю плюхнулась пара жемчужин!

Спустившись со злосчастной полки, незадачливые сыщики за плитой ждали случая вернуться на чердак.

10

Синему Воротнику помощников среди мышей не нашлось. Ему предстояли затяжные поиски.

В кабинете Машиной мамы везде лежали груды бумаг. Гном с трудом забрался на стол. Перебирая рукопись, он незаметно для себя увлёкся чтением и не слышал, как вернулась писательница. Та заходила к дочке, спускалась в кухню, гостиную, а Синий Воротник всё ещё ползал по листкам. Он спохватился лишь тогда, когда отворилась дверь. Ему пришлось быстренько нырнуть в нижний ящик стола.

Из недр стола человечек слышал, как мама подставила стул, зашелестела листами. Время от времени она доставала что-нибудь из ящика, выдвигая его то больше, то меньше. Синий Воротник мог бы выскочить, но рисковал обнаружить себя. И он продолжал тихо сидеть.

Случай подвернулся далеко за полночь. Писательница вышла. Пленник тотчас выкарабкался из неплотно задвинутого ящика на край вынужденного убежища, глянул вниз. Пол устилал толстый ковёр, так что кроха смело прыгнул, но повис, зацепившись за болтик. Изо всех сил бедняга принялся сучить ногами, пытаясь освободиться.

И тут с кружкой горячего чая вошла хозяйка. К счастью, она следила за тем, чтобы чай не расплескался, боясь обжечься, и не заметила болтающегося лоскутиком гнома. Тому наконец удалось освободиться, и он мягко

упал в плотный ковровый ворс. Из его кармана выпала жемчужина и покати-лась под хозяйкин тапочек.

«Растяпа. Теперь не достать», – с досадой обругал себя человек и при-мостился за портьерами. Убаюканный тихим сумраком, он успел задремать. Его разбудил скрип отодвигаемой табуретки.

Писательница встала из-за стола и наступила на что-то твёрдое и круг-лое. Отыскав в ворсяной гуще ожерельку, она поднесла её к ночнику, рас-смотрела и положила в сумочку, думая отдать при случае дочке. Вскоре женщина наконец уснула. Синий Воротник тихонько вскарабкался на стол и попытался осторожно открыть дамскую сумочку. Хитрый замок сумки не поддался. Синий Воротник вздохнул и поплёлся прочь из комнаты.

11

На восходе гномы собрались под крышей. Итог похода оказался совсем не таким, как мечталось. В Машинной комнате на столе лежали письмо тол-щиной в полтетради и конверт с папиным адресом – тем самым, что вчера гномы тщетно искали весь день, рискуя провалить задание или даже погиб-нуть. К тому же они растеряли почти всё богатство. Попало ли, попадёт ли оно к малышке? Зачем потрачено столько стараний и усилий, Жёлтый Кам-зол, Зелёный Колпак и Синий Воротник не знали.

Грустные мысли перебила трель будильника в детской. Гномы прильнули к расщелине. Девочка собиралась в школу. Затянув бантик на косе, она взяла со стола исписанные листки и сунула в конверт.

В это время её окликнула мама:

– Дорогая, поторопись!

Держа незапечатанное письмо в руке, дочь повернулась, чтоб отозвать-ся. В эту же секунду в конверт полетела жемчужина. Её ни с того ни с сего пульнул Жёлтый Камзол. Гномы отпрянули от щели и вопросительно уста-вились на приятеля, но тот лишь пожал плечами. В спешке их подопечная ничего не заметила, подхватила шарф, портфель и побежала вниз.

Стукнула дверь. Хозяйева ушли. Сказочники снова заглянули в комнату. Увы! Письмо забыто на столе.

Друзья единодушно решили: «Отослать письмо сегодня же: оно должно попасть к папе до праздника».

Увесистый конверт для крошечных человечков – неподъёмное бремя. Опять пригодились мыши. Подвально-чердачное население сообща потащи-ло вниз пакет, полный детских надежд. Желая сгладить вчерашние прома-хи, каждый старался не выпускать письмо из лапок и рук. Началась суетли-вая толчея. Письмо медленно спускалось, кружась в одну, в другую сторону. Мыши и гномы под ношей толкались, наступали друг другу на ноги, лапки, взвизгивая и охая.

Воодушевляясь после преодоления каждой ступеньки, толпа спустилась на нижний этаж и опомнилась только у двери подвала. Пришлось возвра-щаться. Изрядно устав, потратив уйму времени, друзья достигли коридора, но тут клацнул замок.

Бросив письмо на пол, мыши шарахнулись по углам. Жёлтый Камзол спрятался за каблуком сапога, Зелёный Колпак притаился в щётке. Синий Воротник споткнулся, но успел прыгнуть в тужельку.

Вошла девочка. Впереди неё важно вышагивал злой гений не только гно-мов, но и мышей.

12

Странное дело, сегодня кот не смотрел в сторону Жёлтого Камзола, будто бы даже усом не вёл. Стрельнув холодным, колючим взором, он простествовал напрямиком на кухню.

Скинув сапожки и пальто, девочка подняла письмо и поспешила вовсе не в кухню за котом, а в гостиную. Окно оттуда выходило на улицу. По ней примерно в это время обычно проходил почтальон. Сейчас он как раз выворачивал из-за угла.

Сунув ноги в шлёпанцы, оттолкнув дверь, простоволосая девочка выбежала на улицу.

Синий Воротник прятался ближе всех к входу и видел, как, приостановившись, дверь вот-вот захлопнется. Маша останется на холоде до вечера. Гном огляделся. Не найдя ничего подходящего, он вбросил в щель меж порогом и дверью одну из своих жемчужин.

Но тут в коридор выпрыгнул кот, о котором на время забыли. Изогнув спину, он проурчал угрозу и кинулся к Воротнику. Во имя спасения Воротника мышки с гномами, покинув убежища, атаковали злодея. Одни кусали, другие дёргали за шерстинки, хвост, кому повезло – за усы. Рассерженный хищник кидался в стороны, опрокинул полку с газетами, раскидал обувь, смял половик.

Возможно, ему и удалось бы схватить кого-нибудь, но вернулась девочка. Не понимая, почему не может закрыть дверь, она осматривала порог. Маленькие вояки разбежались, а разбойник тревожно заметался посреди беспорядка. Маша отыскала причину неустройства, но удивиться не успела: её глазам открылся невообразимый беспорядок. Виновник погрома был изгнан.

Тайные домочадцы перевели дух. Им ещё предстояло окольными путями как можно тише пробираться в свои убежища.

Вернувшись под крышу, сказочники недосчитались ещё одной жемчужины, выпавшей во время схватки с котом. Они не знали, что обе сегодняшние потери качались сейчас на шелковинке рядышком с теми, что накануне плюхнулись в кастрюльку.

13

Наступил последний день старого года. С утра мело так, словно Дед Мороз расчёсывал бороду. Деревья, фонари, ограды и крыши украсились лёгким кисейным снегом. К вечеру подморозило, высыпали звёзды, и туманно светившая луна обещала прохожим чудеса. Таков он – единственный в году вечер, когда появлению сказок в реальном мире никто не удивляется.

На чердаке собрались все незаметные жильцы дома. Жёлтый Камзол держал в кулаке последнюю жемчужину. Мышей и гномов одолевали мрачные мысли: они не видели праздничных приготовлений внизу, но подспудно чувствовали, как час от часу приподнятое настроение хозяек сменяется грустью. Девочка то и дело набирала папин номер, но папа был недоступен. Надежда на встречу иссякала неумолимо, как песок в часах.

Вдруг чердачное окно задрожало. Друзья разом повернулись и увидели ненавистного знакомого. Кот пробрался внутрь. Порядком разозлённый прежними неудачами, он решил сегодня покончить наконец с гномами, мышами и всеми, кто попадётся под лапу. Если б гномы не опрокинули на себя пустой фанерный ящик, им пришлось бы худо.

Мыши бегали вокруг обидчика, будто играли с ним в салки. Тому никак не удавалось кого-нибудь поймать. Сытая жизнь притупила охотничьи уме-

нья, но вряд ли в такой вечер станет удачливым зло. Оставив затею, кот тенью выскользнул наружу. А чердачников ждала неприятность: потеряна последняя бусина. Но это был пустяк в сравнении с тем, что они услышали: из детской доносились всхлипывания.

Девочка вздрагивала, закрыв лицо ладонями. Но постепенно слёзы сменились ровным сопением. Плакальщица уснула. Бесшумно появилась мама. Присев на краешек дивана, она погладила дочь по голове, укрыла пледом, вздохнула и вышла...

Человечки переглянулись. До боя часов осталось несколько минут. Гномы ясно осознали, что не справились с заданием Мерлины: они никого не ошастливили, им не вернуться в Волшебную страну и не остаться в мире людей. Жёлтый Камзол, Синий Воротник и Зелёный Колпак должны исчезнуть навсегда.

14

Раздался первый удар часов. Гномы обнялись, крепко зажмурились, чтоб не очень бояться исчезать навеки.

Они не слышали, как мыши обыскали чердак, нашли жемчужину и отнесли девочке: пусть малышка в первый день года немного порадует, получив последний подарок таинственных друзей.

Не слышали человечки и того, как в передней крякнул входной звонок, а мамин изумлённый возглас потонул в мужском смехе.

С двенадцатым ударом гномы исчезли из реальности, чтобы появиться... в сказке, перед тронном Её Могущества.

– Вы справились с нелёгким заданием, потому прощены! – торжественно произнесла Мерлина. – Теперь не мешкайте, приступайте к изобретению праздничных волшебств. Не забывайте: сегодня 1 января.

Гномы ожидали чего угодно, только не этого. Озадаченные, они вышли на шумную новогоднюю площадь Волшебного королевства.

Мерлина улыбнулась, включила магический экран. На нём отобразилась освещённая сиреневым утренним светом комната, где только что проснулась Маша. Девочка, увидев на подоконнике бусину, достала заветную шелковинку. Нанизав жемчужину, она вдруг услышала голоса снизу. Детское личико просияло. Девчушка птичкой слетела в гостиную с возгласом:

– Папа! Папочка! Когда ты приехал?

Сильные отцовские руки подхватили дочь, закружили по комнате.

– Вчера. Едва успел к бою часов, представляешь? Я привёз тебе подарок. Как ты хотела.

Прихватив из-под ёлки плюшевую лошадку, они уселись на диван рядом с мамой. Дочка забралась в уютную теснинку между родителями. Отец увидел в руках дочки бусы, достал из кармана жемчужину и протянул ей.

– Спасибо, – сказал он. – Когда я прочёл письмо и нашёл в конверте эту бусинку, сразу решил: поеду домой – и точка.

Маша ничего не ответила, она была слишком довольна, чтобы удивляться. Тут поднялась и мама.

– Подожди-ка, у меня тоже кое-что есть.

Она вынула из сумки такую же бусину.

Нить уже с двенадцатью бусинами мама завязала бантиком и отдала дочери. Папа, дочь и мама прижались друг к другу. От полноты счастья они молчали и смотрели в окно, словно в магический экран.

Осыпая искрами заледенелое оконное стекло, всходило солнце. Застенчиво переливаясь жёлтым светом, оно походило на громадную жемчужину.

**Алексей
попов**

ОЛЕГ ПОПОВ И ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК

Без парика и грима он был похож на обыкновенного дядьку, любого из тех докторов, с кем работал или учился отец. Один из них, трудившийся лекарем в цирке, и привёл нас обоих в гримёрку артиста после представления. Мне, видевшему его до этого только на арене или по телевизору, это показалось странным. Ну так, странноватым. Он был ещё в гриме, но уже без знаменитого соломенного парика. Я даже усомнился сначала: а он ли это? Но отец уважительно шепнул:

– Тот самый. Солнечный клоун!

Я часто ходил с отцом в цирк, видел многих артистов, но чтобы вот так близко... Хотелось дотронуться: не грёзы ли это? Олег Попов, заметив мои сомнения, залез в карман своего артистического костюма и протянул мне конфетку, одну, наверное, из тех, которыми он угощал детей на арене. С тех пор все артисты стали для меня немножко доступней. Во всяком случае, я не считал их уже недостижимыми экранными призраками. Но это не отменяло, конечно, заслуженного почтения и аплодисментов.

В школе я появился на следующее утро. Впечатлений было столько, что я не мог внимать ничему. Хотелось поделиться каждой мелочью. Казалось, все будет в восторге. Но класс меня встретил холодным молчанием. Больше всех негодовала Таня Молчанова, наша вожатая.

– Ребята, – проговорила она срывающимся от обиды голосом, – по-моему, ему надо объявить бойкот.

– За что? – крикнул сидевший у окна мой друг и сосед Олег Бебешин.

– Он предал нас всех! – чуть не заплакала Таня.

Я с недоумением захлопал глазами. Та строго спросила:

– Ты знаешь, какой день был вчера?

– Знаю.

– Какой?

– Вторник.

● Алексей Алексеевич Попов родился и живёт в Саратове. Окончил филологический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Работал журналистом, копирайтером. Публиковался в электронных СМИ.

– Вчера нас торжественно приняли в пионеры! Ты понимаешь это? Тут только я заметил, что на шеях у всех красовались новенькие пионерские галстуки. Лишь у меня на лацкане всё ещё тускнела маленькая октябрятская звёздочка.

– Ты где вчера был? – напирала Таня.

Я виновато потупился:

– В цирке.

Класс засмеялся.

– Где? – уже как-то менее уверенно спросила вожатая.

– В Горький ездил. Там Олег Попов выступал.

– Да ты что? – слышались реплики. – И ты его видел?

– Он мне конфетку дал, – разудыбался я счастливо и глупо.

– За что?

– Не знаю. Мы с папой к нему после представления зашли.

– Вот заливает! – хохотнул кто-то.

– Попов, – покачала головой Таня, – каяться тебе надо перед коллективом, а ты ещё, оказывается, бессовестный лгун! Даже Петя Куранов, больной, с температурой, пришёл вчера на торжественную линейку! Конфету ему дали... – передразнила она. – Да кто ты такой, чтобы Олег Попов тебе дал конфету?!

Класс снова весело громыхнул. Но Тамара Иннокентьевна, наш классрук, которая стояла рядом с Таней, громко постучала по столу костяшкой указательного пальца, призывая к порядку.

– Серьёзный вопрос, между прочим, – напомнила она. – Все младшие классы вступили вчера в Пионерскую организацию имени Владимира Ильича Ленина. Показали себя настоящими патриотами, достойной сменой нашей великой Коммунистической партии Советского Союза, победившей в войне, построившей нам счастливую жизнь. Все как один! И на тебе – в бочке мёда...

Она, видимо, хотела прибавить ещё что-то гадкое, но, сдержавшись, строго спросила:

– Тебе не стыдно, Попов?

Пахло жареным. Ощущать себя не таким, как прочие, всегда неудобно и даже опасно. Легче всего, конечно, сказать накатанное «я больше не буду» – и тебя, скорее всего, простят. Но что-то меня сдерживало. Может быть, то, что стыдно мне не было вовсе. Напротив, я очень гордился. Смутно, по-детски я всё равно был уверен, что в пионеры меня примут. Не сегодня так завтра. Не здесь, так где-нибудь там. Это конвейер, неизбежность той жизни. А вот шанс увидеть такого шикарного циркача – это как знать... Как красивая снежинка в ладони: раз – и растаяла.

– Чему ты улыбаешься, Попов?

Я молча пожал плечами. Не знал, что ответить.

– Он над нами смеётся, – предположила вожатая. – Ему вовсе не стыдно. Коллектив ему по барабану.

– Таня, – с мягкой укоризной осадила Тамара Иннокентьевна. – Что, в русском языке нет более культурных слов? Но, по сути, она права: наш коллектив этому мальчику недорог. У него какие-то другие идеалы.

– Ну что ж, – сказала она, сев за стол, – будем вызывать его родителей. Придётся принимать какие-то меры. Вплоть до исключения из школы.

Вот тут я впервые испугался по-настоящему. И, молча попереживав минут несколько, уж сам не знаю, как, пошёл во все тяжкие.

– Я специально это сделал, – признался я, вздохнув.

– Вот, – злорадно высказала Таня, – я так и думала!

– Бессовестный ты, Попов, – подтвердила Тамара Иннокентьевна.

– Я просто хотел Олега Попова в нашу школу пригласить, – закончил я мысль.

На сей раз захохотал не только класс. Классрук даже прослезилась от смеха.

– Специально? – переспросила она весело, протирая платочком намокшие очки.

– Но он же мой дядя!

– Кто-о?

– Брат папы. Двоюродный, правда. У нас и фамилии одинаковые.

– О господи! – всплеснула руками Тамара Иннокентьевна. – Да врешь ведь, паршивец, всё врешь!

– Честное отябратское! – поклялся я, понимая, что до пионера ещё недо-тянул. – Просто хотелось ребятам приятное сделать. Они ведь Олега Попова видели только по телику. Правда, ребята?

В классе не раздалось на сей раз ни одного смешка.

– Уговорил? – крикнул кто-то с надеждой.

– Да врёт он вам всё! – бросила Таня.

– Как тебе не стыдно, Попов? – покачала головой Тамара Иннокентьевна.

– Уговорил, – сообщил я, и сам веря даже, что так оно в самом деле и произошло.

Не знаю, чем я их всех добил. Может быть, просто улыбкой: она была до того счастливой и искренней, что сразу замолчали все скептики.

– А когда, когда он придет? – наперебой выкрикивал класс.

– Обещал на следующий год, когда снова будет в Горьком на гастролях.

– А в этом?

– В этом не может. Сказал, очень занят.

Тамара Иннокентьевна пыталась что-то возразить, говорила о чести пионера и школы, но её уже никто не слушал. Забылись и красные галстуки, и дедушка Ленин, и всё остальное. Даже Таня и та после звонка подошла ко мне украдкой и попросила:

– Лёш, а ты меня с ним познакомишь?

– Зачем? Замуж собралась?

– Дурак! Я ещё маленькая. Но цирк люблю очень. Когда школу закончу, обязательно поступлю в цирковое училище. Может быть, он посоветует, в какое.

В общем, мероприятие было смято на корню. На следующий день меня тоже беспрепятственно приняли в пионеры.

А Олег Попов действительно приехал на следующий год. Только не в школу и не к папе, к которому никакого отношения не имел. Просто у него в нашем городе оказался какой-то родственник. Город маленький, и это, естественно, стало событием. Он даже дал небольшой концерт в нашем Дворце культуры. Тамара Иннокентьевна, которая на нём присутствовала, сказала мне позже:

– А молодец, Лёша, слово своё держишь!

И только Таня ещё долго обижалась. Не успел я познакомить её с самым солнечным в мире тёзкой.

**Светлана
ПАНКРАТОВА**

КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

Мама звала его Колокольчиком, бабушки и дедушки – Колюшкой, папа – Колястиком и Николаем. Для друзей он был Колькой, для соседей – Колей, для воспитательницы детского сада – Парамоновым. А самому Коле очень хотелось быть Джеймсом. Джеймс Парамонов! Звучит? То-то!

– Мама, а почему меня Колей назвали? – спросил однажды вечером Коля.

– В честь дедушки, а его в честь его дедушки назвали.

– А у Славки тоже два деда, и оба – не Славы, – удивился Коля.

– Славку дед в честь своего любимого хоккеиста назвал, – крикнул папа из «папмаминой» комнаты.

– Вот видите! – крикнул и Коля. – А может быть, я не хочу быть Ко-о-олей! Не хочу!

– Хорошо, – улыбнулась мама, – кем же ты хочешь быть, скажи.

– Джеймсом, – буркнул Коля.

– Джеймс Парамонов! – торжественно провозгласил подошедший папа. – А что, по-моему, в этом что-то есть...

– Но кого же я буду называть Колокольчиком? – спросила мама.

– А я – Колястиком? – спросил папа.

– Всё равно, – мотнул головой Коля.

– Хорошо, – сказали папа и мама, – будь Джеймсом.

Так Коля стал Джеймсом.

Сначала было трудно, то сам Коля забывал отзываться на своё новое имя, то папа с мамой то ли нечаянно, то ли нарочно называли его то Джоном, то Джеком.

– Я Джеймс! – едва не плакал Коля.

– Прости-прости, – винулись папа с мамой, – мы никак не можем привыкнуть. Среди наших знакомых, а тем более родных нет никаких Джеймсов.

Самое обидное, что и Славка продолжал называть Колю Колькой.

– Ты нарочно, да? – спрашивал Коля.

● Светлана Геннадиевна Панкратова родилась в Саратове. Окончила сценарный факультет ВГИКа. Лауреат Всероссийского конкурса им. В.И. Белова, лауреат конкурса им. Ю.С. Самсонова (Иркутск). Публиковалась в журналах «Волга–XXI век», «Наш современник» и др.

– Мы во что-то играем? – интересовался Славка.

– Ни во что мы не играем! – кричал Коля. – Просто я теперь Джеймс Парамонов!

– А я – Вячеслав Фетисов! – орал Славка.

– Ты Фе-тю-шин! – насакивал Коля.

– Нет, Фетисов! – сжимал кулаки Славка.

– А покажи свидетельство... это... о рождении. Покажи!

– А ты своё покажи, Джем мандариновый!

Но через пару недель имя прижилось, и даже старенькая бабушка, дедушкина мама, радостно спрашивала со своего кресла:

– Кто там? Джеймс наш приехал? Покажись-ка скорей!

А потом Джеймс заболел. И все вокруг сразу забыли, что Джеймса зовут Джеймсом.

– Колокольчик, попей вот морсу клюквенного.

– Николай, ты держись, сын, это... это ничего, пройдёт.

– Колюшка, внучек, может, сготовить тебе чего особенного?

«Я же Джеймс, – думал Джеймс, – и мне так плохо, а они все, знай себе, поддерживают кого-то, а мне никто слова доброго не скажет. А без добрых слов так тяжело выздоравливать».

От таких мыслей Джеймсу становилось всё хуже и хуже, врачам пришлось забрать его в больницу.

– Понимаешь, брат, – сказал Джеймсу доктор, – тебе нужно вспомнить своё настоящее имя, иначе... плохо может быть, если иначе...

– Но я Джеймс, – прошептал Джеймс.

– Поразительный случай, – развёл руками доктор, – ничего подобного в моей практике не было.

А на следующее утро Джеймс проснулся от чего-то странного. Он открыл глаза и увидел красивую женщину, которая что-то быстро-быстро говорила. Два раза в неделю в детсадовскую группу приходила учительница английского, но она проговаривала чужие слова чётко, громко, и всё было понятно, а тут...

– Вы кто? – спросил Джеймс.

– О Джеймс! Джеймс! – воскликнула женщина.

– Она уверяет, что ты её сын, – прошептал доктор. (Он, оказывается, сидел по другую сторону кровати.) – Она приехала за тобой. Вы полетите через океан, к себе домой.

– А как же моя мама? – тоже шёпотом спросил Джеймс.

– Это и есть твоя мама. Ты же Джеймс?

– Это не моя мама! – Джеймс потянул одеяло к лицу.

– Но ты же Джеймс, да? А это – мама Джеймса. А у той женщины, которую ты считаешь своей мамой, сына зовут Колей. Разве ты Коля?

– Я – Коля, – сказал Коля, перестав прятаться под одеялом.

И с этой минуты он стал выздоравливать. И сразу же в больничную палату вошли папа, мама, бабушки, дедушки, строгая воспитательница Марь-сергевна, и все они заговорили одновременно:

– Николай! Колокольчик! Колюшка! Парамонов... Коля, тут гостинцы тебе, от Фетюшина... Славы, от всех ребят. А это вот от Журавлёва... Коли и от Коли Игнатьева – машинка и робот. Нравятся они тебе?..

**Сергей
СЛАВНЕЦКИЙ**

ДВА РАССКАЗА

ВООБРАЖЕНИЕ

У нашей одноклассницы Нади Зюзюкиной сегодня день рождения. Счастливая!

– Слушай, Коля, – говорю я, – давай Надю поздравим! То-то она обрадуется.

– У кого праздник, а у кого горе, – вздохнул Коля Хвостиков. – В этот день я книжку про африканского леопарда в трамвае оставил.

– Во! А давай ей книжку подарим! Она же любит готовить. Если не врёт, конечно.

Мы купили книжку с коробкой конфет и позвонили в дверь.

– По-здрав-ля-ем! – нараспев сказали мы и вручили подарки. – С ума сойти! Ты такая нарядная! А пирожками-то вкусно пахнет!

– Спасибо, заходите и садитесь за праздничный стол! – как-то растерянно ответила именинница. – Я подумала, что родственники пришли. Опять ручки, книжки надарят. Надеюсь, на этот раз дядя Вася, папин брат, не подарит пластилин или сушёные грибы.

– Грибы – это хорошо! – сказал Коля, глядя на голый стол с чистой скатертью. – Из них такой суп ароматный получается!

– Мне жареные грибы в сметане нравятся! – добавила я. – В том году два ведра опят насобирали.

– Гадость – ваши грибы! – фыркнула Надя. – У меня столько вкусовостей! На весь двор хватит!

– Мы тебе и книжку специально по кулинарии подарили, – заметила я. – Угостишь потом чем-нибудь?

– Если не забуду! – сказала Зюзюкина. – Вот, смотрите... – Она положила книгу в центр стола. – Здесь будет стоять вкусный торт с изюмом, кусочками ананаса и орешками. Настоящее произведение искусства. И с надписью: «С днём рождения, любимая доченька Надюша».

-
- Сергей Алексеевич Славнецкий родился в Саратове. Окончил музыкальное училище по специальности «Народные инструменты» и Саратовский пединститут им. К. А. Федина (факультет хорового дирижирования). Работал руководителем детского фольклорного ансамбля «Родничок» при ДК «Кристалл». Ансамбль неоднократно становился лауреатом Всероссийских конкурсов. В настоящее время работает на заводе стальных дверей «Торэкс». Пишет прозу. В литературно-художественном журнале публикуется впервые. Живёт в Саратове.

– Кремовый или на сливках? – поинтересовалась я, сглатывая слюну.
– И с нежным кремом... и на сливках... – водила руками Надя. – У-ух! Пальчики оближешь. И, представляете, всё это в форме древнего замка. Шедевр! Только торт получился огромный, и пришлось его соседям на время в холодильник поставить.

– Наверное, очень вкусный... – облизнулся Хвостиков. – И уйму денег стоит...

– А сейчас увидите жареного гуся с яблоками. – Зююкина вышла из комнаты и представила, как выносит и ставит на стол широкое блюдо. – Помните, как мы всем классом Наталью Алексеевну поздравляли и нам только по кусочку досталось? Потому что маленький гусь был. Декоративный, наверное. А у нас здоровущий – на полстола! Тонкая, румяная, прожаренная корочка, лучок, помидорчики, укропчик... Возьмёшь в руки крылышко, а масло так и капает, так и капает... Чувствуете, какой аромат?

– Чувствуем... – прошептал Коля.

– Только жалко, не видим! – посетовала я. – У Натальи Алексеевны тоже гусь был большой, и хоть по кусочку, зато всему классу хватило.

Надя бегала вокруг стола и показывала, что где будет лежать из угощения.

– Ну вот, вроде, всё рассказала. Ой, совсем забыла... А вот сейчас произойдёт чудо под названием «праздник сладостей»! Представьте, как папа выносит поднос... В центре ананас с фруктами и много-много разного мороженого: земляничное, шоколадное, пломбир ванильный. Выбирай любое, ешь сколько душевнечке угодно! Вообразили? И не заболеешь! В электросамоваре чай поспекает. Ложечку мороженого – глоток горячего чая – ложечку мороженого... Правда, вкуснотища?

– Ладно, пойдём Коля! – Я потянула друга за рукав. – Я тебя пирожками с яблоками угощу, как ты любишь. Мама целый противень напекла.

– Пирожками? – оживился Хвостиков.

– Настоящими, – заверила я. – И воображать не надо. Сиди и уминай за обе щеки. И чаем угощу. Конечно, не из самовара, но тоже не воображаемый.

– Вот и хорошо! – обрадовалась Зююкина. – Извини, Люся, мне собираться пора. Костюмчик напялить, ботинки начистить. А то скоро родители придут.

НАРЯД

В один прекрасный день подарил дедушка Маше Соловьёвой красивое платье. Чтобы внучка на концерте была нарядная. Только дедушка, когда обновку покупал, не рассчитал размер, и платье оказалось мало.

– Вечно дедушка что-нибудь перепутает, – расстроился папа. – Завтра концерт, и обменять платье никак не получится.

– Не стоит переживать! – успокоила Маша. – У нас мама такая рукодельница, что вмиг расширит наряд. Правда?

– Ага, – процедила мама. – У меня даже швейной машинки нет. И ниток такого цвета... И времени... И вообще мне на кухню пора ужин готовить.

– Тогда концерт отменяется! – буркнула Маша. – Мне что, на роле стоя играть? Если я сяду – платье по швам расплзётся! Я даже на сцену не заберусь.

Тут, на счастье, позвонила в дверь соседка тётя Даша. С мамой чай попить да новостями поделиться. Тётя Даша работала на швейной фабрике и считалась мастерицей своего дела. Она с гордостью называла себя «кутью-

рье» и модницей. Всё бы хорошо, только характер у неё был капризный и жуть какой несносный.

– Вылитое чучело! – сурово выпалила соседка, разглядывая Машу в новом платье. – Где вы только купили такое убожество? Руки бы оторвать горе-закройщикам.

– Можно не выражаться при ребёнке! – папа в волнении пытался осадить недружелюбную тётку.

А тётя Даша обмеривает Машу линейкой и осуждающе покрикивает:

– Что же ты, Маша, такая дылда и худющая? Стрекоза и то толще. Одни рёбра.

– Она вся в дедушку! – похвасталась мама. – Стройная, как сосна корабельная.

– Твой дедушка случайно не Кощей Бессмертный? – встала руки в боки соседка. – Сидишь целыми днями за пианино, а поесть блинов с пирогами ума не хватает? От твоих бряцаний по клавишам мой кот под диван прячется. Не понимаю, зачем по столько времени пианино и слух мой изнеженный терзать?

Папа нахмурил брови.

– Не слушай тётю Дашу! – папа Маше говорит. – Ты наверняка станешь знаменитой пианисткой. Вот тогда все и узнают, и завидовать будут. Ты, дочка, не чучело, а гений!

– И тётю Дашу на сольный концерт пригласишь! – мама чмокнула Машу в лоб. – Если она, конечно, успеет к завтрашнему дню платье исправить.

– Ха-ха! – рассмеялась соседка. – Вижу я, мои дорогие соседи, что вы в музыке ничегошеньки не соображаете!

Тут Маша переоделась и в свою комнату убежала, чтобы дедушку ещё раз за платье поблагодарить и чтобы не расстраивался, что на два размера ошибся.

– Соловьёва, – говорит тётя Даша маме, – лучше выучите дочку на таксиста. И то будет больше пользы. В нашем дворе с такой профессией никого нет! И при деньгах Маша будет, и в доме тихо станет.

– Вот так удружили советом! – обиделся папа. – Не хватало ещё, чтобы моя дочь бензином дышала и по городу колесила. Уж лучше пусть будет художницей и дарит людям хорошее настроение.

– Уж лучше пусть будет стоматологом и дарит людям красивые улыбки! – добавила мама и покосилась на беззубый рот соседки. – Пойдёмте лучше пить чай! С малиной.

– Маша! – крикнула через комнату мастерица. – Я давно хотела тебя спросить: Чайковский с Бетховеном случайно не родственники?

И тут в дверь позвонили, и вошёл довольный дедушка со свёртком.

– Вот! – выпалил он с ходу. – Ещё одно платье купил. На два размера больше. И в два раза красивее.

– Значит, я зря старалась? – всплеснула руками тётя Даша. – Тогда я, если хотите, могу своей племяннице это платьишко отдать. Ей впору будет.

– Нет уж! – заявила Маша. – Лучше мы с дедушкой это маленькое, но такое замечательное платье сестрёнке Коли Хвостикова подарим. Ей оно больше пригодится.

А про себя тихонько добавила: «Светка с меня пример взяла. На радость соседям, на следующий год тоже на пианино учиться будет».

Ольга Жогло

«В ПРЕДЧУВСТВИИ ВОЛШЕБСТВА»

Беседа Анны Морковиной
с писателем Ольгой Жогло

Анна Морковина: *Уважаемая Ольга, вы пишете стихи, занимаетесь журналистикой, заведуете музеем Саратовского цирка... А кем в первую очередь вы сами себя считаете?*

Ольга Жогло: К литературе, поэзии у меня с детства было благоговейное отношение. Ни писателем, ни поэтом я себя в самых смелых мечтах представить не могла.

Сейчас меня очень поддерживает мнение людей, авторитетных в литературе, которые обращали внимание на моё творчество: главного редактора альманаха «Другой берег» (Энгельс) Александра Бурмистрова, Михаила Каришнева-Лубоцкого, Михаила Муллина, Александра Амусина, Елизаветы Даниловой (Мартьяновой), Игоря Преснякова, членов жюри конкурса «Турнир поэтов»-2018». Если они считают мои стихи достойными внимания, я уже не могу позволить себе относиться к этой стороне своей жизни небрежно. И когда в 2017-м случился вынужденный перерыв в моей работе в Музее Саратовского цирка из-за реконструкции, решила, что всё освободившееся время буду отдавать литературе.

В любом случае, поэзия для меня не профессия – это чудо, которое я ничем не заслужила, оно случилось в моей жизни само...

А. М.: *Сколько лет вы занимаетесь литературным творчеством?*

О. Ж.: Стихи я начала писать ещё в школе, как многие. Во втором классе у меня была тетрабочка, а в ней – сказка про цыплёнка...

А. М.: *В стихах?*

О. Ж.: Нет, в прозе. Зато с рисунками. Стихи я тоже пробовала писать, но без особого успеха. В старших классах я начала понимать: что-то получается... Мама отнесла мои стихи в редакцию газеты «Наше слово» (бывший «Коммунист»). В редакции полистали и сказали: «Мы, конечно, можем их напечатать, но все поймут, что это у кого-то списано». Потом я надолго перестала писать стихи. А продолжила, уже став взрослой, несколько лет назад, когда пришло увлечение цирком.

А. М.: *Увлечение цирком повлияло на ваши стихи?*

О. Ж.: Сначала – сказки. Я смотрела выступления братьев Запашных – Аскольда и Эдгарда. Проходил Международный цирковой фестиваль в 2003 году, братья Запашные долго гастролировали в Саратове. Им, как победителям, продлили гастроли месяца на три. Я была под сильным впечатлением и решила: надо артистов чем-то отблагодарить. Но не банальную хвалебную оду же писать! Решила написать детские сказки – ведь до меня этого не делал для них никто. По историям, которые случались с ними в детстве, я написала пять сказок о храбрых витязях Аскольде и Эдгарде.

Потом сказки я послала Запашным, и их мама Татьяна Васильевна напечатала эти сказки в Казани тиражом 1000 штук. Я получила десять книжечек, которые раздала, осталась только одна – на память.

А. М.: *Сколько ещё ваших произведений посвящено артистам цирка?*

О. Ж.: Точно не знаю. Тем более там есть и поэмы, и двестишия. Владимиру Гарамову, выдающемуся цирковому артисту, например, я посвятила поэму «Юность вольтижёра». Сначала впечатлилась, посмотрев его номера, захотелось написать нечто вроде благодарственного письма в стихах. Отправила артисту по электронной почте, он позвонил, поблагодарил. А спустя некоторое время снова раздался звонок от него – Владимира Алексеевича собирались представить к званию народного артиста, и он попросил написать текст. Заодно спросил, часто ли я бываю в цирке, с кем общаюсь... Тогда я не знала больше никого. И Гарамов познакомил меня со своим другом – ассистентом Павлом Семенишиным. Вскоре мы познакомилась с Фатимой Гаджикурбановой-Медниковой, представительницей династии дагестанских канатоходцев. Она рассказала о своей судьбе, о семье... Этот материал лёг в основу статьи «История любви», которая была напечатана в «Саратовском Арбате». Ну, а когда я пошла работать в цирк, общение с артистами стало более тесным, насыщенным.

А. М.: *А как вы в цирке-то оказались? Может быть, вы из какой-нибудь цирковой семьи?*

О. Ж. (смеётся): Нет, они мне «родня по вдохновению». Было время, когда я сидела без работы, смотрела телевизор и увидела передачу, где Иван Георгиевич Кузьмин рассказывал про цирк и задавал вопросы. Я стала звонить и отвечать на них, выигрывала раз шесть или семь пригласительные. Чтобы пополнить знания, пошла в Энгельсскую библиотеку, прочитала всё, что касается цирка. А потом меня пригласили заведовать Музеем цирка...

А. М.: *Значит, всё-таки цирк стимулировал литературное творчество?*

О. Ж.: ...И интерес к журналистике.

А. М.: *Вы учились на филфаке Саратовского университета?*

О. Ж.: Да, но не окончила его. Было время, когда вообще из дома выходить не хотелось... Зато освоила компьютерную графику и теперь люблю заниматься графическим дизайном.

А. М.: *В настоящее время вы посещаете литобъединение в своём родном Энгельсе. Расскажите, пожалуйста, про него.*

О. Ж.: Всегда интересно общаться с теми, кто «болен» тем же, чем и ты. В литобъединение «Вдохновение» я хожу с 2017 года. До этого я посещала клуб любителей музыки «Кумиры прошлых лет» при отделе краеведения Пушкинской библиотеки. Руководил им Виталий Семёнович Герасимов, а когда его не стало – и сама проводила занятия. Потом мы с Александрой Борисовной Белоглазовой стали ходить на субботние чтения в читальню в «Липках». Но там я, если и читала стихи, то не свои... Затем был поэтический конкурс, посвящённый Марине Цветаевой (прочитала о нём в «Новой

газете», у Александра Василевича Бурмистрова). Тематика была свободной, я отправила стихи о цирке и заняла четвёртое место.

А.М.: *Вы пишете только стихи, адресованные знаменитым людям или у вас есть и «просто» лирика?*

О.Ж.: Ну, просто «лирики-лирики» у меня, пожалуй, нет. Обычно спрашивают про стихи о любви, о природе, о Родине – но я такие не пишу. Зато есть о разведчиках группы Зорге. Я начала писать о них очень давно, задумала цикл из шести стихотворений, пять появились сразу, а шестое – спустя много времени. А сейчас пошла «самолётная» тема. Есть ещё стихи о разных видах искусства – о балете, живописи, музыке...

А.М.: *Наверное, вы очень начитанный человек?*

О.Ж.: Я стараюсь читать не много, а качественно: из каждой книги брать по максимуму.

А.М.: *А что именно любите?*

О.Ж.: Из поэзии XIX века – Лермонтов, из современной – Вероника Тушнова. Эта поэтесса стала для меня открытием, ведь в школе её не изучают. Из прозы я люблю, как ни странно, Пушкина.

А.М.: *Я тоже – «Барышню-крестьянку», «Дубровского»...*

О.Ж.: Люблю «Пиковую даму». Мне раньше казалось, что это большой роман, и я была удивлена, что это совсем небольшая вещь... Но пушкинская проза очень ёмкая!

А.М.: *Ольга, а в драматургии себя не пробовали?*

О.Ж.: Нет, если не считать сценарии для детских утренников. Когда моя мама Надежда Константиновна, работая в школе, училась на курсах повышения квалификации, ей надо было сдавать экзамены, а в это время у педагогов – аврал: конец учебного года, контрольные, проверки... Она попросила: «Если можешь, напиши». Так и появился сценарий «В гости к друзьям», а для красоты я прицепила открыточку «С 1 Мая!».

А.М.: *Что, по-вашему, для поэта является стимулом?*

О.Ж.: Признание и ощущение, что получается! Меня стали приглашать читать со сцены. До этого я и представить не могла, что буду выступать публично.

А.М.: *Насколько я знаю, вы бываете не только там...*

О.Ж.: Ещё я посещаю «Клуб покровских гениев». Такое ироничное название придумал Александр Васильевич Бурмистров, редактор «Новой газеты» и альманаха «Другой берег». Он собирает авторов этих изданий и тех, с кем ему интересно работать. Концепция «Другого берега» проста: публикуются или энгельские (покровские) авторы, либо те, кто пишет про наш город.

А.М.: *Расскажите немного о своих публикациях в этих изданиях.*

А.М.: В альманахе «Другой берег», в рубрике «Я помню наши встречи», вышла моя статья про Олега Попова, до этого напечатанная в «Саратовских вестях». На публикацию в «Другом берегу» можно рассчитывать, если войти в лонг-лист, в девятку финалистов конкурсов стихов или прозы. Поэтому я собираюсь участвовать в конкурсах «Между нами, покровчанами» (проза) и «Поэзии все возрасты покорны» (соответственно, поэзия).

А.М.: *В каких областных конкурсах вы участвовали в этом году?*

О.Ж.: Например, в конкурсе «Святой Георгий» (он прошёл уже в четвёртый раз). Там требуется либо православная тема, либо патриотическая. Долгое время я считала, что ничего патриотического не напишу... Послала стихотворения про самолёты и «Русский мир»:

*Здесь всё своё – родное, наше,
Здесь русский пир сдвигает чаши,
Здесь наши выгнутые струги,
Шеломы наши и кольчуги.*

*Мечи, зазубренные бранью,
Скрижали с вязью, чернь со сканью,
Здесь наши взлёты и провалы,
Непрядвы наши и Каялы.*

*Озёра наши и дубравы.
Здесь в небе – солнце русской славы,
Свет дионисийского лика,
Здесь песня русская до крика.*

*Здесь наша вера в наше чудо,
Здесь всё без меры – труд и удаль,
Здесь наша боль и наша сила,
Что нас спасала и косила,*

*И хоронила, и венчала.
Здесь – чувства русского начало,
Здесь русский след в дороге дольней,
Здесь русский крест над колокольней.*

*Последний вздох из уст уставших,
Здесь русский плач о русских павших
В кровавых битвах тех и этих.
Здесь русский гений – в русских детях.*

*Здесь русский дом, и здесь мы сами
С живыми, русскими сердцами,
Волной омытыми от пыли,
Какими мы себя забыли.*

Вы, наверное, удивитесь, но это стихотворение посвящено тоже братьям Запашным.

А. М.: *И правда неожиданно!*

О. Ж.: Не помню, в каком году у них была идея поставить спектакль «Садко». Это должно было стать масштабным зрелищем в «Лужниках». В то время и родилось стихотворение, одной частью которого стал «Садко», а другой – «Русский мир». Потом я их разделила.

А. М.: ...Одно – Аскольду, другое – Эдгарду?

О. Ж. (смеётся): Возможно.

А. М.: *Вам близка славянская идея?*

О. Ж.: Не то чтобы я много думала на эту тему... Но мне, конечно, обидно, что мы свою культуру недостаточно бережём, недостаточно защищаем. Если посмотреть вокруг – нам досталось такое богатство! А как мы им распоряжаемся – не делает нам чести.

А. М.: *А вы – русский человек? Коренной житель Энгельса?*

О. Ж.: Русский. Но ведь коренной – это лишь в третьем поколении... Бабушка у меня из Саратова, а далёкие предки – из села Чардым. Это сара-

товская семья, но с различными «вкраплениями». «Предки» были детьми привезены в Саратов. Прадедушка менял виды деятельности, не останавливался на одной профессии. А прабабушка сразу нашла своё призвание: она стала белошвейкой. Самым большим её богатством была машинка «Зингер». В девятнадцатом году (т.е. век назад) в Саратове был страшный пожар, и сгорел весь квартал, в том числе и их дом. Так получилось, что это был погожий день, конец недели, и все мужчины, включая мальчиков, ушли на рыбалку. А прабабушка с маленькими детьми, Сашей и Таней, осталась. Она была благодарна солдатам из воинской части, которые помогали справиться с пожаром. Бабушке удалось спасти узел с вещами, но машинка пропала... У меня был замечательный дедушка – с Украины, из Донецкой области. Его фамилия была Пехотин.

А.М.: *Солдатская фамилия!*

О.Ж.: Не уверена. Возможно, иронично говорили: «Ну, вон пехота идёт...» Эта фамилия распространена в Донецкой области, приходилось встречать однофамильцев... Так вот, мой дед Константин Никифорович Пехотин был убеждённый коммунист. Считал, что должен идти туда, куда Родина прикажет. Очень хотел служить на передовой. Он родился в 1910-м году, на гражданскую войну уже не попал... Зато пошли всякие комсомольские стройки – и в Саратове, и по всей стране. Дед завербовался на Дальний Восток. И бабушка тоже – ей было лет четырнадцать, она была ученицей токаря. Поехали на разных поездах, но случайно оба отстали от этих поездов... Так и познакомились, и дальше поехали уже вместе. Собирались остаться жить там, дом построили... Но дедушке здоровье не позволило жить в том климате, и им пришлось уехать. Именно там, в посёлке Чильчикан Охотского района, родились моя мама и её сёстры. Дедушка строил рыбозаводы. У нас хранится газета «Охото-эвенкская правда», где опубликована статья про Константина Пехотина – «Неутомимый новатор». Ну, а мама Надежда Константиновна окончила филфак Саратовского университета.

А.М.: *Это она повлияла на ваше творчество?*

О.Ж.: Она на все мои успехи повлияла! Всё это заслуга мамы. И то, что я в школе была круглой отличницей. Медаль, правда, вышла серебряной – с «четвёркой» по алгебре...

А.М.: *Может быть, она тоже стихи пишет?*

О.Ж.: Не сочиняет, но очень любит поэзию. У неё в университетских тетрадях сначала, как полагается, лекции, а потом – Эдуард Асадов, Вероника Тушнова, Василий Фёдоров... К настоящему моменту я поняла, что все стихи из маминых тетрадей я могу читать наизусть.

А.М.: *Ну, и какое-нибудь стихотворение напоследок.*

О.Ж.: Наверное, вот это подойдёт:

СТИХИ ПОД ЁЛКУ

*Как манит сильнее ладана
Предпраздника аромат,
Как всё в этот час негаданно,
Как тысячу лет назад!*

*Как пахнут на кухне пряники!
Как щедро вишнёв пирог!
Как в дедовом подстаканнике
Пузырится кипяток!*

*Зайчата висят да гномики
На сучьях еловых лап,
А из-за окна, во дворике –
Улыбчивость снежных баб...*

*Как в бренности упоительной
Проносится карнавал,
Как песенкой поздравительной
Встречает бокал бокал!*

*Сидеть бы сейчас под ёлочкой,
Беспечностью согреша...
Забывтой в лесу Дюймовочкой
Себя оцутит душа,*

*Под лапой еловой спрячется
В предчувствии волшебства,
Когда ни о чём не плачется,
Не складываются слова.*

*Стеклянная, не алмазная,
Как нить новогодних бус.
Святая, пустая... разная!..
Знакомая с мезью муз.*

*Не скованная причинами,
Не сманенная игрой,
Пропахшая мандаринами,
Повитая мишурой...*

Саратов – Энгельс, июнь 2019 г.

Ольга
Жогло

СКАЗКИ О ХУДОЖНИКАХ

СКАЗКА О ХУДОЖНИКЕ И ВОЗВРАЩЁННОЙ СОВЕСТИ (НИКОЛАЙ ГЁ)

Художник Николай Гё работал в своей мастерской. Он заканчивал трудную картину. На картине были яркие краски, точные линии, люди на ней получились выразительными, все они были расставлены в красивых положениях, их богатая одежда струилась глубокими складками.

Мог бы тут художник и порадоваться, что всё у него так хорошо выходит. Но не был доволен Гё. Знал он: посмотрят люди на эту картину – будут хвалить, удивляться, прославлять, но отойдут и скоро забудут. Никто такую картину после не вспомнит. А самому Гё хотелось писать картины, которые бы не забывались и всегда людям нужными были. Видел художник: не хватает чего-то картине. А чего – этого он и сам не знал.

Вот стоял так художник перед своей работой, вдруг слышит шорох какой-то за спиной. Будто вошёл к нему кто-то негромкий. Оглянулся Гё: стоит на пороге мастерской Совесть.

И такая уж она замученная да несчастная, в лохмотья одета, на спине горб, хромотает на обе ноги, шатается, чтоб не упасть, на палку суковатую опираться должна. Посмотришь на неё – сердце от жалости сожмётся.

– Здравствуй, добрый человек! Пустишь ли ты меня, сироту убогую? – голос у пришельцы слабый, чуть слышный.

Отозвался Гё:

– Заходи, заходи, бедняжка! Я хорошим гостям всегда рад.

Прошла Совесть в мастерскую, потопталась кругом нерешительно, по стенам на картины развешанные поглазела да и осталась перед незаконченной работой.

-
- Ольга Васильевна Жогло родилась в 1975 году в городе Энгельсе Саратовской области. Училась на филологическом факультете СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Пишет стихи, сказки, сценарии, очерки. Автор сборника «Сказки о храбрых витязях, славных богатырях Эдгарде и Аскольде» (2008). Лауреат 1-го Всероссийского конкурса инновационных идей в сфере циркового искусства (Москва, 2010). Победитель городского литературного конкурса «Поэзии все возрасты покорны» (Энгельс, 2013), XI молодежного литературного конкурса памяти братьев Шнитке (2-е место в номинации «Поэзия»). С 2012 года – ведущая литературно-музыкальной гостиной «Кумиры прошлых лет» в Саратовской областной библиотеке для детей и юношества имени А.С. Пушкина. С 2014 года – сотрудница Музея Саратовского цирка. Живёт в г. Энгельс.

- Чем же занят ты, сударик?
- Вот, картину новую заканчиваю.
- Как назовёшь?
- «Саул у Аэндорской волшебницы».
- О чём это? – спросила Совесть.

– О царе Сауле. Как пришёл он в пещеру к волшебнице и попросил её вызвать тень пророка Самуила. Пророки – это люди необыкновенные, которые будущее видеть умеют. И любого человека, и даже целого народа. Самуил к тому времени уже умер. Но царю Саулу во что бы то ни стало хотелось знать, что его в жизни ждёт. И он попросил у волшебницы чуда – встречи с тенью мёртвого Самуила. Исполнила волшебница просьбу. Явилась во мрачной пещере прозрачная тень. И так суров и грозен показался Самуил, что Саул и его спутники отшатнулись в страхе. Открыл царю будущее пророк. Рассказал, что суждено Саулу проиграть великую битву и потерять своё царство. Я здесь хотел показать, как сразила эта весть Саула, и упал он на землю в бессильном ужасе.

– Что ж, неплохо у тебя получилось... – вежливо похвалила Совесть, но похвалила как-то неуверенно.

И догадался Гё, что и Совести картина не слишком понравилась. Стал он жаловаться:

– Сам вижу, что не выходит у меня как надо. И что за причина, понять не могу! Не хватает моим картинам чего-то. А уж сколько я учился, как старался! Всё равно не удаётся мне пока написать картину, которая была бы нужна людям, волновала, тревожила.

Вздыхнула Совесть:

– Эх, голубчик, мне бы твои заботы! Не получается сегодня – получится завтра. Твои годы молодые, многое у тебя ещё впереди. Вот у меня беда так беда. Забыли меня люди. Все отовсюду гонят, никто приюта не даёт, негде мне, одинокой, голову приклонить. О другом теперь думают: как бы жизнь свою устроить побогаче да поприятнее. Сам посуди, до меня ли им тут?

– Да, горемычная, плохи твои дела, – посочувствовал художник. А Совесть продолжала:

– Начала уж я подумывать, не оставить ли мне землю насовсем?

– Что ты, что ты! – испугался Гё. – Без тебя-то люди людьми быть перестанут! Ты не горюй, не убивайся, – попробовал он утешить гостью, – может быть, всё ещё уладится...

Совесть не унимается:

– Нет, уйду! Совсем уйду от людей, если они обо мне вспоминать не хотят!

Сказала так Совесть, повернулась, палкой своей по полу застучала и к дверям направилась.

Видит художник, дело плохо. Того гляди останутся люди без Совести. А чем её удержишь, как отговоришь? Собрался он с силами, сказал прямо и честно:

– Постой, послушай, Совесть! Не торопись уйти, потерпи ещё немного. Я даю слово сделать так, что люди о тебе вспомнят!

Остановилась Совесть, оглянулась удивлённо.

– А ты разве можешь?

– Мы, художники, многое можем...

Согласилась Совесть подождать, обещала зайти как-нибудь ещё, посмотреть, как художник своё слово сдержит, распрощалась и вышла прочь. Но

заметил Гё, сомневается Совесть, что сможет он ей помочь, недоверчиво головой покачала.

Остался художник один. Задумался. Обещание-то он дал, а вот как его выполнить? Тут нельзя оплошать. Самое же главное – какие истории должны рассказывать картины, чтобы люди, на них глядя, Совесть вспоминали?

Долго и трудно искал эти истории художник. Много книг он прочёл, со многими умными людьми разговаривал, много пережил, много передумал.

Наконец настал такой час – нашёл Гё подходящую историю. Назвал он её «Тайная вечеря» и взял из Библии – священной книги христиан. Рассказывает книга о жизни христианского Бога – Иисуса Христа. Как ходил он по земле, принося людям свет правды и надежды. Было у Иисуса двенадцать учеников. Он объяснял им своё учение, всех их любил одинаково, всем одинаково доверял. Но не все ученики были одинаково верными Учителю. Нашёлся среди них предатель. Звали его Иудой. За тридцать серебряных монет выдал он Иисуса врагам на неизбежную мучительную смерть. Выдал тайно, скрытно, чтобы никто не догадался. Только знал Иисус о поступке Иуды. Во время вечера – вечернего застолья – указал на него другим ученикам как на предателя. Нечего было ответить Иуде – тут же оделся он и вышел из дома.

Перенёс эту историю художник в свою картину, показал всем, как тяжело преступление того, кто предал своего Учителя, пошёл против Совести. Смотрят люди – о Совести вспоминают.

А другую историю взял Николай Гё из славного и трудного прошлого России. Рассказал он о царе Петре Первом. Сильный был царь, могучий, славный. Не только для себя – для всей России сумел славу добыть. Но бывал и крутым, суровым, жестоким. Не все соглашались с ним. Его противники хотели видеть своим царём единственного сына Петра – царевича Алексея Петровича. Но не удалось Алексею стать царём. Догадался Пётр о заговоре, схватил сына, посадил в крепость и приговорил к смерти. На картине ведёт Пётр последний допрос царевича.

Толпятся у картины люди, шепчутся:

– Не по Совести поступил Алексей – против отца пошёл!

– Да и Пётр не во всём прав. Сына родного к смерти присудить – по Совести ли это?

Опять у картины Гё про Совесть говорят.

В другой раз вновь обратился художник к Библии. «Что есть истина?» картина называлась. Стоит Иисус перед главным своим противником – перед Понтием Пилатом, осудившим его на смертную казнь. Сразу видно, какие разные эти два человека. Один – худой, измождённый, угрюмый. Долго его гнали, мучили, издевались. Другой – плотный, ухоженный, довольный собой. «Что есть истина?» – спрашивают у себя зрители и понимают: не может быть правда с тем, кто стоит – бессердечный, безжалостный – перед заму-ченным, несчастным человеком. Совести нет у такого! Вновь у картины Гё о Совести речь!

Много ещё картин написал Николай Гё: другие истории из Библии, портреты знаменитых русских писателей: Льва Толстого, Михаила Салтыкова-Щедрина, Александра Герцена, но про своё обещание, данное Совести, при этом никогда не забывал.

И – странное дело! – с той самой встречи в мастерской перестало художнику казаться, что картинам его чего-то недостаёт. Хоть и люди на этих картинах были уже не всегда так красивы, одежды на них не так богаты, а кра-

ски не так ярки, как раньше. Пусть не такими нарядными стали картины, но всем они нужны, любого задуматься заставят.

Вновь работал художник в мастерской. Послышался ему снова шорох знакомый, и увидел Гё опять перед собой Совесть.

Только не похожа Совесть на прежнюю горемыку. Лицо светлое, радостное, глаза так и сияют, вся будто выпрямилась и похорошела, одежды на ней нарядные, праздничные. Стоит среди мастерской красавица писаная.

– Ну, здравствуй, художник! Видишь, сдержала я своё слово, снова тебя навестила, – услышал Гё звонкий голос.

– Здравствуй! Я тоже про своё обещание всегда помнил. Только сомневался я, удалось ли мне людям о тебе рассказать?

– Не мучь себя напрасно! За твою работу да за твоё ко мне усердие должна я тебя благодарить сердечно. Больше стало на земле людей совестливых, чаще обо мне вспоминают, не придётся мне теперь от людей уходить. Конечно, в том не только твоя заслуга, но знай, и твои картины тут много помогли. Прощай! Счастья тебе, добрый человек, великий мудрец и бессмертный мастер!

СКАЗКА О ХУДОЖНИКЕ И ГОВОРЯЩИХ КРАСКАХ (ОРЕСТ КИПРЕНСКИЙ)

В городе Петербурге на реке Неве стоит большое красивое здание. Называется оно Академией художеств. Со всей России собирали туда способных мальчиков – будущих художников, скульпторов, архитекторов. Чтобы стали они мастерами первейшими, учили их красоте совершенной. А считалось, что красота эта самая только в богах, богинях, героях римских да греческих заметна. Потому-то и заставляли воспитанников знать их всех по именам и по целым дням делать с них копии – к себе в альбомы перерисовывать. И по стенам в Академии везде рисунки и картины в рамках висели с этими богами: и в классах, и даже в коридорах, где мальчишки играли и шалили, чтобы и на переменах глядели ученики на богов и учились.

Вот как-то раз показал учитель детям картину, где женщина была нарисована. Красивая, статная, в длинных развевающихся одеждах, золотистые волосы змейками выются, глаза смотрят серьёзно, но ласково. Объясняет учитель:

– Это Муза. Считалась она у древних греков помощницей, наставницей и защитницей всех художников, музыкантов и поэтов. Всех, кто своим талантом искусству служит.

Закончился урок. Ушёл учитель и картину с Музой с собой унёс. Выбежали ученики из душного класса да напрямик во двор – на волю, на простор. Завели игры и забавы разные, завозились, зашумели.

Только один мальчик за всеми не побежал. Звали его Орест Кипренский. Остался он один в большом сумрачном коридоре. Из конца в конец ходит, всё думает: «Если правда, что эта Муза художникам помогает, то она и мне помочь должна. Я ведь в Академии скоро художником стану!»

Только он так успел подумать, глядь: мелькнули из темноты белые одежды, и очутилась перед Орестом женщина. Посмотрел на неё мальчик и видит, что незваная-то гостья точь-в-точь Муза с картины: и красотой, и статью, и волосом волнистым, и взглядом серьёзным да ласковым. Только не похожа она на обычных людей – такая вся прозрачная, невесомая, словно воздушная.

Орест даже оробел.

– Ой, кто вы, тётенька?

– Не бойся, Орест. Я – твоя Муза. Ты обо мне подумал, вот и пришла я тебя навестить.

Осмелел Орест, поклонился вежливо, поздоровался. А Муза уже его спрашивает:

– Ну, рассказывай, весело ли тебе живётся в Академии?

Признался мальчик:

– Не слишком-то весело. Других учеников родители навещают, домой на каникулы берут. А обо мне никто не вспомнит. Всё один да один.

– Да, – согласилась Муза, – невесёлые дела... Что ж, я не так сильна, чтобы дать тебе других родителей. Но если хочешь, подарю я тебе в утешение свой подарок.

Повела она тонкой рукой и откуда-то из-под лёгких одежд достала коробку.

– Здесь у меня говорящие краски. Нарисуешь кого-нибудь этими красками – посмотрят на картину люди и услышат голос того, кто нарисован. Если захочешь, сейчас эти краски твоими станут. Только есть одно условие: до тех пор будут твои краски говорить, пока сам ты останешься одиноким и не будет у тебя ни друзей, ни семьи. А стоит лишь тебе найти близкого, родного человека, потеряют свою силу краски. Это ты хорошенько запомни! Ну как, согласен владеть моим подарком?

Замешкался Орест. А боги, богини и герои, что по стенам развешаны, стали мальчику шёпотом из своих рамок подсказывать:

– Соглашайся! Соглашайся! Редко человеку такие подарки даются!

Согласился Орест. Был он ещё мальчиком и не знал, каково весь век одиноким остаться. Вручила ему Муза коробку и тут же исчезла, словно её и не было.

Оглянулся мальчик по сторонам – на богов, на богинь, на героев, что ему советы давали. Молчат боги. На своих местах застыли – ни один не шелохнётся. Кто стоит, кто сидит, а кто и лежит в рамке по-прежнему, словно всем своим видом показывают: «С чего бы это нам, богам, суетиться? Мы – народ важный, солидный».

«Уж не показалось ли мне всё это?» – подумал Орест. Да тут видит: в руках у него коробка с красками. Краски как краски, обыкновенные, и раньше он такими же работал. Что в них может быть волшебного?

Стал Кипренский этими красками картины писать. Одну закончил, за другую принялся, там и за третью берётся. Развесил он свои картины на стенах. Стали приходить люди. Смотрят они на работы художника, удивляются, ахают. То тут, то там только и слышно:

– Это невозможно! Это необыкновенно! Когда я смотрю на эти картины, я просто слышу живые голоса! В чём же тут секрет?

А художник стоит себе в сторонке да про себя Музу добрым словом вспоминает. И поначалу-то всё шло хорошо. Все художника хвалят, говорят слова приятные, весело ему такое о себе слышать.

Только вдруг напала на Кипренского тоска. И что за причина – понять нельзя. Всё у художника получается, всё ему удаётся. Много у Кипренского приятелей, а знакомых и того больше, толпы читателей за ним повсюду ходят. А не отстает тоска. Только злее, сильнее становится.

Всё хочется Кипренскому видеть рядом с собой человека близкого, любимого. Но лишь подумает он об этом, чудится ему голос за спиной, будто зовёт его Муза, остерегает:

– Хорошенько запомни! Хорошенько!

Обернётся Кипренский – нет никого возле. Вспомнит он тут о тайне говорящих красок – и жалко ему сделается без такого чуда остаться.

С той поры не знал уже художник покоя. Пробовал он тоску работой прогнать. Принимался за картины новые, сложные, целые дни в трудах проводил, лениться себе не давал. Нет, не уходит тоска, не отступает. Хотел было Кипренский весельем да забавой тоску отвадить. На балах, на праздниках отличался, танцевал чаще других, а смеялся громче – здесь, здесь тоска! Ничем от неё не отделаться.

И всё тот же голос ему везде слышится:

– Хорошенько запомни! Хорошенько!

Думал Кипренский тоску развеять, побывал в чужих странах – и тоска за ним потащилась. Вернулся он на Родину – тоска тут как тут, его поджидает.

И звучит в ушах голос далёкий, незабываемый:

– Запомни! Запомни! Запомни!

Совсем неумоготу стало художнику. Задумал он Музу обхитрить. Решил уехать далеко-далеко, в страну Италию, там найти себе невесту и зажить семейно. Чудилось Кипренскому: в чужом краю не найдёт его условие Музы, не потеряют свою чудесную силу говорящие краски.

Как решил, так и сделал. В стране нездешней женился Кипренский на итальянке Мариучче. Появилась у художника семья.

Но не удалось ему обмануть Музу. Много картин написал Кипренский в Италии, умелыми были эти картины, нарядными. Только навсегда замолчали говорящие краски, перестали они с людьми беседовать.

Понял это и сам художник. Хоть и не был он теперь одиноким, а тоска к нему пришла хуже прежней. Недолго он и прожил после этого – заболел и умер вскорости.

Но до сих пор, когда люди говорят о великом художнике Оресте Кипренском, вспоминают те его картины, что написаны говорящими красками щедрой Музы.

СКАЗКА О ХУДОЖНИКЕ И НАЙДЕННОЙ ПРАВДЕ (ИВАН КРАМСКОЙ)

В Академии художеств переполох. Учился там студент Иван Крамской. Все годы учёбы был он первым учеником. Его одного больше всех хвалили. Его рисунками все восхищались. Все находили у него талант необыкновенный. Все о Крамском с уважением говорили. А иные даже с завистью.

– Зря, зря Крамского хвалили. Неумён он. Сам от своего счастья отказывается. Удача к нему в руки плывёт, а он от неё нос воротит!

А случилось вот что. Было в те времена правило: лучшим ученикам, которые Академию оканчивали, задавали написать картину. О чём будет картина – это академические учителя решают. Обычно задают про древних богов, царей, королей и героев.

Напишут студенты картины – устроят в Академии конкурс, выберут самого лучшего молодого художника. Получит он в награду Большую золотую медаль и заграничное путешествие.

Считалось, нет большего счастья для художника. За границей посмотрит он Италию – столицей искусства её тогда называли. Увидит картины мастеров великих, сам по ним учиться сможет. Подивится природе роскошной. Узнает людей весёлых. А потом с новыми силами домой вернётся – и дома

не забудет его Академия, будет ему помогать, о нём заботиться, без куска хлеба не оставит. Вот что значит золотая медаль! Без неё художнику жить трудно – бедно, голодно, страшно.

Завидовали товарищи Крамскому. Ему-то ничего не стоит медаль получить – талант у него великий!

А тут – такой случай непонятный. Собрали лучших студентов у главного академического начальника, рассказали, о чём они картины свои писать должны, а молодые-то художники отказались! Не хотим, – говорят, – по вашему писать! И выяснилось скоро, что затею эту Крамской придумал. В Академии к его словам многие прислушались, вот и пошли за ним товарищи.

Испугалось начальство: что ж это выйдет, если студенты слушаться перестанут? И догадалось: нужно только Крамского подчиниться заставить, а другие, на него глядя, сами подчинятся.

Начали Крамского уговаривать:

– Вы такой способный молодой человек. Не губите понапрасну свой талант. Без Академии прожить невозможно. Что вам стоит написать одну эту последнюю картину так, как вас просят? Зато уж потом станете свободным человеком, никто вам приказывать не сможет, будете писать картины, как хотите.

Горячится Крамской:

– Нет Правды у вас в Академии! В ваших картинах только боги, которых никто не видел, короли, которых никто не помнит, да герои, которых не было на самом деле. Все они придуманные, ненастоящие, таких в жизни не бывает. Вы и нас хотите заставить писать об этом. А я Правду найти хочу!

Отказались Крамской и художники от Большой золотой медали в Академии. Отказалась Академия от художников – живите, как знаете! Собрались они вместе – получилась Артель. Поселились все в одном доме, только каждый в своей комнате. Вместе работают, вместе отдыхают, вместе за стол садятся. Жена Крамского, Софья Николаевна, на всех обеды стряпает. Ничего живут, не жалуются. Дружно, честно, трудолюбиво. Правда, богатства в Артели не водилось, ну да художники – народ небалованный, пирожком сыты бывают.

Чтобы на хлеб себе заработать, пишут артельщики картины по заказам. И Крамской от других не отстаёт. Помнит он, что из-за него товарищи Академию оставили, ему за всех и ответ держать.

Только и задумку свою не забывал – чтобы Правду как-нибудь найти. День за днём только о ней и думает, за что ни примется – всё её перед собой видит как живую.

Вот как-то работал он один. Вдруг слышит: вошёл кто-то в мастерскую. Оглянулся – и даже сердце замерло: стоит перед ним Правда. Крамской её сразу узнал – сколько раз во сне её видел!

Говорит ему Правда:

– Ну, здравствуй, художник! Слышала я, что давно ты меня искал. Что ж, вот и встретились. Сказывай, зачем я тебе понадобилась?

Художник от радости даже растерялся. Не знает, как и принять получше, на какое место гостью дорогию посадить.

– Любезная Правда! Как я о тебе мечтал – рассказать невозможно! Сделай милость, останься со мной навсегда. Простора здесь хоть и немного, но вдвоём как-нибудь разместимся. Всё, что сам имею, сейчас готов тебе уступить. Только не покидай! Обещаю, что всегда беречь тебя буду, защищать от людей лукавых, никогда я от тебя не отступлюсь!

Задумалась Правда. Помолчала. Нечасто встречала она такое к себе усердие. Но художнику отвечала:

– Не могу я у тебя остаться. Не ты один меня об этом просишь. За что же мне других обижать?

Расстроился Крамской. Видит, не исполнится его заветная мечта.

Заметила это Правда и утешает:

– Не горюю. Совсем я тебя не забуду. Хоть изредка, а показываться буду. Только не обессудь: где и когда появлюсь, заранее не скажу. С первого взгляда меня не заметишь. Буду я от тебя словно прятаться. Ты не сердись, обычай у меня такой. И не с одним тобой – я со всеми так поступаю. Сумеешь ты меня найти – твоё счастье, нет – не моя в том вина. А теперь простимся, художник! Пора нам расстаться. Ну, гляди веселей, может, ещё и встретимся!

Сказала – так и тут же из глаз пропала. С той поры потерял Крамской покой. Везде и всюду одна у него забота – Правду по свету отыскивать. Чтобы с ней не разминуться, учится он упорно, работает без устали. Ни бедности, ни трудностей, ни злобы чужой – ничего не замечает.

А Правда прячется искусно, найти её трудно.

Вот золотистым светом притаилась она в волосах молодой девушки с распущенной косой. Разглядел её художник, сохранил в своей картине. Сидит на портрете девушка, голову назад откинула, задумалась о чём-то давнем, далёком.

А Правда уже в букете флоксов укрылась. Стоит в синей вазе свежий букет, дышат утренней чистотой яркие цветы, пахнут они душистым летним садом. Тронула Правда нежные лепестки, затерялась в зелёных листочках, заиграла солнечными пятнами на хрупком стекле. Нашёл её художник. Опять не удалось Правде от него спрятаться.

Тогда бросилась Правда в пустыню. Ничего вокруг неё, только вдали розовеет рассвет, только серые камни угрюмо молчат. Видит: сидит одинокий человек. Голову опустил, ссутулился, ничего вокруг себя не замечает. Метнулась Правда туда-сюда, ищет, где бы ей здесь от Крамского затаиться? Спряталась в руках сидящего человека, худых, напряжённых. Крепко задумался человек – крепко сжаты его руки. Но и тут не удалось Правде остаться незамеченной. Отыскал её Крамской, всем показал в своей картине.

Оставила Правда пустыню и пошла по дороге прочь. Шла мимо сёл, деревень и полей. Встретился ей крестьянин. Обрадовалась Правда, обернулась морщинками частыми на его лице. Много морщинок у старика-крестьянина с уздечкой в руках. Долгую и трудную жизнь прожил он. Оставили свои следы прошедшие годы, пережитые несчастья и заботы. Разглядел Крамской Правду! Кинулась она от художника новое укрытие искать.

Попала Правда в город, на большую улицу. Присмотрелась: стоит у тротуара коляска – открытая дорожная карета. Сидит в коляске молодая женщина. Красивая, строгая. Вскочила Правда к ней в коляску, заструилась тёмно-синей лентой вдоль пальто, меховым, пушистым воротником прижалась к мягкой щеке, нежной шейке, ярким румянцем украсила смуглое лицо и затихла под полями маленькой чёрненькой шапочки с белым пером. Хорошо ей там! Думает Правда про себя: «Теперь-то уж художнику ни за что меня не найти!» И ошиблась! Вновь Крамской её заметил.

Выскочила Правда из чужой коляски, побежала по незнакомым улицам. Смотрит со сторонам: можно ли тут где-то спрятаться? В один, в другой дом толкнулась – на замках двери, не войти. Вдруг одна дверь скрипнула и открылась – видно, не заперта была. Правде того и надо – шмыг в дом и вверх по крутой лестнице. Распахнула дверь какой-то комнаты, а навстречу ей –

женщина. Вся в слезах, платочек к лицу прижимает. Неутешное горе у этой несчастной: умер у неё маленький сын. Не растерялась Правда – зашуршала в цветах бумажных, чуть коснулась печального, скорбного лба, серебряными нитями ранней седины запуталась в тёмных волосах. Может быть, тут она от художника скроется? Нет, и здесь не удалось.

Видит Правда, нигде ей от Крамского не укрыться. Вновь пришла она в мастерскую художника.

– Ты – великий мастер. Вижу я, что всегда ты обо мне думал, одну лишь меня искал и везде найти умел. Никогда прежде я такого не знала. Стыдно мне, что я от тебя пряталась, и не хочу я больше от тебя скрываться.

Сказала так Правда и навсегда у Крамского осталась.

СКАЗКА О ХУДОЖНИКЕ И ПОСРАМЛЁННОЙ СМЕРТИ (ФЁДОР ВАСИЛЬЕВ)

Жила-была Смерть. Костлявая, беззубая, страшная. Очень уж она на людей была сердита. Всех бы со свету сжила, всех в могилу бы свела. Вот раз невзлюбила она художника Фёдора Васильева.

Как-то раз пришла к нему Смерть незвано-непрощено. Сидит Васильев в своей крошечной, скромной комнатке за новой картиной. Глаза у него лучистые, серые, с огоньком. Сам молодой, высокий, красивый. Легко ему работается, задорно.

Смерть и говорит:

– Здравствуй, художник! Давно уже я на тебя смотрю, и сильно ты мне не нравишься!

– Что ж, – улыбается Васильев, – насильно мил не будешь. Я к тебе в друзья не напрашиваюсь. Не желаешь у меня погостить, так иди своей дорогой.

– Тут вот какое дело. Хочу я тебя со свету сжить!

– Где уж тебе! – засмеялся художник. – Посмотри на меня – я ведь молод, здоров и крепок. Куда тебе, беззубой, такого одолеть?

– Плохо ты меня знаешь. И не таких богатырей мне скручивать случалось. И не таких здоровяков я на тот свет отправляла. Стоит лишь мне за дело взяться – ни сила, ни молодость тебя не спасут.

– Ой, не пугай, безногая! Я ведь не простой человек – я художник. В случае чего смогу я откупиться от тебя своим искусством.

– Что же ты в своих картинах показать можешь?

– Всё могу. Всё, что хочешь, нарисую – попроси только.

Любопытно стало Смерти, правду ли художник говорит или бахвалится. Решила она его испытать.

– Давай с тобой уговоримся. Попрошу я тебя нарисовать что-то. Сумеешь – так и быть, не стану я тебя губить, а нет – пеняй на себя! Изведу, уморю, не помилую!

– Будь по-твоему! – согласился Васильев. – Говори, что мне рисовать?

Задумалась Смерть. Что бы такого попросить, чтобы художник с задачей не справился? И говорит:

– Пусть в следующий раз к моему приходу будет у тебя на картине тепло весеннего солнца!

Оставила Смерть Васильева, а сама на себя не нарадуется: «Ну и придумала я ему работёнку! Тепло весеннее нарисовать! А как нарисуешь, если его

ни увидеть, ни в руки взять нельзя? Пропал теперь художник! Никогда ему моей просьбы не выполнить!»

Настал срок, опять притащилась к Васильеву Смерть. Видит, сидит художник за картиной как ни в чём не бывало, кисть из рук не выпускает и свистит что-то, как птица небесная – весело ему. Только похудел он с прошлой их встречи, лицом побледнел, улыбка печальнее стала.

Говорит ему Смерть:

– Ну, здравствуй, художник! Как здоровье?

Болен уже Васильев, а перед Смертью бодрится, крепится:

– Спасибо на добром слове. Живу не жалуясь!

– Готова ли работа?

– Как не готова! Вот – гляди!

Глянула Смерть на картину – и даже языка лишилась! Перед ней разбитая дорога, ещё по-зимнему голые кусты, одинокий пешеход ведёт ребёнка мимо маленькой тёмной избушки, засыпанной снегом. Облака тянутся понизу, почти задевая землю. Солнце ещё не встало. Снег ещё лежит повсюду. Ещё так далеко до яркого, щедрого света, зелёной шумливой листвы, веселья и радости вешних дней. Медленно просыпается мартовский день после долгой ночи. Медленно просыпается природа после долгого зимнего сна. Но посмотришь на эту картину – сразу почувствуешь, как становится теплее. Идёт от неё весеннее тепло, и от того тепла подтаивает и темнеет снег, оседают сугробы, пробуждается и дышит земля. Нет здесь ничего нарядного, радостного. Только по всему заметно: и сюда заглянет в скором времени ласковая, добрая весна. «Оттепель» называется картина. Но не только про оттепель – она про надежду на далёкую, но обязательную радость, про любовь к знакому, близкому уголку родной природы.

Стоит Смерть перед картиной, а Васильев уже над нею подсмеивается:

– Что, угодила я тебе? Есть на картине тепло весеннего солнца?

– Правда твоя. Есть, есть тепло. Не трону я тебя на этот раз. Но теперь задам задачу потруднее прежней: сделай так, чтобы было на твоей картине эхо отгремевшего грома. Сделаешь – оставлю тебя с живыми, не сделаешь – не жить тебе на свете!

Сказала так и ушла. А сама уж заранее радуется: «Ох, и задала я ему задачку! Эхо в картине нарисовать! Недаром же о нём сказано: «Хоть со всеми говорит, а его не видно». Где тут художнику справиться! Попался теперь, голубчик, от меня тебе не уйти!»

Пришло время, снова Смерть перед Васильевым появилась. Совсем изменился художник: щёки впали, глаза ввалились. Но работы не бросил по-прежнему и невзгодам на милость не сдался. Сидит у картины да знает себе песенки напевает. Увидела Смерть его весёлым – даже позеленела со злости.

– Здравствуй, художник! Как твоё здоровье ныне? Не приключилась ли хворь какая?

Не хочет Васильев ей жаловаться:

– Спасибо, – говорит. – Болезни только ленивых донимают. А мне хворать некогда – занят очень. Вот, смотри, твой заказ сейчас окончил. Узнаёшь?

Увидела Смерть новую картину – так и замерла. Разлился по комнате запах мокрой травы, запах свежести. Заметен каждый камешек на земле, блестя от влаги каждая травинка. Бегут по неяркому небу облака. Солнечный луч изредка пробегает по луговому ковру и снова прячется в тучах. Гроза только-только прошла, уже далеко в стороне остались косые нити дождя и грозный грохот грома. Но хранит природа память о промчавшемся ненастье, и в наступившей звенящей тишине слышно для чуткого слуха глу-

хое, далёкое, рокошущее эхо. Названа картина «Мокрый луг», но не только об этом она. Она о том, что всегда рядом печаль и радость, ни одна от другой отстать не хочет, как тень и свет после бурной грозы.

Смотрит Васильев, как Смерть от картины глаз отвести не может, и спрашивает:

– Что, увидела ли ты теперь эхо?

Пришлось согласиться костлявой:

– Хитёр ты. Только меня тебе не обойти. В следующий раз пусть будет на твоей картине печаль богатого края. Справишься – оставлю я тебя на время, если же нет – не видать тебе уж больше света белого!

Расстались Смерть и художник. Смерть уж и руки потирает: «Вот и конец пришёл Васильеву! С новой-то моей задачкой и никто не справится! Какая печаль может быть в богатом краю? На то он и богатый, чтобы в нём только веселье, удача, довольство и счастье! Не ходит уж Васильеву по земле да надо мной, старушкой несчастенькой, не насмеяться!» Еле дождалась того дня, как опять ей к художнику идти.

Наконец вновь в знакомой маленькой комнате очутилась. Сидит перед ней Васильев на прежнем своём месте, а его и узнать трудно: кашель его беспощадно трясёт, сам весь шатается, едва его ноги держать могут. Нет уже сил у художника засмеяться, а и уныния тоже в нём нет. Знай себе работает, словно не замечая нездоровья, только кисточка над картиной летает, лёгонькая, как пёрышко жар-птицы. Глядит Смерть на такое дело – от злости зубами скрипит.

Говорит она Васильеву:

– Вижу, вижу, художник, совсем ты плох стал. Непонятно, в чём душа ещё держится. Верно, и работу для меня не закончил?

Посмотрел на неё Васильев, собрал последние силы, улыбнулся задорно:

– Ошибаешься! Я помирать пока не собираюсь. А работа для тебя – тут она, давно тебя дожидается!

Глянула Смерть на картину, что Васильев ей показал, так и застыла как вкопанная. Оказался перед ней скромный уголок Крыма.

Крым – страна южная, тёплая, богатая. Природа там роскошная, волшебная. Растут в Крыму деревья диковинные, качаются травы невиданные, цветут цветы небывалые. Часто попадала крымская природа в картины и стихи. И у всех поэтов и художников выходил этот край беззаботным, беспечальным, радостным. А тут...

Прямо перед глазами медленно тащатся по дороге усталые волы, запряжённые в повозку. По крутому склону почти на самый верх легко взбежали высокие, могучие сосны. За ними раскинулись Крымские горы, теряясь вдали, почти сливаясь с облаками.

«В Крымских горах» назвал свою картину художник. Но, когда смотришь на неё, не только о горах думаешь. Чувствуешь радость и гордость за мир, в котором живёшь, где возможны такая красота и такая торжественность. Как прекрасны прямые стволы деревьев, как прекрасны суровые, дикие горы, как прозрачен и чист горный воздух! Но отчего так одиноки стройные сосны, отчего так тревожна крутизна под ними, отчего так голо и пусто кругом, так мало на склонах зелени, отчего так трудна и бесконечна дорога, словно печаль несчастливого человека?..

Видит Смерть: и на этот раз справился художник с задачей. Есть на его картине печаль богатого Крыма. Опять удалось Васильеву Смерть обмануть. И такое тут зло её взяло, что забыла она про данное слово, нарушила давний их уговор и бессовестно и жестоко погубила навеки Васильева.

Так ей вдруг радостно стало! Некому теперь её злить! Некому над ней насмехаться! Ходит Смерть повсюду, собой не нахвалится: «Уж как я сильна, как непобедима! Никому со мной не тягаться! Какого человека сумела известить! А уж как он хитёр был да искусен! Никогда ещё прежде мне такого встречать не случилось!»

Только недолго пришлось Смерти радоваться. Пришла она как-то в художественный музей, где картины показывают. Толпятся там люди, между собой разговаривают. Прислушалась Смерть – что такое?

– Васильев пишет...

– Васильев показывает...

– Васильев изображает...

Встрепенулась Смерть – неужели не удалось ей художника уморить, неужели по-прежнему жив Васильев? А со всех сторон до неё доносится:

– Васильев воспевает...

– Васильев прославляет...

– Васильев открывает...

Посмотрела Смерть по сторонам: висят на стенах картины знакомые. И «Оттепель», и «Мокрый луг», и «В Крымских горах», и другие работы васильевские. Подошла она поближе – и попятилась. Почудилось Смерти, смотрит на неё со стен тот же взгляд – лучистый, сероглазый, насмешливый, задорный и бессмертный.

Поняла тут Смерть, что не справиться ей с художником, кинулась прочь из музея, и с тех времён никогда её больше там не видели – даже близко подойти боится!

...А о художнике Фёдоре Васильеве до сих пор повсюду говорят как о живом.

СКАЗКА О ХУДОЖНИКЕ И РУССКОЙ ПРЕЛЕСТИ (МИХАИЛ НЕСТЕРОВ)

Захотелось художнику Нестерову русскую прелесть на земле отыскать. И так захотелось – ни днём, ни ночью покоя не знает, на край света пойти готов, лишь бы найти её, желанную. Собрался художник в дорогу и пошёл по городам да сёлам, по степям да лужайкам, по лесам да болотам. Смотрит по сторонам, ко всему приглядывается – не видать ли где прелесть русской?

Дрожат вокруг него травки малые, беззащитные, от ветра чуть колышутся; пестреют в лугах цветочки скромные, что на тонких своих стебельках изо всех сил к солнцу тянутся.

Да всё не то что-то ему попадается: травки блёклые да цветочки мелкие под ногами, деревца тоненькие, избёнки низенькие, полянки неяркие, речушки неширокие. Понятно, по-своему и они все хороши, да только очень уж просты и неказисты, художнику ведь не того надобно – ищет он прелесть русской, такой прелесть, такой русской, что кто бы на неё ни взглянул, так за сердце бы и хватала.

Долго скитался художник, а с мечтой своей всё не встретился, горевать уж было начал: не придётся ли домой ни с чем возвращаться?

Да, на счастье своё, зашёл он как-то в лесочек реденький – отдохнуть, погулять, себя успокоить. Идёт и по сторонам уж не смотрит, сильно зацепился. Вдруг рядом чей-то голосочек звонкий, тоненький:

– Чего ищешь, дяденька?

Глянул Нестеров: стоит возле мальчонка, одёжка на нём бедная, крестьянская, на ногах онучи, за поясом кнут пастуший, а в руках пастушья же свирель-дудочка – по всему видать, пастушонок.

– Ты кто таков? – спросил Нестеров.

– Я-то? По-книжному зовусь Варфоломей, а по-уличному Фомкой кличут. Сам-то я здешний, ростовский. Видишь: во-о-о-он наш Ростов отсюда чуть заметен, только крыши тёмные среди полей рассыпались. А здесь я у дяди Михея в подпасках. Ты, если ищешь тут что, мне расскажи, я наши места знаю, что захочешь – мигом укажу.

Улыбнулся художник, посмотрел на мальчишку попристальнее: стоит перед ним былиночка былиночкой, весь нежный, тоненький, словно прозрачный, а глядит серьёзно, глазёнками своими синими словно в самую душу заглянуть хочет. Ну как такому всё объяснишь? Да и отмахнуться нельзя.

– Сказал бы я тебе, чего ищу, да только, боюсь, не поймёшь ты.

– Этого не бойся. Я теперь всё понять могу. Это раньше, верно бы, не понял.

Опять улыбнулся художник:

– Что же раньше-то с тобой было?

– Не знаю, дяденька. Только как батюшка с матушкой на седьмом году отдали меня в ученье, так и начались мои мытарства. Уж как я ни бьюсь, сколько ни сижу за книгами – не идёт мне впрок наука, и всё тут! Другие-то ребята уже всю азбуку вытвердили, склады одолели, за книжки принялись, а я ещё и букв запомнить не могу! И не то чтоб хотенья и старанья у меня не было, а не даётся мне ученье, хоть ты плачь! Сколько ребята надо мной смеялись, сколько учителя ругали, а случалось, и поколачивали – а всё толку из меня не выходит.

– Да, невесёлые твои дела, – посочувствовал Нестеров.

А мальчишка уже спешит, захлёбывается:

– Это ещё что! Главное-то дальше было! Вот однажды до того уж мне невоготу стало, что убежал я в этот самый лесок, бросился на землю и стал горько плакать и жаловаться, что не дал мне Господь смысла уразуметь грамоту. Вдруг слышу голос рядом: «О чём, чадо, плачешь?» Поднял я голову: стоит передо мной человек, по виду монах, одежды длинные, тёмные, лица не видать, а голос такой тёплый, ласковый. Рассказал я ему всё про себя, а он говорит: «Не плачь, твоему горю помочь можно. За твоё усердие, старание да за твою к наукам ревность достоин ты получить великое знание. Так пусть отныне любая книга, какая попадёт тебе в руки, будет тебе легка и понятна, будто бы прежде её уже знал, и любая премудрость будет тебе открыта». Тут только я и заметил: у монаха-то кругом головы золотое сияние стоит, словно бы от солнца, а это уж верный знак, что не простой монах мне явился – то ангел Божий был. Только я так подумал, даже «спасибо» сказать не успел, как исчез незнакомый даритель, пропал разом, будто его и не было. И с той поры учиться мне легко стало. Нет такой премудрости, которую бы я не осилил. Нет такой книги, которой бы я не знал, даже не читая.

Усмехнулся тут Нестеров:

– Повезло тебе, значит. Уроков учить не надо – знай себе гуляй да играй! Красота! Чего же ещё большего желать?

Посмотрел на него мальчик внимательно и печально.

– Нет, дяденька. Я теперь о другом думаю. Хочу я, как вырасту, людям послужить. Много в нашей русской земле горя и неустройства. Буду я в беде утешать несчастных, в боях благословлять воинов на подвиг, буду нести

слово Божие, направлять на путь истинный и подкреплять в пути ослабевших, буду помогать каждому, кому помощь нужна. И тебе я тоже помогу. Вижу, что давно ты в дороге, утомился, измаялся, не даёт тебе покоя твоя задумка, ищешь ты по свету чего-то, а найти не можешь.

Удивился художник таким словам серьёзным да разумным и ответил правду:

– Ищу я на земле прелесть русскую. Кажется, жизни бы своей не пожалел, а только бы хоть одним глазком на неё, ненаглядную, взглянуть!

А мальчик спрашивает так строго:

– Зачем тебе прелесть русская? Не каждому дано её увидеть. И то сказать, ведь русская-то прелесть не забава, загубишь – другая не явится.

– Я с ней бережным буду. Мне только бы увидеть. Хочу я нарисовать её своими красками такую, как она есть, и всем людям показать, всем – и русским и чужеземным; одним – в поученье, другим – на удивленье, чтобы знали, какая она на самом деле, наша земля, и сколько в ней чудесного таится, – серьёзно, как большему, объяснил мальчику Нестеров.

Взял пастушок художника за руку, на цыпочки приподнялся и прошептал в самое ухо:

– Ну, тогда слушай. Открою я тебе одну тайну. Видишь у меня свирель? Ты думаешь, она – чтобы коров да теляток веселить, самому от безделья баловаться? И другие то же думают. А в моей свирели – сила волшебная, сила великая. Это с виду она неказистая, а от её песни душевной просыпается русская прелесть, от людских глаз уже не прячется, и каждый, в ком сердце не слепо, её увидеть может. Дарю я тебе эту свирель – владей, на счастье! Вижу, что не пустой ты художник, сумеешь ты красками о русской прелести людям рассказать.

С этими словами мальчик Варфоломей положил на ладонь Нестерова свою маленькую свирель. У художника даже сердце замерло: неужели в этой дудочке обычной такое волшебство спрятано, неужели сумеет она исполнить его заветную мечту? Глядит художник на свирель и глаз отвести не может. А когда опомнился, хотел мальчика поблагодарить за подарок чудесный, обернулся – а рядом уж и нет никого. Глянул Нестеров по сторонам, к осинкам ближним присмотрелся, не мелькнёт ли за ними белая рубашонка, несколько раз звать принимался:

– Варфоломей! Варфоломей, где же ты?

Никто не отозвался. Пропал пастушок, исчез, будто и не был тут. Забеспокоился художник: «Уж не привиделось ли мне всё это?» Да нет, вот и свирель пастушья лежит на ладони, своей поры дожидается. Поднёс её к своим губам, дунул потихонечку – и полилась вокруг музыка чудесная, напев неслышанный. Оглянулся вокруг себя Нестеров – открылась ему прелесть русская, вся как есть, без прикрас и утайки. Рассмотрел он её...

Понял теперь художник, что ему на своей картине рисовать. Закончил картину и отдал в музей – пусть все красотой полюбуются. Подходят к картине люди, смотрят, удивляются, художника Михаила Нестерова добрым словом вспоминают.

Так и стоят они перед нами: и мальчик-пастушок со свирелью в руках, и незнакомый благодетель с сиянием над головой, а вокруг них – русская прелесть бесконечная.

**Анна
МОРКОВИНА**

ОЛЬГА КОШКИНА И КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

*Посвящается 100-летию саратовской библиотеки
для детей и юношества имени А.С. Пушкина,
много лет радушно принимающей гостей
в доме О.С. Кошкиной.*

От консерватории до Александровской по Немецкой всего минут десять. Даже если идти не торопясь, слегка поигрывая кружевным зонтиком-тростью, чуть придерживая край длинной узкой юбки и заглядывая во все витрины. Ольга Сергеевна шла по брусчатке центральной улицы, от собора Александра Невского, куда ходила по обыкновению одна, без посторонних, ибо была независима и не любила лишних любопытных перешёптываний. Несколько гривенников она подала нищим и с чистой совестью завернула во французское кафе на чашечку кофе с пирожным. Мимолётом бросив взгляд на себя в витрину, она осталась довольна причёской, почти не выбившимися из-под широкой серой шляпы пепельными локонами.

Весна была в самом разгаре – апрель, солнце слепило глаза, но с Волги дул сыроватый ветер, и замшевые мышиноного цвета перчатки, удивительно подходившие не только к костюму и шляпе, но и к глазам прекрасной молодой дамы, были очень кстати. Причём – заметьте! – не подарок мужа, а купленные в модном магазине г-на Дюма на собственные деньги. С правой руки Ольга Сергеевна перчатку стянула и помешивала серебряной ложечкой в чашке, почти не глядя по сторонам.

«Не зайти ли в фотоателье? – рассеянно подумала она. – Не всегда удаётся выглядеть так эффектно. Тем более и час свободный остаётся до обеда... Да как-то всё не до того. Снова думать над эскизами, читать рекламные проспекты. Из дворянского собрания не беспокоят – и то ладно. Значит, можно будет ещё поработать часок-другой над императорским заказом, так любезно описанным в письме г-на Дивова...»

Ольга Сергеевна аккуратно вытерла салфеточкой маленький ротик, на всякий случай провела узкой ладонью по пышным волосам и поправила шляпу с фазаньим пером. Шнурованные сапожки были так хороши, что хотелось пройтись по Немецкой лишний квартал – от Гран-Мишеля до дома братьев Никитиных. Знакомые сейчас гуляли с детьми, те, красиво одетые, несли воз-

душные шары, норовившие взлететь в ярко-голубое апрельское небо, выше каштанов с ещё не проснувшимися почками, выше гостиницы «Астория».

Ольга Сергеевна отщёлкнула крышечку часов-луковицы, которые носила на груди на толстой золотой цепи (вот это как раз подарок мужа – он выиграл в прошлом году приличную сумму на бегах и не поспешил на подарок для любимой Оленьки. Тем более что та всё время рассуждала об искусстве: театре, выставках, салонных вечерах с чтением стихов, чего Владимир Александрович решительно не любил. Скучным народом казались ему все эти поэты – не от мира сего).

Ольга Сергеевна мечтательно улыбнулась, вспоминая, как в прошлом году в Саратов по приглашению г-на Букиника (музыкант, человек от искусства и очень толковый господин) в Саратов приезжал модный поэт Константин Бальмонт. Она, прочитав тогда объявление в газете, презрительно сощурила глаза, но пошла – уж очень захотелось послушать хвалёного, по-западному грассирующего столичного поэта с рыжеватой эспаньолкой. Его часто рисовали, и не потому, что был красив, скорее в насмешку. Но карикатурный образ, утрированный остряками из столичных и провинциальных газет, вмиг разлетался на осколки, стоило только эрудированному Бальмонту взобраться на трибуну. Толпы поклонников стонали от восторга, когда Константин Дмитриевич принимался декламировать Гомера и Эдгара По в подлиннике. Молодёжь часто толпилась в дверях, а дамы из самых солидных семейств молитвенно заламывали руки, мечтая об автографе звезды серебряного века.

У Ольги Сергеевны, разумеется, была своя библиотека, в которой присутствовали все необходимые светской даме и романтической натуре книги – и Пушкин, и Некрасов, и кумир рубежа веков Лидия Чарская... Книги, снабжённые изящными закладками, стояли на дубовых полках в тяжёлых, тёмного морёного дуба шкафах. На журнальном столике в будуаре были издания и не столь классические: любимая карманная вещичка «Язык цветов» с раскрашенными литографиями, брошюры по географии (ей очень нравилось читать о населении экзотических стран – Океании, к примеру, или Японии). А на днях Саратовское отделение Психологического общества прислало небольшую новинку – книжечку «Дорога к счастливому браку». Это было несколько смешно. Ольга Сергеевна украдкой полистала, поминутно фыркая в ладонь. Но текст был страшно наивный, топорный какой-то, несмотря на мелкую строчку курсивом: «перевод с немецкого».

Ольга Сергеевна дошла до парадной двери, подёрнула кисть колокольчика. В доме тренькнул звонок, он отозвался на втором этаже, и было видно, как Глаша выглянула в одно из стрельчатых окон. Потом она метнулась к лестнице и по чирихинскому чугуно затопали её башмачки.

Ольга Сергеевна вошла в переднюю. В доме было прохладно, и она, сняв пальто тонкого английского кашемира, невольно повела плечами. Глаша, поклонившись, подала домашние туфли, а затем извлекла откуда-то длинное, запечатанное сургучом письмо. Оно было от Дивова из Москвы. Ольга Сергеевна тихонько вздохнула, зашевелила губами. Конверт положила на каминную полку, хотя лучше было бы в газетницу. Уж больно красив был её нижний камин работы самого Михаила Врубеля. Он был сейчас не менее востребован, чем поэты или музыканты – его современники. Расписывал храмы в Киеве, под музыку Скрябина писал лермонтовского Демона. О да, демоническая тема была сейчас очень популярна! Кошкина усмехнулась.

Недалеко от её дома располагался особнячок, от которого так и веяло мистикой: на его фасаде гнездились пауки, лягушки и даже волоокие русал-

ки... У самой кровли линии стены причудливо изгибались, на шпиле кокетливо красовался небольшой флажок...

Ольга Сергеевна досадливо поморщилась, предвкушая вечернюю беседу с мужем. Дом на Александровской можно было отделать по последнему пisku моды – в стиле модерн, арт нуво. Поместить на перилах лестницы стилизованных птиц или хотя бы украсить их коваными цветами и фруктами, можно было заказать мозаичные изогнутые окна и повторить этот узор в орнаменте на массивной двери... Но Владимир Александрович был совершенно неромантическим человеком. Ольга Сергеевна пыталась образовать своего благоверного, воспитать его вкус. Но так и не смогла отвадить Владимира Александровича от его плебейских материалистических пристрастий... Казалось, даже к художественному творчеству своей жены он относился более или менее терпимо.

Однако разлад, наметившийся было между супругами (энергичными и милыми, в сущности, людьми) сошёл на нет. Оба увлекались новинками техники и уже начинали ездить в открытом авто своих друзей... Оба хотели попробовать полетать на воздушном аэроплане, поплавать на яхте последней модели по волжским просторам. И оба до смешного увлеклись новым веянием в искусстве – кинематографом. Это было прогрессивным увлечением, доступным не каждому. Точнее, рассчитанное не на средние умы. За то, что Владимир Александрович регулярно спускал неплохие суммы на бильярде, Ольга Сергеевна упростила мужа купить ей домашний кинотеатр. Он был установлен за теми стрельчатыми окнами на втором этаже. Назвали его ласково: «Мурава». Это как-то гармонировало с тем растительным орнаментом, который Михаил Врубель изобразил на широкой окантовке наружной двери. Электрический театр пришлось выписать из-за границы. Это было очень дорого. Но Ольга Сергеевна желала быть на пике известности.

Задумавшись о гениальном, но скандально известном своими выходками художнике Врубеле (по-польски фамилия означала «воробей»), Ольга Сергеевна нахмурила светлые брови. Врубель был неизлечимо болен. Он, конечно, изобразил свою супругу, оперную певицу Завелу в образе пушкинской Царевны-Лебедь, и все были в восторге от её огромных очей и романтического облика... Но в последнее время болезнь прогрессировала, и Михаил Александрович всё чаще рисовал лермонтовского Демона, с такими же бездонными очами, но словно манящими его, с расшатанной психикой, глубже и глубже во мрак... А ведь он писал в Киеве фрески Софийского собора! Хорошо, что Абрамцевские мастерские благотворно на него влияли, да и заработки были неплохими, мог Врубель и не столоваться у богатых господ. Впрочем, кто, кроме самого художника, знает, что приносит счастье, а что беспокоит. Да и счастье ли – само спокойствие?

Напротив, в гостинице «Бристоль», зажгли свечи, в номерах верхнего этажа негромко заиграла гитара, грудной женский голос запел о любви. Ольга Сергеевна заглянула в глубь старинного зеркала в массивной серебряной раме. Муж где-то задерживался, и смутная тень легла на её красивое лицо. В юности она наивно думала: стоит только найти жениха, сыграть свадьбу, как вот оно – счастье. Не тут-то было! Буквально на второй день их свадебного путешествия выяснилось, что вкусы у супругов расходятся, и дражайший муженёк вряд ли будет разбираться в причудливых изгибах её изысканной души. Ему проще было вынуть тугой портмоне из свиной кожи, спросить: «Сколько, душенька?» – и больше не интересоваться ею до следующего утра.

Над такими светскими отношениями грустно иронизировал Чехов, вздыхал Блок, язвила бойкая любимица императора Тэффи... О большем взаимопонимании можно было только мечтать.

Ольга Сергеевна домашней скуке предпочитала оживлённое счастливое время в «Товариществе художников», столичную богемную жизнь в Петербурге и Москве. Там были близкие ей по духу друзья – женщины и мужчины, подчинённые общей идее поисков новых форм в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве. Госпоже Кошкиной наиболее близки были мотивы древнерусского искусства, и часто именно о них она беседовала с московским художником и архитектором Николаем Дивовым.

О, Николай Николаевич был именно из той артистической среды, к которой так тяготела Ольга Сергеевна! Надо ли говорить, что «дивная» фамилия указывала на старинный дворянский род. Он рассказывал о своём деду Василии Абрамовиче, который совсем молоденьким примкнул к декабристскому движению. Он даже познакомил саратовскую художницу со своей матушкой Аделью Львовной, урождённой Вильер, и кузиной Алисой Коонен. Обе они были актрисами, причём Алиса подавала большие надежды. Матушка же Николая Николаевича часто вздыхала о несостоявшейся карьере: её муж не желал, чтобы Адель Львовна отдавала себя «святому искусству». Вот в Стречкове под Тверью, в родовом имении Дивовых, – пожалуйста. Вот большой сарай – играйте, на здоровье, хоть водевили, хоть детские утренники!

Дом О.С. Кошкиной в 1909 г.

(его украшения – намёк на шутовское смирение изысканного дома перед открывшимся в Саратове университетом – храмом науки)

Николай, тоже участвовавший в постановках домашнего театра, выбрал училище живописи, ваяния и зодчества. С 1905 года он уже работал самостоятельно, причём увлечения дали крен в сторону декоративно-прикладного искусства.

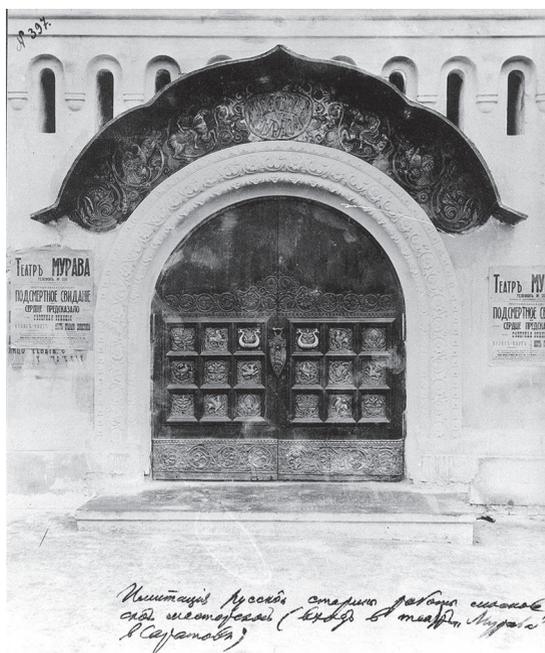
Вот Ольга Сергеевна и не преминула воспользоваться любезностью талантливого знакомого. Пусть и земляки удивятся! В Саратове уже открылись консерватория и университет – настоящие храмы науки и искусства. Куда уж ей с Владимиром Александровичем! С профессорами рядом постоять – слишком высокая честь! Вот они и «прибеднились»: в год открытия императорского университета занавесили свой фасад полосой, на которой красовалась деревянная, топорно срубленная изба – дескать, мы рядом с храмом науки и стоять стесняемся... Хотя слава о врубелевском камине из абрамцевских мастерских сослужила свою добрую службу. Об Ольге Сергеевне знали в городе, её уважали.

Иногда Ольге Сергеевне казалось, что и её артистизма хватило бы, чтобы идти на сцену. На знаменитых Шмаровинских средах в столице, куда её несколько раз приводил Николай Дивов, молодая женщина ловила восторженные взгляды актёров и режиссёров, могла и поговорить с ними... Но всё-таки уйти на сцену означало для неё расстаться с прочим миром и жить только в области ролей, кулис, гастролей... Она не была готова бросить всё ради сцены, как в конце концов и сделал Дивов. На Шмаровинских средах его несколько раз удавалось увидеть в образе молодого Леля – засмотришь-ся! Над художником даже шутили, писали ироничные строки:

*Красив наш милый Дивов
В рубахе и в лаптях!*

Ольга Сергеевна довольно улыбнулась: о её кинотеатре «Мурава» (а как ещё было назвать – ну не «Трава» же!) писал «Саратовский листок», там помещалась подробная реклама, включая цены на билеты. Журналисты не скупилась на детали: «Внутреннее убранство в старом русском стиле (ткань и парча на стенах, тёмная дубовая мебель, узорчатый потолок, декоративное панно на тему сказок, решётки, изразцовая печь и многое другое) было выполнено по эскизам художников М. А. Врубеля, К. А. Коровина и К. Д. Козицына, украшено изразцами работы мастерской С. И. Мамонтова. Обстановка и отделка (орнаменты, мебель и проч.) были выполнены в студии художественной индустрии в Москве, принадлежавшей Ольге Сергеевне Кошкиной».

Ольга Сергеевна вспомнила ещё одного своего знакомого по богемному миру Москвы – Козьму Дмитриевича Козицына. Он происходил из Пермской губернии, но уже давно участвовал в персональных и коллективных выставках. Ольга

Сохранившийся фотоснимок с афишей у входа в кинотеатр «Мурава»

Сергеевна знала, что сельские, вообще провинциальные художники могли писать не хуже, чем столичные знаменитости. «Жар-птица» К. Д. Козицына – подтверждение тому.

...Догадывалась ли госпожа Кошкина о том, что ожидает её с такой любовью и вкусом отделанный особнячок лет через сто? Да что через век – уже через пятнадцать, двадцать лет? Думала ли Ольга Сергеевна, что советские граждане утвердят свои рабоче-крестьянские порядки в тех помещениях, где ослепительным, роскошным, причудливым убранством красовался врубелевский камин и висели афиши «электрического театра»?

Знала ли милая Ольга Сергеевна, что её следы тщетно будут разыскивать потомки потомков тех, кто проходил мимо стрельчатых окон и узорного входа, глаза на афиши «Муравы»?..

Модный в то время драматург, крылатый символ из пьесы которого навсегда вошёл в историю русского театра, написал бы: «Где-то тихо лопнула струна... Или это рубили вишнёвые, яблоневые сады на Волге и по всей России новые предприниматели, уже не от искусства?..» Ольга Сергеевна глубоко вздохнула, взяв щётку, ещё раз поправила пышные волосы и... не говоря ни слова, прикоснулась к потемневшей глади зеркала. Неясная зыбь волной прошла по его ровной поверхности, и Ольга Сергеевна вошла в зазеркалье, как в вечернюю воду, слегка поёжившись от потустороннего холода, мгновенно окутавшего её стройную изящную фигуру.

Зыбь времён прошла и по залу «Муравы», спустилась по лестнице, нежные колокольчики прозвенели последний раз во славу уходящей Прекрасной Дамы и эпохи саратовского модерна.

Фрагмент здания по улице Горького, бывшей Александровской, расположенный над входом в дом О. С. Кошкиной и «Мураву» (ныне за этими окнами на втором этаже находится Пушкинский читальный зал)

**Виталий
Попов**

ТУЧКА

ЖУРАВЛИК

Маленький журавлик быстро подрастает.
Мама с папой учат правильно летать,
чтоб в пути-дороге с журавлиной стаей
не бояться ветра и не отставать.

Крылья расправляет, как большая птица,
правила движений учит от и до.
Пролетев по кругу, правильно садится –
не куда попало, а в своё гнездо.

Мама с папой смотрят, радуются сыну:
он теперь увидит страны и моря,
высоко-высо́ко с клином журавлиным
полетит по небу в дальние края.

С золотом осенним холода подкрались,
морозящий дождик навевает грусть.
Выросший журавлик, с родиной прощаясь,
прокурльчет в небе:
– Я ещё вернусь!

БАБОЧКА

Крыльшками бабочка махала,
Я за ней ходила по пятам,
Отвлеклась на миг – она пропала,
Не найду нигде: ни тут, ни там!
Я её под яблоней искала,
Всю вокруг обшарила траву.

-
- Виталий Викторович Попов родился в 1954 году в Энгельсе, в семье офицера. Пишет стихи и прозу. Член литературной студии при Саратовском отделении СП России. Детство и юность прошли в Латвии, Псковской области. Кадровый военный, полковник в отставке. Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, Поволжскую академию государственной службы. Десять лет играл в вокально-инструментальных ансамблях. Автор четырёх книг стихов. Дипломант областного конкурса поэзии 2018 года. Стихи публиковались в журнале «Подъём», других периодических изданиях.

Только что вокруг меня летала,
А куда исчезла – не пойму.
Бабочка со мной играет в прятки:
Только что порхала на виду
И моментом скрылась – вот загадка!
Постараюсь, всё равно найду!
Ну-ка, посмотрю среди цветочков:
Вот она, хитрюга, где сидит!
Крылышки сложила лепесточком
И притихла так, как будто спит.

ТУЧКА

Солнце тучку подсушило,
И она всплакнуть решила –
Над полями и лугами
Чуть покапала слезами.
Побурчала свысока,
Растолкала облака,
На прощанье погромела,
Будто напугать хотела,
И, довольная собой,
Поплыла на водопой.

Олег Корниенко

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРЕВЕРНУЛА ВСЮ МОЮ ЖИЗНЬ!»

Имя Олега Корниенко – новое в детской литературе. Ещё недавно он писал военные стихи и «взрослую» прозу, а в 2010 году создал в Сызрани «Содружество детских писателей» и через два года издал в православном издательстве «Фома» книгу «Воздушный почтальон» тиражом 10 000 экземпляров. В 2012 году в Самаре вышла ещё одна детская книга Корниенко – «Шаги за дверь». Сейчас у автора уже восемь книг для детей и взрослых.

В феврале 2019 года Олегу Ивановичу исполнилось 65 лет. В связи с юбилеем главный редактор журнала «Волга–XXI век» Елизавета Данилова встретила с писателем, членом редколлегии журнала и побеседовала о детской литературе и её перспективах, проблемах книгоиздания и распространения книг, о роли детского писателя в развитии современных школьников.

Е. Д. Олег Иванович, расскажите, как вы пришли к литературному творчеству.

О. К. В девятом классе я и мой товарищ решили стать писателями. Начали писать стихи под влиянием Маяковского. Первые были про революцию, про двуглавого орла. Но товарищ рано женился и отошёл от творчества, я же не отказался от своей цели, просто к ней добавилась ещё одна – я загорелся мечтой стать военным лётчиком, но попал только в авиатехническое училище ВВС в Харькове. Там я попытался писать стихи, но у меня ничего не получилось. А в 1975 году, после окончания военного вуза, стихи вдруг сами пошли... Литературные способности у меня, скорее всего, от матери, которая была учителем начальных классов. В военном училище, как я теперь понимаю, был первый этап моего творческого становления. Там я увлёкся журналистикой, которая помогла мне познать жизнь, но встреча в 1979 году с детским писателем из Чапаевска – сказочником Владимиром Бондаренко – поставила меня перед выбором: журналистика или литература? Я выбрал последнее и, наверное, правильно поступил, потому что писать рассказы оказалось не таким уже и простым делом. Потребовалось около 20 лет, прежде чем я стал профессиональным писателем.

Е.Д. *Мечта о небе исполнилась?*

О.К. Почти. Я упорно готовился стать лётчиком, а затем космонавтом, но в итоге стал борттехником вертолёта и налетал 1500 часов на вертолёт «Ми-8». Облетел почти всю Россию. Уже в Сызрани я познакомился со своим однофамильцем – лётчиком-космонавтом, Героем России Михаилом Корниенко, и считаю, что моя мечта наполовину сбылась, ведь человек с моей фамилией побывал в космосе. В детстве, когда все мы мечтали быть космонавтами, я перечитал книги Юрия Гагарина, Германа Титова, Павла Поповича (позже я с ним познакомился в Сызрани) и чётко знал, что надо делать, чтобы покорить космос. Я шёл по их следам, поэтому мои детские рассказы так убедительны. Я не играю «в космос», я показываю детям, что для этого надо. Невероятные впечатления от полётов, мои воспоминания о детстве нашли отражение в стихах и рассказах.

Е.Д. *Долго ли создавалась ваша первая книга?*

О.К. В течение года. Я отодвинул в сторону другие дела и занялся только подготовкой рукописи. Во время издания сборника «Шаги за дверь» я занимался им ежедневно, контролировал вёрстку каждой страницы и строчки, а потому, как мне кажется, книга получилась. Это произошло на 14-м году моего членства в Союзе писателей. Проблема заключалась не в том, что не было материала на первую книжку или денег на её издание, а в том, что я не верил, что книга в 500 экземпляров может что-то изменить в этой жизни. А для меня главное – верить в то, что ты делаешь. Я понимал, что это деньги, выброшенные на ветер. Коллеги по творчеству в Сызрани периодически советовали мне издать сборник, но я оставался при своём мнении. И не один раз за это «поплатился». Так, меня не оказалось в списке участников областного фестиваля в Сызрани, хотя я был уже членом Союза писателей России. Только со временем я понял, что причиной тому было отсутствие у меня своей книги. А в 2010 году мне пришла идея объединить детских литераторов города и самому попробовать себя в новой области – написать книжку про своё детство. Написать её и вернуться к военной прозе. Я не думал, что с первой книжкой придёт такой успех, который отодвинет мои «военные» идеи на второй план. За четыре года у меня вышло шесть книг – в Самаре, Москве, Рязани и в Канаде. Это очень мало, но главное то, что я понял магию «своей книги», когда на ней стоит твоя фамилия. Я до сих пор не верю, когда подписываю свои сборники, что написал их. Это какое-то волшебство!

Е.Д. *Сложно ли писать для детей?*

О.К. Для меня – сложно. Когда начал писать для детей, я вообще отказался от чтения «взрослой» литературы. Я не просто пишу, я живу жизнью моих героев постоянно. Детская литература меня многому научила. Я стал лучше понимать детей и по-другому смотреть на их мир. На всё смотрю с позиции ребёнка, чтобы не было фальши в моих рассказах. Для этого я изучил и проработал книги всех известных детских авторов и понял, что ближе всего мне рассказы Николая Носова, который, как выяснилось, ещё и мой земляк. Будучи на Украине, в Ирпене, я отыскал дом, где жили Носовы. А недавно познакомился (пока заочно) с наследником и продолжателем дела Н. Носова – его внуком – писателем и фотожурналистом Игорем Носовым, который подарил мне и моим внукам свои книги и книги прославленного деда.

Е.Д. *Замечательно, что вы успеваете не только печататься, но и помогать публиковаться другим писателям – и сближаете таким образом творческих людей разных городов и даже стран. Как вам это удаётся?*

О.К. Специально я ничего такого не делаю. Писатель должен писать и публиковать свои произведения в журналах или выпускать книгой. Всё происходит гармонично и само собой. В прошлом году перед поездкой в Кисловодск я решил опубликовать произведения его авторов в одном из российских журналов и преподнести эту публикацию как подарок им и городу. На презентации издания я познакомился с другими писателями, которые приехали из Ставрополя, и теперь они наверняка станут авторами этого журнала. Кисловодск я «познакомил» с литераторами Красноярска; красноярских авторов опубликовали в Ульяновске, ульяновских – в Латвии, латвийских авторов – в Канаде, канадских – в Казахстане, а стихи поэтов Казахстана прочтут со временем в Крыму или Красноярске. Круг замкнулся. Жизнь одна, и надо спешить, чтоб лучшие произведения прочли дети России. Говорят, полжизни ты работаешь на свою фамилию, а после фамилия работает на тебя. Это приятно, когда тебе пишут или звонят из библиотек (хоть и не часто), приглашают на встречи, школьники делают по твоим рассказам рефераты. Меня это до сих пор удивляет и радует, что дети понимают мысли, заложенные в моих рассказах. Слабое произведение они просто пропустят. Мне близка в плане отношения к творчеству сызранский литератор Галина Цыплёнок, которую я считаю своим учителем и лучшим детским писателем региона.

Е.Д. *Расскажите о «Содружестве детских писателей», председателем которого вы являетесь. Что оно уже дало детским писателям и самим детям и что в ближайших планах «Содружества»?*

О.К. Во-первых, «Содружество» не только объединило в 2010 году детских писателей города, оно связало их с другими литераторами и журналами России. Произведения сызранцев со временем были опубликованы в изданиях Сибири, Удмуртии. О нас и Сызрани узнали юные читатели Украины, Казахстана, Латвии. Популярность «Содружества» была такой, что многие писатели в Сызрани и Самаре начали писать для детей. Со временем я пригласил в организацию новых талантливых авторов из нашей области и ближнего зарубежья. Более того, я открыл отделение «Содружества» в Латвии, а через год вышел на талантливого прозаика Михаила Сливака из Канады. Это легко проверить, потому что все заявления о приёме хранятся у меня в папке. Сейчас нашу организацию и её деятельность замалчивают в Сызрани, потому что, дескать, она юридически не зарегистрирована. Наша огромная работа в расчёт не берётся: ты как литератор можешь ничего не делать, но ты должен иметь регистрацию. Я вообще не понимаю, зачем нужна регистрация общественной организации, которая не зависит от финансирования? А потому мы и дальше будем работать на благо нашей губернии, прославлять наш прекрасный город. Именно благодаря «детской базе» моего «Содружества» Сызранская епархия уже второй год проводит фестиваль детской книги «Добрые страницы», на который приглашаются лучшие детские писатели и барды губернии и Москвы. Надеюсь, что с приходом в епархию нового епископа – Владыки Леонтия – этот фестиваль сохранит статус ежегодного. А это новые, живые встречи детей с теми, кто пишет книги. И если кто-то из авторов им понравился, они ищут его книжки, постепенно втягиваются в чтение и тем самым меньше «сидят» в «айфонах», больше – с книгой, обогащая себя духовно.

Е.Д. *Каковы результаты работы «Содружества»?*

О.К. Они впечатляют, поскольку это результаты труда как литераторов Сызрани, так и отделений «Содружества» в других городах. Например, стихи и проза Светланы Семёновой – члена СДП из Риги – переведены

на латышский и болгарский языки. Её книжка-раскраска «Мы идём в храм», а также моя повесть для подростков «Афганец» изданы в канадском Виннипеге. Ещё несколько моих рассказов переведены там же на английский в рамках Второго Всеканадского конкурса. «Содружество» сейчас пытается наладить творческие связи с китайским г. Пиндиншань (провинция Хуанань), городом-побратимом Сызрани. За последние годы члены «Содружества» провели около сотни мероприятий, на которых побывали более 1000 детей и школьников учебных заведений города, района и областного центра. Члены Международного содружества детских писателей участвуют в областных и региональных фестивалях «Нам с книгой по пути» (СОДБ) и «Жигулёвская весна», «Тебе, певцу! Тебе, герою!» (посвящён поэту Денису Давыдову (Ульяновская область); открывают детские литературные проекты в губернии (Областной фестиваль детского театрального творчества «Золотой ключик»), в Самаре («Писатель на лавочке»), в Рязани и Н. Майне (Ульяновская область), провели недавно видеомост с Крымом (с. Изобильное, Алушта). У «Содружества» были налажены тесные контакты с классиком детской литературы Ириной Токмаковой, с питерцем Михаилом Ясновым, Олегом Бундуrom (Кандалакша), москвичами Светланой Вьюгиной, Мариной Бородинкой, Юрием Нечипоренко и другими. Тесно общается «Содружество» с литераторами нашей области, пишущими для детей: Иваном Бардиным, Марией Гончаренко. Мы скорбим, что совсем недавно ушли из жизни талантливые прозаики – Александр Малиновский и священник Николай Агафонов.

Е.Д. В Сызрани хорошо знают вас как писателя?

О.К. Думаю, что да. И не официально – с 2006 года, когда я получил городскую премию «Признание», а раньше – в 2000 году, когда я лично пригласил в Сызрань, ставшей мне «второй Родиной», внушек А.Н. Толстого – Екатерину Никитичну и Наталию Никитичну Толстых. И раньше, и сейчас я регулярно публиковался в периодике и различных журналах. Сейчас у меня одного публикаций больше, чем у всех литераторов города вместе взятых. Я выступаю перед детьми не только в Сызрани, но и в других городах области и России. А это неисполнимая мечта многих литераторов. Последние годы я выступал в Самаре и в городах Самарской области, в Ульяновске, Кисловодске, на Украине, в Сочи, Рязани, Анапе. А недавно я побывал в Крыму, где выступил перед детьми Феодосии, открыл там местный фестиваль «День феодосийского поэта» и впервые в жизни стал гостем Международного детского центра «Артек». Обо всех этих встречах я в социальных сетях и прессе стараюсь рассказывать своим читателям и жителям губернии. По гражданской специальности я социальный педагог, а это подсказывает, что надо делать, чтоб о детской литературе знали в России и мире. И я продвигаю активно не только себя, но и тех авторов, кто работает серьёзно в детской литературе. А с плохими детскими авторами, пусть неактивно, но я борюсь. Ведь это преступление – пичкать детей графоманскими опусами. Взрослый литератор уже в состоянии давать себе отчёт в том, что он пишет и для кого. Для этого надо просто читать и изучать классиков, а не бульварные романы. Популярности добились продюсерская деятельность и общественная работа. Я считаю, что много сделал полезного для литературы Сызрани. Например, когда возглавил в 1996 году отделение Союза литераторов России (СЛР позже переименован в «Российский Союз профессиональных литераторов», РСПЛ). Именно СЛР, по словам одного из лучших поэтов губернии В. Харитонов, «дал толчок к созданию в 1998 году в Сызрани отделения Самарской

областной писательской организации». Союз литераторов был своего рода «раздражителем» для ряда моих коллег. И уже через два года в Сызрани прошло Всероссийское совещание молодых писателей, на котором помимо «запланированных» Н. Подлесовой и О. Портнягина в Союз писателей приняли «моих»: ветерана Великой Отечественной войны Н. Овчинникова и В. Харитонову. Если создание Сызранской «первички» готовилось давно, то почему её не создали до 1998 года, ведь после 1951 года в Сызрани, кроме городского ЛИТО, ничего не было? Потому что не было «раздражителя» Корниенко. А посмотрите, когда заработал РИС (редакционно-издательский совет города) и когда у сызранских литераторов появился свой журнал? Только спустя 14 лет, хотя разговоры о РИС велись литераторами В. Трошиным и О. Портнягиным с 1998 года. У меня не было журнала, поэтому и «Излучина» появилась поздно, и опять же благодаря человеку, далёкому от литературы, – чиновнику и журналистке Елене Мочаловой.

Е.Д. *Где можно прочитать ваши книги?*

О.К. Сейчас мои детские книги есть почти во всех центральных детских библиотеках России. В этом ценность выхода книг в столице, в солидных издательствах: тебя опубликовали, перечислили гонорар и выдали авторские экземпляры, и тебе уже не надо больше думать о продвижении своих книг. Этим занимаются сами издательства, а потому мои книги сейчас можно свободно купить во всех храмах России или заказать в интернет-магазинах «Лабиринт» или «OZON». Мои рассказы можно прочесть в интернете или приобрести на творческих вечерах. Ближайшие пройдут в самой известной областной детской библиотеке Ульяновска – в «Аксаковке», и в Тольятти. Затем у меня состоятся встречи с читателями на межрегиональной выставке в Сызрани «Свет веры православной». А 20 ноября я приглашён почётным гостем в г. Октябрьск, где в рамках Нацпроекта «Культура» будет открыта первая модельная детская библиотека им. А. Макаренко. В новом году я опять планирую посетить Крым, выступить в «Артеке» и познакомиться с литераторами Ялты с нашим прекрасным журналом «Волга–XXI век». После победы на конкурсе в Канаде, где были изданы мои книги и некоторые рассказы были переведены на английский, приглашений поступает очень много. Организаторы оплачивают проезд, только бы я выступил перед детьми. Но мы сейчас вместе с женой помогаем своим детям воспитывать второго внука, а это дело такое же серьёзное, как и творчество.

Е.Д. *Как вы думаете, действительно ли современное подрастающее поколение мало читает?*

О.К. Если и читают – то по школьной программе, а если по собственному выбору – то не то, что нужно. Большинство школьников сутками «сидят в телефонах», любят какими-то детскими видео, «лайкают» эти сюжеты. Наверное, это тревожная тенденция, поскольку я недавно прочёл в одном издании, что Интернет и телефоны вызывают изменения в мозге и психике человека. Чтение – это не что иное, как получение информации, а сейчас ребёнок её черпает больше из компьютера, чем из книги. Бродить по Интернету интереснее, чем сидеть за книгой. Количество часов на литературу в школах урезали, но оставили внеклассное чтение, задание на каникулы. А гулять когда? Воспитывать вкус ребёнка и следить за тем, что он читает или смотрит, должны родители. Но не все родители разбираются в литературе. Многие читают то, что модно: детям магазины предлагают «магического» Гарри Поттера или переводного Ульфа Старка со сценками эротики, а сами взрослые читают модного Сорокина или Пелевина. А как переломить эту ситуацию, если даже Самарская областная писательская организа-

ция с 2009 года перестала издавать детские книги? На всю область издавался один журнал – «Светлячок», тиражом 500 экземпляров. Хотя кто его видел последний раз?.. Но «Содружество» и стоит на том, что надо менять отношение к детской литературе, которая важна для нравственного роста наших детей. Что мы в них заложим, то и вырастет. Отношение к детской литературе заметно меняется, поскольку она является одним из звеньев современного книгобизнеса. Это своего рода «плюс» для нынешних литераторов, ведь хорошая рукопись – это не и только товар, но и хорошая книжка.

Е. Д. *Расскажите, пожалуйста, о ваших дальнейших творческих планах.*

О. К. Ближайшая цель – это достойно провести свой юбилей. А встречать его надо книгой, рукопись и заявку на которую я отправил в редакционно-издательский совет нашей администрации. Некоторым сызранским литераторам город уже по несколько книг выпустил, а мне за 40 лет жизни в Сызрани ни странички ещё не издали. А ведь сейчас именно по моим книгам, изданным в Москве большим тиражом, в России узнают про Сызрань. Но из администрации уже два года никаких вестей, а потому к своему 65-летию я готовлю к изданию в Самаре новый детский сборник «Орден Славы». Посвящён он 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В Интернете мои читатели в основном женщины; мамы так и пишут: «Читайте добрые рассказы Корниенко, и ребёнок никогда не вырастет подлецом». Как приятно всё это читать! А ведь я не подстраиваюсь под читателей, не гонюсь за современными веяниями – я пишу о том, чему сам учу своих детей и внуков: расти честными и гордиться своей малой родиной и Россией! А после юбилея сяду за новую книгу – повесть для подростков. Ещё у меня в планах – повесть про «сызранское» детство Лёши Толстого, про Афганистан и про свою курсантскую юность.

*Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет Олега Ивановича Корниенко
с юбилеем!*

**Алексей
ГЕРАСИМОВ**

ТРИ АКТРИСЫ

2019 год – праздничный год для всех почитателей театра. Мне захотелось рассказать читателям нашего журнала о трёх необыкновенных актрисах, с которыми свела меня судьба. Я познакомился с ними много лет тому назад, учась в медицинском институте, и полюбил их горячим сердцем театрала на всю жизнь.

Начну рассказ с великой русской актрисы Ангилины Осиповны Степановой. Впервые в Московский Художественный театр я попал 26 января 1957 года. В тот вечер шли «Три сестры» А. П. Чехова в легендарной постановке 1940 года В. И. Немировича-Данченко. О чуде этого спектакля писали и говорили А. В. Эфрос, В. Я. Вульф, Л. М. Толмачёва, О. П. Табаков и многие другие. Вот и я за долгую жизнь «заядлого театрала» не видел на сцене ничего лучшего. Б. Н. Ливанов и В. А. Орлов, К. Н. Еланская и А. Н. Грибов, М. П. Болдуман, П. В. Массальский и другие великие мастера сцены в тот вечер жили судьбой своих персонажей. А Маша А. О. Степановой буквально «очаровала и околдовала» меня. На всю жизнь Ангелина Осиповна стала самой моей любимой актрисой.

Через год (30 января 1958 г.) впервые побывал я на спектакле «Мария Стюарт», в котором А. О. Степанова была Елизаветой. После сцены подписания королевой Елизаветой смертного приговора Марии я пережил потрясение в театре: наткнулся в антракте на зрителей в фойе, не совсем понимая, что со мной происходит. Написал об этом актрисе и получил от неё ответное письмо. Великая актриса «заметила» простого студента-медика из Саратова и написала мне: *«Ваше письмо в части разбора своих впечатлений от спектаклей МХАТ, от образов Чехова и т. д. говорит о Вашей большой тяге к театру, о художественных и эстетических потребностях, занимающих важное место в Вашей жизни. А люди любящие, понимающие искусство театра нам всегда и приятны, и дороги».*

Так мы познакомились, а потом стали друзьями. Я видел почти все спектакли с участием Степановой, переписывался с ней, разговаривал по телефону; приезжая в Москву, бывал

-
- Алексей Николаевич Герасимов родился в 1937 году в Саратове в семье потомственных медицинских работников. Заслуженный врач России. Публиковался в журнале «Волга–XXI век».

в доме у Ангилины Осиповны. Она учила меня – работала со мной над рассказом К. Г. Паустовского «Тост». Целых 40 лет Ангелина Осиповна была моим старшим другом. Обо всём этом я подробно написал в книге «Знакомцы давние мои», издать которую в 2005 году помог О. П. Табаков.

С момента выхода книги прошло почти 15 лет, я написал ещё две новые главы о любимой актрисе. Предлагаю их вниманию читателей.

Одна из любимых чеховских героинь Степановой – Ирина Прозорова – говорит в «Трёх сёстрах»: «Душа моя как дорогой рояль». Этой фразой я и назвал одну из глав, в которой рассказываю о чеховских ролях А. О. Степановой.

«ДУША МОЯ КАК ДОРОГОЙ РОЯЛЬ»

Ангелина Степанова

В 1904 году К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко поставили на сцене Художественного театра написанную годом раньше пьесу А. П. Чехова «Вишнёвый сад». Первой исполнительницей роли Раневской была О. Л. Книппер-Чехова. Спектакль шёл на сцене театра свыше четырёх десятилетий. Раневскую играли в дальнейшем О. Н. Андровская и В. Н. Попова.

С 1928 года Аней в этом спектакле была А. О. Степанова. «Аня – это я сама», – говорила Ангелина Осиповна. Сам Константин Сергеевич Станиславский знакомил со спектаклем юную актрису у себя дома. Поил её чаем с вареньем (наверное, вишнёвым), рассказывал о барской усадьбе Раневской, об атмосфере того времени. Станиславский был Гаевым в этой постановке.

Аню Степанова играла двадцать лет. Это её сценическое создание я хорошо знаю по уникальной аудиозаписи спектакля 1949 года и несколькими снятым на киноплёнку в 1946 году сценам из этого спектакля с участием О. Л. Книппер-Чеховой, В. И. Качалова, Б. Г. Добронравова и В. А. Орлова.

Аня

Шарлотта

В 1958 году В. Я. Станицын осуществил новую постановку «Вишнёвого сада» с А. К. Тарасовой – в роли прекрасной Раневской. А. О. Степанова незабываемо играла Шарлотту. Несколько раз видел я этот спектакль с их участием. Что меня поразило в её Шарлотте? Обычно исполнительницы этой роли подчёркивают нелепость Шарлотты, показывающей фокусы и отпускающей шутки. У Степановой – Шарлотты (в нелепом картузе, со странной манерой поведения) главным был драматизм её судьбы на чужбине, одиночество. Мне дорого, что я правильно понял исполнительский замысел актрисы. Вот что писала сама Степанова о своей Шарлотте:

«Другая моя героиня – Шарлотта из спектакля «Вишнёвый сад». «Счастливая Шарлотта, всё поёт», – замечает Гаев.

Несомненно, у Шарлотты есть и чудачество, и некая эксцентричность, но играть, выпячивать только эти стороны – значит не до конца постичь её характер по-настоящему... драматический. Да, драматический.

Мне казалось, что судьба этой девицы без возраста, с её несмешными фокусами, судьба этого маленького человека, неизвестно зачем заброшенного в далёкую Россию, в эту чужую семью, давала возможность задуматься о важнейших вопросах жизни.

«И кто я, зачем я, неизвестно...» – вот главное.

Приходит старость, а зачем прожита жизнь – неизвестно. Это и оказалось лейтмотивом роли, её сверхзадачей, а чудачества, «весёлость» Шарлотты далеко не главное».

Я был в Москве в середине октября 1966 года, встречался с Ангелиной Осиповой и видел спектакли с её участием. Оказалось, что всего через несколько дней после моего отъезда Степанова неожиданно сыграла новую роль в спектакле «Вишнёвый сад».

27 октября 1966 года (в День рождения Художественного театра) на сцене филиала МХАТа должен был идти «Вишнёвый сад». Но единственная исполнительница роли Раневской – Алла Константиновна Тарасова – неожиданно заболела. Что делать? В такой день спектакль не мог быть отменён. Руководство театра обратилось к Ангелине Осиповне с просьбой выручить театр и сыграть Раневскую. Роль была вручена актрисе накануне спектакля. Степанова понимала ответственность, но не могла отказаться.

В журнале «Театральная жизнь» после спектакля была напечатана прекрасная статья критика Е. Полежаевой «Роль вручена накануне». Вот фрагмент этой публикации:

«И вот Раневская – Степанова вышла на сцену. Сразу повеяло чем-то необыкновенно задушевым и милым, тихой, задумчивой прелестью русского характера. Мягкими штрихами и будто нежными акварельными тонами рисует актриса образ. Её Раневская – высокая, тонкая, изящная, с белокурыми волосами, убранными в простую и красивую причёску, с каким-то светящимся взглядом ласковых и слегка грустных глаз.

Со свойственным ей тончайшим ощущением образного строя спектакля (ранее она исполняла роль Ани, затем – Шарлотты) Степанова выступила на этот раз как солирующий инструмент в гармонично сложенный оркестр, определяя его основную тональность – поэтичность.

В характере Раневской, созданном Степановой, душевная мягкость и добросердечие сочетаются с решимостью и даже некоторой твёрдостью поступков».

Далее критик подробно разбирает образ Раневской – Степановой в двух последних актах. А в заключение пишет: *«Роль, неожиданно сыгранная Степановой, отличается высоким мастерством и талантливостью. Актриса созрела образ своим пониманием, внесла в него столько эмоциональности, что подарила зрителям незабываемый момент встречи с тем, что рождено подлинным вдохновением».*

Раневская

Всего только четыре раза Ангелина Осиповна сыграла Раневскую. Алла Константиновна поправилась, а передавать или делиться своими ролями с другими она не любила. Раневскую больше Степанова не играла. Я очень жалею, что не видел это её сценическое создание.

В перечне сыгранных Степановой в Художественном театре чеховских ролей не значится спектакль «Дядя Ваня». Но у меня есть книга «Мастера сцены – самодеятельности» с изумительной статьёй А. О. Степановой «Как я работаю над ролью». Вот что пишет актриса:

«Иногда мною овладевал такой искус – про- верить перед зеркалом, закрепить мимику, движе- ние. Так было, например, когда я готовила роль

Сони («Дядя Ваня»). Весь монолог Сони («Я некрасива...») мне хотелось про- износить не двигаясь. Я стремилась найти такое выражение лица, такую «мизансцену тела», которые позволили бы выразить прекрасную и возвы- шенную душу моей героини и вместе с тем дать почувствовать зрителю, что нет в ней той «изюминки», которая делала бы её по-женски привлека- тельной. Казалось, что стоит мне только посмотреть в зеркало, и я сумею найти нужное пластическое решение образа. Но, глядя в зеркало, теряешь линию мысли, а, следовательно, мимика, выражение глаз не соответствую- ют внутренней жизни образа. Перед зеркалом можно лишь отрабатывать отдельные жесты, положение рук – словом, отдельные движения. Зерка- ло может быть последним живым «контролёром» при создании образа».

В книге о Степановой В. Я. Вульфа я нашёл упоминание, что она дважды сыграла Соню на выездном спектакле театра в Туле по просьбе старейшего актёра А. А. Вишневого в связи с болезнью А. К. Тарасовой.

Теперь о «Чайке» А. П. Чехова. В тридцатых годах В. И. Немирович-Дан- ченко планировал поставить «Чайку» с А. О. Степановой – Ниной Заречной. Спектакль не был осуществлён.

В 1968 году удивительную «Чайку» страстно и ярко поставил Борис Николаевич Ливанов. В марте–апреле 1969 года я видел эту его постановку четыре раза. Спектакль с каждым просмотром менялся, становился всё ярче и интереснее. Может быть, Борис Николаевич чувствовал, что это его «лебе- диня песня». Ангелина Осиповна рассказала мне, что Ливанов был на каж- дом спектакле, собирал после окончания представления всех исполнителей и каждый раз вносил что-то новое в своё вдохновенное произведение.

Режиссёр и актриса создали совершенно неожиданный образ Аркади- ной, какого ещё не знала наша сцена. При всей многогранности, талантливости, сложности этой артистической природы Степанова безжалостно суме- ла показать, как гибнет человек и его талант, если он «любит только себя,

а не искусство в себе». В прежних постановках «Чайки» на сцене Художественного театра Аркадину играли выдающиеся актрисы О. Л. Книппер-Чехова и А. К. Тарасова. Но созданный А. О. Степановой образ оказал влияние на все последующие постановки «Чайки»; после неё уже нельзя было играть Аркадину в прежних традициях.

Ангелина Осиповна рассказала мне, как горячо принимали зрители «Чайку» во время гастролей в Англии, как они заразительно смеялись во время сцены Аркадиной и Тригорина... Хорошо, что спектакль записан на радио, на пластинках, что в нём звучит голос Бориса Николаевича Ливанова (от автора). Когда этот спектакль уже после смерти Б. Н. Ливанова записывали на телевидении, А. О. Степановой пришлось стать сорежиссёром при создании телеверсии. Замечательно, что и по телевидению звучит за кадром голос Бориса Николаевича (использованы фрагменты радиоварианта).

Самый любимый чеховский спектакль Ангелины Осиповны, конечно, «Три сестры» – великий спектакль В. И. Немировича-Данченко, поставленный в 1940 году. В. Я. Вульф в изумительной книге «Ангелина Степанова – актриса Художественного театра» глубоко, ярко и подробно описывает потрясающие сценические создания великой актрисы в «Трёх сёстрах». Ангелина Осиповна сыграла всех трёх сестёр в этом спектакле.

Аркадина

Ирина – А. О. Степанова, Солёный – Б. Н. Ливанов

На премьере и на протяжении многих лет она была Ириной. Эту роль я знаю по аудиозаписи 1947 года. Поражает динамика образа: светлая, летящая, восторженная девушка в первом акте; усталость от монотонного труда на почте во втором действии; отчаяние от безысходности жизни и слабая надежда уехать в Москву в сцене пожара. И, наконец, запертая на ключ прекрасная душа молодой изумительной женщины в финале.

В 1949 году один раз Степанова экспромтом заменила К. Н. Еланскую, сыграв Ольгу.

А в 1950 году Ангелина Осиповна вновь выручила театр – вместо заболевшей А. К. Тарасовой она стала Машей Прозоровой. Это сценическое создание Степановой было так прекрасно, что она стала играть в дальнейшем Машу в очередь с Аллой Константиновной (наряду с основной своей ролью Ирины, которую играла и И. П. Гошева).

Как я благодарен судьбе, что 26 января 1957 года я попал на спектакль «Три сестры» с Ангелиной Осиповной в роли Маши! Она очаровала, завоорожила меня своей неповторимой, пленительно прекрасной Машей. На всю жизнь Ангелина Осиповна стала моей любимой актрисой.

У меня сохранился черновик первого письма, которое я написал в 1960 году Ангелине Осиповне. Я писал тогда:

«Первое моё знакомство с Искусством Художественного театра связано со спектаклем «Три сестры». Этот день – 26 января 1957 г. – я никогда не забуду...

Те Маши, которых я видел раньше, были и скучали, а у Вашей Маши главное – сила, «горячее сердце». Пусть она и грустит, страдает, сердится – ведь она несчастна. Но она не ноет, она любит жизнь.

Спектакль сразу захватил меня, подготовил моё «прозрение», но один взмах рукой Вашей Маши во втором акте («Где наша не пропадала!») окончательно открыл мне Чехова и Машу».

А. О. Степанова –
Маша («Три сестры»)

Через много лет, во время одной из наших последних встреч с А. О. Степановой я вспомнил, как впервые увидел Ангелину Осиповну 26 января 1957 года на сцене в роли Маши в «Трёх сёстрах» А. П. Чехова. Ангелина Осиповна улыбнулась незабываемой, задумчивой улыбкой Маши Прозоровой и сказала: «Да! Маша! А Александр Александрович Фадеев очень любил этот спектакль, особенно когда я Машу играла, и говорил, когда вновь и вновь шёл смотреть его, что пойдёт «опять эмоционально заряжаться».

Её вездесущую, суетливую, колоритную Авдотью Назаровну в «Иванове» видел только по телевидению.

А во время очередной стажировки в Москве в институте нейрохирургии имени акад. Н. Н. Бурденко в 1978 году мне посчастливилось увидеть А. О. Степанову в «Чеховских страницах». В спектакле рассказы А. П. Чехова читали выдающиеся мастера МХАТа А. П. Кторов, М. И. Прудкин,

А. П. Зуева, А. П. Георгиевская, П. В. Массальский, М. П. Болдуман. Ангелина Осиповна читала «Рассказ госпожи NN».

Вновь я увидел Степанову – удивительную исполнительницу: она покорила изяществом, тонкостью, простотой и строгостью выразительных средств, многоплановостью и глубиной подтекста, богатством нюансировки. Трудно передать словами чтение Ангелиной Осиповной этого изумительного рассказа А. П. Чехова. А как она была хороша в скромном, мягких пастельных тонов платье, изящная, с изысканными манерами! Актриса казалась на сцене миниатюрной и какой-то родной, домашней.

И была ещё одна чеховская работа Степановой на радио. Рассказ А. П. Чехова «Невеста». Какое тончайшее искусство художественного рассказывания! Какая музыка речи, глубина, тонкость и поэтичность исполнения!

СВЕТ ПАМЯТИ

(Рассказы В. Я. Вульфа
на вечере, посвящённом
100-летию со дня рождения
А. О. Степановой)

Ангелина Осиповна была не только великой актрисой, но и необыкновенной женщиной, прожившей блистательную, долгую и очень сложную жизнь.

Расскажу о 100-летнем юбилее актрисы, который отмечался в 2005 году. В. Я. Вульф подготовил к этой дате выпуск «Серебряного шара», телеканал «Культура» – передачу «Сегодня мой день». Татьяна Андреевна Александрова в музее имени А. А. Бахрушина провела вечер памяти великой актрисы. Пришли актёры Художественного театра, В. Я. Вульф, сын Ангелины Осиповны М. А. Фадеев. Татьяна Андреевна передала мне видеокассету с записью вечера.

В МХТ имени А. П. Чехова в октябре 2005 года (на дне рождения театра) одна из страниц торжества была посвящена Степановой.

И был ещё юбилейный вечер в музее К. С. Станиславского, который подготовила И. Л. Корчевникова (она была тогда директором Музея МХТ им. Чехова, сейчас Ирина Леонидовна возглавляет Театр им. С. В. Образцова).

Я получил приглашение на этот вечер, но лишь накануне его – уже не успевал прибыть в Москву. Звонил Ирине Леонидовне, которая уточнила у меня некоторые интересовавшие её вопросы.

Вечер она начала с рассказа о том, какие были поклонники у А. О. Степановой; познакомила зрителей с моей книгой, посвящённой памяти великой актрисы. Я узнал об этом, когда И. Л. Корчевникова прислала мне полную

А. О. Степанова

видеозапись вечера и прекрасную книгу о музее МХАТа (безмерно благодарен Ирине Леонидовне).

На вечере были показаны записи фрагментов спектаклей с участием А. О. Степановой, выступали её партнёры по сцене с воспоминаниями о ней. Вёл этот вечер И. А. Васильев. Всё второе отделение Виталий Яковлевич Вульф рассказывал редкие, малознакомые или совершенно неизвестные эпизоды из жизни Ангелины Осиповны, с которой его связывала многолетняя дружба. Поделюсь с читателями некоторыми из них. Это и короткие эпизодические зарисовки, и довольно подробные рассказы о старом МХАТе, о жизни и творчестве А. О. Степановой.

Эпизод первый.

«Актёры Художественного театра едут на гастроли в Ленинград. Администратор в панике. По ошибке билет Степановой (место в вагоне СВ) попал к другой актрисе. Ангелине Осиповне досталась верхняя полка в купейном вагоне. Что бы устроила в таком случае любая современная звезда?! А Степанова совершенно спокойно сказала: «Я очень люблю ездить на верхней полке: отлично высплюсь перед выступлением». И всё. Так она умела принимать житейские неурядицы, хотя она была уже солидного возраста».

Эпизод второй.

Виталий Яковлевич рассказал, что он был свидетелем телефонного звонка к Степановой Наины Иосифовны Ельциной, которая хотела пригласить попить чай у неё Ангелину Осиповну вместе с актрисами М. А. Ладыниной и С. С. Пилявской.

«...Степанова поблагодарила за приглашение, но сказала, что «чай пьёт только у себя дома». Я спросил ее: «Как вы могли так сказать?» На это Степанова ответила: «Я знала их всех – Сталина, Бухарина, Маленкова, Андропова... – всех. Зачем мне на старости лет идти в дом к Ельцину? К власти имущим я ходила только тогда, когда это было нужно коллективу театра или О. Н. Ефремову для дела».

Эпизод третий.

«В 8.30 утра мне позвонила Степанова с просьбой срочно быть у неё. Я увидел, придя к ней, абсолютно белое лицо Ангелины Осиповны. Говорила она всё тише и тише – признак крайнего возбуждения, что было с ней очень редко: «Виталий, нужно что-то делать!»

Оказалось, что она прочла в сборнике о Н. Р. Эрдмане его фразу из письма к другу от декабря 1933 года: «Эта безумная женщина хочет приехать и сделать из меня декабриста». А в комментарии составитель книги А. Свободин написал, что речь идёт об актрисе А. Степановой.

При всём своём желании Ангелина Осиповна никак не могла поехать к Николаю Робертовичу в ссылку в то время. В театре шли ежедневные репетиции, в самом начале 1934 года у неё была премьера «Егора Булычёва», где она играла Шурку. Эрдман писал другу о своей жене Дине (кстати, её отговорили, и к мужу она не поехала). Я понимал, что бессмысленно говорить Степановой пустые слова о том, что нужно пренебречь некомпетентностью составителя и т. д. Но что следует делать, я не знал. Вдруг Степанова попросила достать с антресолей чемоданчик. В нём оказалось 73 письма (редкой теплоты, любви и нежности) Эрдмана к Степановой. «Надо печатать!» – немедленно воскликнул я. Но Ангелина Осиповна ответила: «Это было бы интересно, если бы нашлись и мои письма к Николаю Робертовичу. Но нужно знать Колю – он никогда ничего не хранил». Позвонили на всякий случай в ЦГАЛИ Наталии Борисовне Волковой.

Она тут же проверила архив Эрдмана и сообщила: единственно, что есть в его архиве, это 280 (!) писем Степановой.

Так возникла поразительная по силе воздействия книга «Письма», над созданием которой самозабвенно работали Ангелина Осиповна и Виталий Яковлевич.

Рад, что чуть-чуть и я причастен к этой дивной книге. Ангелина Осиповна рассказывала мне о Николае Робертовиче, делилась своими размышлениями и сомнениями: нужно ли издавать эти письма, поймут ли их в нынешнее время?

Книга вышла. Ангелина Осиповна спросила в одну из наших встреч: «А почему, Лёша, ты плакал, читая нашу переписку?» Я ответил, что письма эти очищают, возвышают и просветляют душу. «Спасибо, Лёша. Твой отзыв мне очень дорог».

А. Степанова, Н. Эрдман и книга «Письма»

Во вступительном слове к книге «Письма» В. Я. Вульф пишет, что, когда Эрдмана «арестовали и приговорили к ссылке в Енисейск, она тяжело переживала случившееся и делала всё возможное и невозможное, чтобы спасти дорогого человека. Добилась свидания с Николаем Робертовичем на Лубянке! А.С Енукидзе, разрешивший это свидание, как и поездку в Сибирь, спросил актрису: «Что заставляет вас так неверно и необдуманно поступать?» Она ответила: «Любовь». И всемогущий тогда Авель Сафронович полушутя-полусерьёзно пригрозил ссылкой ей самой. Она настояла на своём и поехала летом 1934 года в Енисейск к Эрдману».

Мне Ангелина Осиповна сказала как-то: «Я отчаянная была. Что значит молодость! Ведь в любое время и со мной могли обойтись так же, как с Николаем Робертовичем».

Из воспоминаний Степановой: «Что сказать о десяти днях, проведённых в Енисейске? Там впервые у нас с Николаем был свой дом... Мы были счастливы...»

А вот фрагменты письма Н. Эрдмана от 12 сентября 1934 года:

«Все дни полны памятью о Тебе. После Тебя на всех моих вещах остались прикосновения твоей нежности и заботливости, и я чувствую их на каждом шагу... Целую Тебя, радость. Не скучай, длинноногая».

До поездки в Сибирь Ангелина Осиповна писала едва ли не ежедневно Николаю Робертовичу, отправляла посылки, вырезки из газет, чтобы он был в курсе культурных событий; выслала батарейки для фонаря, чтобы он мог работать при свете лампочки.

Эпизод четвёртый.

«После возвращения от Николая Робертовича в Москву Степанова начала добиваться перевода Эрдемана в другой город, чтобы облегчить его существование, чтобы он мог заниматься творчеством. Использовала все свои маленькие возможности. Ей удалось связаться с ответственным работником НКВД (большими поклонницами Степановой были жёны наркомов А. Бубнова и В. Молотова), который перевёл Эрдемана в Томск. Но на новое место его повезли снова под конвоем, в вагоне для перевозки скота, а в Томске опять заключили в тюрьму.

Узнала она об этом далеко не сразу. Вот как это было. До неё дошли сведения, что к Эрдеману в Томск уехала его жена Дина. И Степанова «ушла» от Николая Робертовича – перестала писать, не отвечала на письма, которые продолжала получать. Жена Эрдемана, вернувшись из Томска, пришла к Степановой и сказала: «Нужно спасти Колю. Он снова в тюрьме. Он погибнет там».

Как поступила Степанова? Писем Николаю Робертовичу никогда больше не писала. Но она узнала телефон следователя НКВД, который занимался делом Эрдемана, и попросила принять её. Степанова произвела на следователя такое сильное впечатление, что Эрдеман немедленно был освобождён из тюрьмы в Томске и переведён на поселение в Вышний Волочек. Так она вновь спасла Николая Робертовича».

(Я опускаю часть эпизодов из выступления В. Я. Вульфа, полагая, что они предназначались только для «своих» – актёров Художественного театра.)

«Это было очень тяжёлый жизненный период у Степановой. Именно тогда совершенно неожиданно она получила роль княгини Бетси Тверской в «Анне Карениной», после этого в её жизни произошли большие перемены».

Виталий Яковлевич рассказал о супруге В. И. Немировича-Данченко, постановщика спектакля, баронессе Екатерине Николаевне Корф, о ней ему поведала Ангелина Осиповна.

«В 1926 году вместе с мужем Корф вернулась из Франции, никак не могла принять произошедших перемен после революции, понять, что Россия стала другой страной. Постоянное место Екатерины Николаевны в театре оказалось теперь по соседству с ложей Сталина. Владимир Иванович говорил жене, что «тебе нельзя там сидеть, потому что туда не пускают». А она удивлялась и не понимала, почему её не пускают».

Не могу отказать в удовольствии добавить ещё несколько интересных, рассказанных Ангелиной Осиповной Виталию Яковлевичу эпизодов о баронессе Корф.

«Владимир Иванович всегда был и директором театра. Как-то, приехав во МХАТ, Екатерина Николаевна сказала: «А я и не знала, что у нас теперь в театре «красный директор».

В 1936 году, в период самых сложных отношений Немировича со Станиславским, Корф продолжала ежегодно печь пирог или торт, ездить поздравлять Константина Сергеевича и его жену Марию Петровну с праздниками, как делала это с 1898 года».

Но вернёмся к рассказу Вульфа о А. О. Степановой.

«Шёл 1937 год. Немирович посмотрел генеральную «Анны Карениной» (до этого свыше двух лет над спектаклем работал режиссёр В. Г. Сахновский). Владимиру Ивановичу страшно не понравилась исполнительница Бетси Тверской – актриса В. Соколова. Он снял её с роли и отложил премьеру. Но кому дать играть Бетси, Немирович не знал. Поделится с женой, и та тут же посоветовала: «Возьми Лину Степанову. У неё аристократическое лицо». Немирович сразу позвонил Ангелине Осиповне в 11 вечера и вызвал её на завтра на репетицию. Так Степанова неожиданно получила роль, которая для постановщика спектакля была очень важна, хотя у Бетси было всего четыре выхода и полторы страницы текста. Работал он с актрисой всего два месяца».

Триумфальная премьера «Анны Карениной» состоялась 21 апреля 1937 года. О спектакле было сообщение ТАСС. Восторженно были встречены исполнители главных ролей: А. К. Тарасова (Анна), Н. П. Хмельов (Каренин) и М. И. Прудкин (Вронский). Но зрителям казалось, что одна из главных ролей и у А. О. Степановой.

«Это была её абсолютная победа. Актрисе удалось передать блеск, неотразимую светскость и ледяной холод княгини Тверской. После этой роли актриса выдвинулась в один ряд с самыми замечательными мастерами театра. Но Немирович очень нервничал. Предстояли гастроли МХАТа в Париже на Всемирной выставке. Степанова была (наряду с А. П. Кторовым и некоторыми другими актёрами) в «чёрном списке невыездных». Разрешение ехать с театром на гастроли ей действительно не было выдано. Тогда Немирович позвонил лично Сталину, который видел спектакль, восторженно принял его, знал, что нельзя играть без Степановой. Тот милостиво дал разрешение, и она выехала в Париж. Театральная критика Франции отметила как одну из ярчайших удач Художественного театра сценическое создание А. Степановой».

В Париже с ней познакомился А. А. Фадеев (вместе с А. Н. Толстым они возвращались из Испании). Фадеев влюбился в неё, и в новогоднюю ночь на 1 января 1938 года в верхнем фойе Художественного театра состоялась их свадьба. 19 лет они прожили вместе. В их жизни было всякое: и большая любовь, и периоды очень сложных отношений. Ангелина Осиповна сказа-

А. О. Степанова в жизни и в роли Бетси Тверской, и А. А. Фадеев

ла мне однажды: «Две больших любви было в моей жизни. Один мой любимый ненавидел власть, другой долго верил и преданно служил ей, но и того, и другого власть эта погубила, только по-разному».

Ангелина Осиповна всегда имела сильное влияние на Александра Александровича.

Эпизод пятый.

«Однажды я нашёл у Степановой на книжной полке книгу А. А. Ахматовой с дарственной надписью о благодарности за помощь А. А. Фадееву, сделанной Анной Андреевной в 1950 году. Я спросил Степанову: «Как у вас могла оказаться эта запрещённая книга?» Ангелина Осиповна ответила: «Очень просто. Анна Андреевна позвонила мне с просьбой повидать Александра Александровича. Я сообщила Саше, что пригласила Анну Андреевну к ужину в 8 вечера, просила, чтобы к этому времени Саша обязательно был дома. В ответной записке, присланной с шофёром, Саша писал, что очень занят, просил узнать у Ахматовой – что ей нужно».

«Ну, и чем же это кончилось?» – задал я вопрос Степановой. Она ответила: «Я написала Саше: «Если ты не хочешь, чтобы я рассердилась на тебя всерьёз – в 8 вечера тебе нужно быть дома»».

Фадеев приехал и встретился с Анной Андреевной. Тогда и было написано им письмо в защиту Льва Николаевича Гумилёва, и он был спасён.

«Так и появилась у нас эта книга Ахматовой в 1950 году», – закончила Степанова.

А вообще А. А. Фадеев пытался спасти многих, только удавалось это ему нечасто. Когда он обратился лично к Сталину по делу В. Э. Мейерхольда, вождь показал ему признание, вырванное под пытками у великого режиссёра, что тот – иностранный шпион.

Не удалось Фадееву помочь и А. К. Тарасовой, которая в 1952 году однажды ночью пришла домой к Фадееву и Степановой, когда были арестованы её родственники.

В последние годы жизни А. К. Тарасовой отношения у неё со Степановой были сложными, но Ангелина Осиповна всегда говорила, что лучшей актрисой из её поколения в театре была Алла.

Степанова (несмотря на огромную разницу в возрасте) дружила с Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой, называла её «самой интеллигентной актрисой Художественного театра» и очень любила её. А самым дорогим и близким партнёром по сцене Степановой всю жизнь был Анатолий Петрович Кторов».

Вернёмся к рассказу о Степановой и Фадееве. Потрясающе: Александр Александрович написал супруге 5126 (!) писем. Ангелина Осиповна сохранила их и передала перед смертью сыну Мише.

Приведу фрагмент одного из писем А. А. Фадеева от 19 мая 1954 года:

«Линушечка моя! Любимая моя! Мне очень тебя не хватает. Даже какое-то щемящее чувство было ночью, когда я вернулся с вокзала на дачу. Весь наш сад, лес, большая дача – всё это было в ночном покое, прохладное, влажное, нежное, тихое. Я очень видел тебя, и мне было так жалко, что я не могу уже – потому что поезд твой мчит и уносит тебя – сказать, какая ты мне любимая и родная...»

А вот высказывание Александра Александровича об Ангелине Осиповне: «Таких, как Лина, не бывает».

Степанова пережила Фадеева на 44 года.

* * *

С Николаем Робертовичем Эрдманом Степанова встретилась только в 1956 году. Ангелина Осиповна рассказала, как это произошло.

«На всю жизнь у меня осталась боль за творческую, литературную судьбу Николая Робертовича Эрдмана. Судьбу, так блистательно начавшуюся и в дальнейшем лишившую его продолжения пути в драматургии, развития его крупного таланта сатирика. Осталась боль за его исковерканную жизнь, за сломанную творческую судьбу, за невозможность проявить себя правдиво в искусстве. Он живёт у меня в памяти молодым, с неосуществлёнными творческими замыслами, с несбывшимися надеждами, лишённый того большого места в литературе, какое должен был бы занять его молодой многообещающий талант. Я всегда вспоминаю слова Чехова: «Нужно, чтобы всё было стройно, кратко и обстоятельно». Оттого не люблю пустых разговоров и пустых лиц. Когда я думаю о Коле, мне хочется горько плакать. Отчего сейчас, в свои годы, душа моя скорбит и не хочет слушать разума?»

Мы встретились через двадцать два года. 1956 год был для меня тяжёлым — я потеряла близкого, дорогого мне человека, моего мужа, с которым прожила 19 лет, Александра Александровича Фадеева. Театр включил в репертуар трагедию Шиллера «Мария Стюарт». Мне поручили роль английской королевы Елизаветы. Роль замечательная, многогранная, полная больших мыслей, больших чувств. Работа была трудная, требовала от меня упорства, силы воли, преодоления жизненных невзгод. Но она и спасала, вводила в мир прекрасного, в мир искусства. Художником спектакля был Борис Робертович Эрдман. Мы часто встречались на репетициях. Однажды он сказал мне, что рассказывал Николаю о нашей работе, и тот просил узнать у меня, согласна ли я повидаться с ним, ему хочется меня видеть. Я согласилась.

Я ещё не подошла к двери его квартиры, как она отворилась — с таким нетерпением Николай Робертович ждал нас. Когда мы с Борисом вошли, он взял мои руки и долго вглядывался в моё лицо. Я тоже смотрела на изменённые временем знакомые милые черты. Мы оба были взволнованы.

А. О. Степанова. Сцена из спектакля «Мария Стюарт». Н. Р. Эрдман

Потом сидели за столом, пили кофе и говорили о театре, искусстве прошлых лет и настоящего времени. Оба брата расспрашивали меня о Фадееве – видимо, его уход из жизни изменил их представление о нём. Когда Борис вышел, чтобы поговорить по телефону, я спросила: «Далеко ушло наше время, и всё стёрлось в памяти или не совсем?» «Нет, не стёрлось, – ответил он. – Когда происходят какие-то события, явления, особенно в искусстве, да и в жизни, память возвращается к тебе: Ангелине бы это понравилось, она бы это оценила! А это было бы Лине чуждо». Я ответила, что тоже возвращаюсь памятью к нему, к далёким молодым годам нашей дружбы и любви, и мы улыбнулись друг другу. Уже дома я подумала: как хорошо, что состоялась наша встреча! Что она была такой тёплой, человечной и что была наша улыбка, сказавшая так много!»

Эпизод шестой.

«Уже после юбилея Художественного театра в 1998 году позвонила Степанова. Была она в ужасном настроении, не хотела больше жить. Я стал приезжать к ней каждый день, придумал сделать статью «Ангелина Степанова в конце века» для журнала «Октябрь» (эта публикация вышла в 1999 году).

Я записывал на магнитофон её рассказы о Художественном театре – «Сказки старого МХАТа», делал её чтецкие записи. Читала она необыкновенно: удивительная современность исполнения, помноженная на человеческую мудрость».

Рассказал Виталий Яковлевич и о том, что приблизительно в это же время Радио I предложило ей записать произведения Байрона. Редактор была потрясена её исполнением. Были записаны две большие «бобины» плёнки, но, когда 1-й канал радио прекратил своё существование, одна из катушек куда-то пропала.

А теперь несколько мыслей В.Я. Вульфа из его публикации «Ангелина Степанова в конце века»:

«Я смотрел на лицо Ангелины Осиповны и думал, как она изменилась, раскрепостилась, освободилась от того, что долгие годы было зажато внутри. Поэзия прошлого и проза неотменяемых жизненных обстоятельств вошли в содержание её сложной жизни, и вот теперь, когда она стала почти неслышащей, почти слепой, она сохранила свой мир, ушла жесткость оценок, и лирический лад, как музыкальное сопровождение в драматических спектаклях, сопутствует её сегодняшнему распорядку.

«Давно это уже не мой театр, но МХАТ всё равно во мне, – сказала она и сразу изменила тему разговора. – Сегодня много агрессии в людях, люди с нечистой совестью обычно резко агрессивны, а у тех, у кого есть сознание своей правоты, нет ни привычки, ни желания защищать себя». И снова погрузилась в себя. И я подумал: как полезны сегодня «уроки Степановой», великой русской актрисы, с невероятным достоинством идущей по своему жизненному пути».

Так писал В.Я. Вульф ещё при жизни Ангелины Осиповны. Думаю, что и сейчас, когда её нет с нами, не следует забывать эти «уроки Степановой».

Я долго думал, как завершить эту главу. Решение пришло неожиданно. 27 июня 2015 года в программу моей любимой радиопередачи «Встреча с песней» Виктор Витальевич Татарский включил необычный номер. Это была не песня или музыкальный номер, а сцена из драматического спектакля – финал «Трёх сестёр» А.П. Чехова в постановке В.И. Немировича-Данченко в исполнении трёх великих актрис Художественного театра.

И всё же это было и музыкальное произведение. Вначале зазвучал плещущий сердце неповторимым обаянием и теплотой бархатный голос Аллы Константиновны Тарасовой – Маши.

Его сменило музыкальное звучание альта – наполненная душевным трепетом, рвущаяся и зовущая куда-то ввысь мелодия речи Ангилины Осиповны Степановой – Ирины.

И, наконец, грудной, виолончельный, вибрирующий и загадочный голос Клавдии Николаевны Еланской – Ольги. И всё это музыкально-поэтическое чудо на фоне дивного марша уходящего полка.

К.Н. Еланская – Ольга, А.К. Тарасова – Маша, и А.О. Степанова – Ирина

Да, жизнь подарила мне счастье видеть этот спектакль 26 января 1957 года. Сезон 1956–1957 годов был последним, когда играли первые исполнители. В тот вечер я видел на сцене К.Н. Еланскую, М.Н. Болдуманна, Б.Н. Ливанова, В.А. Орлова, П.В. Массальского, А.Н. Грибова и других великих актёров. Ангелина Осиповна Степанова в тот вечер была Машей Прозоровой. С того незабываемого спектакля она стала моей любимой актрисой.

С её уходом от нас в ночь на 18 мая 2000 года закончился великий старый Художественный театр. Она оказалась последней хранительницей его искусства.

*Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были...*

Да, они были с нами, чаровали своим великим творчеством. И навсегда останутся в сердцах тех, кто имел счастье видеть их неповторимую игру.

Теперь расскажу о двух удивительных актрисах Саратовского драматического театра. В этот театр впервые я пришёл в 1950 году. За исключением великого Ивана Артемьевича Слонова, чьё имя теперь носит театр, видел на сцене всех славных мастеров его. В то далёкое время театр носил имя Карла Маркса. На сцене театра служили С. М. Муратов и П. А. Карганов, Г. Н. Несмелов и Б. Ф. Щукин, А. Н. Стрижова и Д. Ф. Степурина, А. Г. Василевский, Н. А. Гурская и другие выдающиеся актёры.

Но самой большой актрисой драмы тех лет была великая Валентина Константиновна Соболева! Несравненная, волшебная, поразительная – эти и другие высокие сравнения кажутся блёклыми, когда вспоминаешь её. Мне не довелось уже увидеть её лучшие сценические создания: Анну Каренину, Машу в «Трёх сёстрах», Нину в «Маскараде», которые она играла с И. А. Слоновым. В 1951 году она уехала из Саратова в родной Ленинград, вернулась только в 1956 году и вскоре оставила сцену. Так что я до боли мало видел её на сцене: изумительная Кручинина, Ольга Сократовна Чернышевская, Евгения в спектакле «На бойком месте» А. Н. Островского, Стиборова в постановке «Такая любовь» П. Когоута. Вот почти и всё. Но не в этом дело. Это была великая актриса.

В любой роли проявлялись редкое сценическое обаяние, теплота, мягкость, глубина и тонкость души, высочайшая культура. Простота, естественность – одним словом, очарование. Искусство и жизнь были для неё неразделимы.

В 1997 году на телестудии Татьяна Викторовна Зорина готовила передачу «Священные чудовища», посвящённую Валентине Константиновне Соболевой. В студии собрались очень интересные люди: К. Е. Павловская, Л. Г. Горелик, В. А. Краснов, Г. А. Ардаков, В. В. Крестов и другие, те, кто знал и любил выдающуюся актрису. Каждый вспоминал что-то своё, связанное с Валентиной Константиновной. Дошла очередь и до меня – я тоже участвовал в передаче и рассказал, что во второй половине 50-х годов В. К. Соболева пришла к нам домой (нужен был врачебный совет моего отца). После консультации Валентина Константиновна захотела увидеть меня. Она знала, что я увлечён искусством, и предложила позаниматься со мной художественным словом.

Жила Соболева на улице Советской, напротив нашего дома. Я стал приходить к ней. Работала она со мной над чеховской «Шуточкой». Деталей уже не помню, но отлично запечатлелось главное: она добивалась от меня, чтобы при внешней лёгкости, изяществе исполнения («шутливости») вторым планом была показана глубина чувств, их серьёзность, чистота, поэтичность, душевный свет в сердцах героев. Когда я рассказывал об этом на телевиде-

нии, то невольно прочитал финал «Шуточки». Рядом со мной сидел замечательный актёр Владимир Алексеевич Седов, который душевно поблагодарил меня (а ведь он сам прекрасно читал этот рассказ, так что его похвала дорогого стоила).

Вспоминая о Валентине Константиновне, я рассказал и об одной нашей интересной беседе. Первую нашу репетицию Соболева начала с вопроса о том, кто из мастеров художественного слова мне особенно дорог. Когда я ответил, что это А. И. Шварц, лицо Валентины Константиновны засияло поразительной улыбкой. Она сказала: «Лёша, а ведь я была хорошо знакома с Антоном Исааковичем. Какой это был удивительный мастер!» Валентина Константиновна знала Антона Исааковича ещё с ленинградских довоенных времён. Она рассказала, что в 40-х годах он приезжал на гастроли в Саратов. В антракте она пошла к нему за кулисы. Антон Исаакович был безмерно рад встрече с Валентиной Константиновной. Они обнялись, расцеловались. Шварц вдруг сказал, что специально для Валентины Константиновны меняет программу 2-го отделения и будет ей читать Мопассана. И исполнил шедевры своего репертуара – «Менуэт», «Папа Симона» и другие рассказы одного из любимых своих писателей. А если учесть, что А. И. Шварц необычайно

*В. К. Соболева в жизни и в спектаклях «Маскарад» (Нина)
и «Без вины виноватые» (Кручинина)*

вдумчиво строил программы своих концертов, то этот душевный порыв его говорил о том, как он ценил, уважал и любил В. К. Соболеву.

Горжусь, что имел честь немного знать Валентину Константиновну и общаться с ней.

В моей фонотеке есть удивительная запись. Монтаж спектакля театра драмы «Без вины виноватые» А. Н. Островского. Обнаружила запись и дала её в эфир Лейла Аббасовна Бочкова. Роли исполняют В. К. Соболева (Кручинина), А. Г. Василевский (Муров), Б. Ф. Щукин (Дудукин), Н. А. Гурская (Коринкина), А. Н. Стрижова (Галчиха), Ю. И. Каюров (Незнамов) и другие. Необыкновенная запись. Слушаю её и наслаждаюсь.

Историк театра В. В. Крестов и я провели в Музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского 24 марта 2018 года вечер, посвящённый 115-летию со дня рождения В. К. Соболевой.

«Я Саратовскому зрителю
отдала всю душу...»

К 115-летию со дня рождения
великой актрисы
В.К. СОБОЛЕВОЙ

Вечер в музее Н.Г. Чернышевского
24 марта 2018 года
г. Саратов

ведущие

А. Герасимов **В. Крестов**

Теперь ещё об одной замечательной актрисе нашего театра драмы.

В 1955 году я поступил в медицинский институт. Конечно, пришёл в драматический коллектив, руководить которым в том году стала Ливия Васильевна Шутова. Так я познакомился с этой яркой актрисой и очень хорошим, добрым, мягким, прекрасным человеком.

Ливия Васильевна задумала создать в драмкружке поэтический театр. Она работала с Лёвой Ляйфером, Люсей Спиридоновой, Володей Башкировым и Лилей Кондрашенко (Володя и Лиля были курсом старше меня) над сценическим воплощением поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». Я непосредственно в этой работе ещё не участвовал, но внимательно следил, как Ливия Васильевна репетировала с ними. Уроки эти помогли мне в дальнейшем, когда я на самодеятельной сцене многие годы занимался художественным словом. К сожалению, дальше застольного периода репетиции не продвинулись.

Л. В. Шутова готовила с нами пьесу «Студент третьего курса» А. Берзиной и А. Давидсона. Спектакль получился удачным. Я играл молоденького студента Костю Зимина, по сути дела, самого себя, так что особых сложностей при подготовке роли у меня не было.

*А. В. Шутова (1957 г.) и Алёша Герасимов
в спектакле «Студент третьего курса»*

На протяжении 20 лет в театре драмы лучшей исполнительницей ролей молодых героинь была выдающаяся актриса Ливия Васильевна Шутова. Удивительно ярко сыграла она заглавную роль в спектакле «Машенька» А. Афиногенова и сразу стала любимицей саратовских зрителей. Актрису узнавали на улицах, смотрели на неё восторженно и нежно.

В прекрасной книге о А. В. Шутовой «Театр – храм» её автор Раиса Кравцова приводит волнующие до глубины души отзывы зрителей о Машеньке – А. В. Шутовой – проникновенные слова как ребят, так и взрослых, на всю жизнь сохранивших в душе пережитое театральное волшебство от встречи с её дивной Машенькой.

*А. В. Шутова и Ю. И. Каюров в спектаклях «Машенька», «Бесприданница»
и «Великий демократ»*

Сколько выдающихся сценических созданий было у Ливии Васильевны в дальнейшем в нашем театре! Назову хотя бы несколько: Соня в «Дяде Ване», Нина в «Маскараде», Павла («Зыковы») и Настя («Третья патетиче-

ская»). Это Клеопатра В. Шекспира, Мария Стюарт Ф. Шиллера и Миллионерша Б. Шоу; Нила Снежко («Барабанщица»), Вавка («Маленькая студентка»), и многие другие.

А. В. Шутова в спектаклях «Барабанщица», «Великий государь» и «Юстина»

К сожалению, я видел Ливию Васильевну на сцене очень мало (если мне не изменяет память, только в девяти спектаклях). Так сложились жизненные обстоятельства. После окончания института в 1961 году работал в районе. По возвращении в Саратов шло моё становление в профессии врача, часто выезжал на вызовы к больным, в театр ходил редко. А потом Ливия Васильевна уехала из Саратова.

Ещё школьником увидел я Ливию Васильевну в 1951 и 1952 годах в спектакле по пьесе А. Н. Островского «На бойком месте» в роли пленительной Аннушки и небольшой роли губернаторской дочки в инсценировке по поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Вскоре встретился на сцене с её страдающей Олей Васильковой в драме А. Н. Островского и Н. Я. Соловьёва «Светит, да не греет» и Люсей Ведерниковой («Годы странствий» А. Арбузова).

А. В. Шутова в спектаклях: «Зыковы» (Павла), «Годы странствий» (Люся) и «Оптимистическая трагедия» (Комиссар)

Воплощённые ею образы, которые посчастливилось мне увидеть, отличались психологической глубиной, тонким лиризмом. Замечательно играла она Павлу в «Зыковых» М. Горького. Создала совершенно неожиданный образ Комиссара в «Оптимистической трагедии» В. Вишневского. Особенно дороги мне её Соня в «Дяде Ване» Чехова и Нина в «Маскараде».

Хотя я не мог тогда (по возрасту) понять всю глубину тех незабываемых сценических созданий Ливии Васильевны, всю жизнь храню в сердце излучавшую какой-то особый душевный свет лучезарную Соню. А вот подробно рассказать о ней, увы, не могу.

Наверное, было рано мне смотреть этот спектакль. Но замечательно, что я интуитивно уловил что-то главное. Ливия Васильевна подготовила мою душу к прозрению в дальнейшем. Если бы не её незабываемая Соня в «Дяде Ване» в театре драмы, а также «Три сестры» в постановке Ю. П. Киселёва в ТЮЗе, скорее всего, не произошло бы чудо – открытие драматургии А. П. Чехова на великом спектакле В. И. Немировича-Данченко «Три сестры» во МХАТе в 1957 году. Ведь именно тогда драматург Антон Павлович Чехов стал самым моим любимым на всю жизнь автором (раньше его пьесы казались скучноватыми и малопонятными).

*А. В. Шутова, А. А. Колобаев и Г. И. Сальников
в спектаклях «Дядя Ваня» и «Маскарад»*

Так было и с «Маскарадом». Первая встреча с этой пьесой произошла у меня в 1954 году тоже на спектакле Саратовского театра драмы с участием Ливии Васильевны. Её пленительная, страдающая Нина потрясла меня в сцене смерти. И для меня что-то необыкновенное приоткрылось в драме М. Ю. Лермонтова. А затем в процессе работы с А. Г. Василевским в институтские годы произошло постижение и открытие величайшей драмы М. Ю. Лермонтова. «Маскарад» стал моим самым любимым произведением Михаила Юрьевича! В те годы я знал наизусть весь «Маскарад».

В 1967 году А. В. Шутова уехала из Саратова, работала в Кишинёве, а затем в Москве, в театре на Малой Бронной, но расцвет этой прекрасной актрисы связан именно с Саратовским театром драмы. Саратовские зрители до сих пор помнят любимую актрису.

Прошло много лет. В декабре 2015 года в Саратове отмечали юбилей выдающейся актрисы Ливии Васильевны Шутовой. Мне удалось узнать адрес и поздравить дорогую Ливию Васильевну. Какова была моя радость, когда раздался у меня дома телефонный звонок. Как только Ливия Васильевна получила поздравление, она сразу позвонила и поблагодарила меня. Через 60 лет (пусть в письмах и телефонных разговорах) произошла наша встре-

ча: мы начали переписываться, общаться друг с другом по телефону. Это было чудо. Вот такой необыкновенный, светлый, добрый человек – Ливия Васильевна. Она прочитала мою театральную книгу, тепло отозвалась о ней и дала много дельных советов, подарила интересный архивный материал и уникальные фотографии, которые теперь вошли в книгу. Я решил и читателей журнала познакомить с этими дивными фотографиями. Спасибо, дорогая Ливия Васильевна!

Л. В. Шутова в спектаклях «Мария Стюарт», «Антоний и Клеопатра», «Миллионерша» и «Безумный день, или Женитьба Фигаро»

Михаил
КОСТЕЕВСКИЙ

«Мне есть что защищать...»

Стараниями Саратовского Рубцовского центра и его руководителя Л. Л. Чирковой вышла книга стихов и прозы Петра Орешина «Новокрестьянский» Баян» (Саратов, 2019).

К сожалению, в Саратове издавать книги лучших его уроженцев традиционно (довольно давно) было не принято. Только в 2009 году благодаря Ассоциации саратовских писателей в изданной «АСП» хрестомати «На главной улице России» появились стихи удивительного поэта и самобытного прозаика-земляка. В частности, там были помещены и главы из повести «Злая жизнь».

В вышедшей книге замечательная повесть опубликована целиком.

Признаем, для нынешнего читателя, к неудовольствию его, это произведение может являться ярким образцом так называемого «социалистического реализма». Я, во всяком случае, именно с прочтения «Злой жизни» наконец-то вполне понял, что это такое. В частности, метод означает: «разоблачать» всё дореволюционное, «устаревшее-отжившее» и выражать уверенность в благости «прогрессивных перемен». Однако мы, думается, не вправе с позиций сегодняшнего понимания осуждать писателя за это — «не судите, да не судимы будете!» К тому же определение «яркий» здесь очень кстати — повесть действительно художественно хороша.

Сочный язык и яркие образы, картинки саратовского быта и брызжущая поэзия (даже в прозе) делают чтение эстетическим удовольствием и удовольствием узнавания прошлого и отчасти настоящего нашего города и области (впрочем, не только, потому что виды, скажем, Уфы и Челябинска до сих пор узнаваемы и живописны!)

Характеры героев схвачены и интересны, живы. В «Злой жизни» хороший, добрый юмор. И поэтому Пётр Орешин уж никак не устарел!

А в лирике поэта можно увидеть «переключки» с Есениным.

*В полях по колосьям колдующий звон
Поспел, закачался в туманах загон.
Гадает по звёздам старуха изба,
На крыше — солома, на окнах — резьба.*

С Клюевым его роднят строки:

*Подойду я к озеру студёну,
Помолюсь седому в камышах,
Помолюсь на древнюю икону
В голубых над полем облаках...*

*...
Лес на пашню голову положит,
Поведёт берёзовой ноздрей...*

Но всё же всё это и абсолютно своё — орешинское! Вот его видение русской деревни:

*Каждый лик суров, как на иконе,
Странник скоро выпросит ночлег.
Но в ржаном далёком перезвоне
Утром сгинет пришлый человек.
(Здесь и далее выделено мной. — М.М.)*

Строчки взяты из «Ржаного солнца», написанного в 1922 (!) году. И это вовсе не «социалистический реализм», тем более что заканчивается стихотворение так:

*Солнце — сноп, а под снопом горячим
Звон черёмух, странник вдалеке.
И гармонь в весёлых пальцах плачет
О простом и тёмном мужике.*

«Успешно» забываемый (тщанием современных издательств) русский чудопоэт Орешин, родившийся в Саратове, необыкновенно музыкален, образен, народен:

*Поседел вороной меренок,
Растрепалась кудрявая грива,
Снежный путь бесконечно далёк,
А в душе и темно, и тоскливо...*

*...Санный скрип — недоплаканный плач,
Дальний путь — безысходное горе...*

Это 1914 год. Но вот (далеко не одобрительное!) написанное в год воспеваемой многими более тогда популярными, но менее зоркими авторами революции:

*...А мы из-за богатства
Льём свою бунтующую кровь...
Где ж оно, святое наше братство,
Где ж она, великая любовь?*

Много у Петра Васильевича любовной лирики: о любви настоящей – настоящими стихами. И разве они могут устареть? Читателям надо поклониться Любви Чирковой за попытку вернуть классика хотя бы небольшой части земляков.

Благодаря книге старательно замалчиваемого поэта и прозаика, может быть, как ни у кого другого, можно увидеть **то** время нашего города – панорамно и в точнейших ярких деталях, скажем, «Ситец кубовый с горохом». Да многие ли ныне знают, что такое «кубовый»? Заметим, на всякий случай, только, что это не от слова «куб»! И по праву он мог сказать о себе: «Во мне забился новый, совсем живой родник. / Я человекье слово / По-новому постиг». И с тем же правом мог утверждать: «И нет доверья слову, / И слово – пустоцвет, / Коль человекьем зовом / Не зазвучит поэт». То есть не пустое оно тогда, «когда о человеке / затужит человек». Ведь для поэта «Природа – очень ново, / Но человек новей!»

Отдавая дань времени (а не только неизбежной конъюнктуре), Орешин мог написать и о комсомольцах (тоже, в определённом смысле, «новых человеках»): «Они живут, они блестят глазами». И далее что? «Верноподданническое» заискивание? «Ведь только вы с любовью и со смаком / Способны жизнь как надо повернуть!» Но обращённые к молодым «наказы»-призывы – хороши, нравственны! Да ведь и в самом деле, не эти ли комсомольцы позднее проявили себя и на ударных стройках, и в боях Великой Отечественной? Выходит, не конъюнктурно лебезил, а выражал надежду, воспитывал, благословлял!

Не надо – недопустимо – читать Орешина поверхностно, ибо он не поверхностен!

*Мы знали взлёт железной стали,
Но не воспели, кинув грусть,
Как в поле, например, Чапаев
Распулеметил нашу Русь!*

Кто-то может увидеть здесь сожаление о том, что не воспели, даже и покаяние в этом. Но, возможно, в отрывке удовлетворение или даже радость от неучастия

в дурном деле воспевания «распулеметивания»? И ведь это же надо было суметь (и отважиться) написать ещё в 1928 году! Хотя и в угоду идеологии, и отчасти искренне разделяя её, хуля Россию дореволюционную (царскую) и воспевая «полную свободу».

А может быть, в этом пророческое прозрение: «Надо **выстрадать** землю родную / Для того, чтоб её полюбить». Полюбить и понять, что не виновата в убожестве своём «трудовая лачуга». Потому-то «Каждый дом – вековая любовь».

Однако и есть признание того, что «Не вернут нас ни кони, ни дроги / В старорусский родительский дом». Едва ли это ликование от прогресса. Но и не уныние! Конечно, вроде бы поэт натужно (!) радуется новизне, однако, может быть, это спасительная попытка убедить себя в её полезности? Из душевного самосохранения, дабы не впасть, не потерять **созидательную** энергию?

Важно для современного читателя и завидное знание живой природы Петра Орешина: «Любую птаху назову по крику». Он подчёркивает принадлежность к традиции прямыми аллюзиями к Лермонтову и Некрасову и к вечной теме (в наши дни особенно понятно, что это состояние России вечно): «Со всех сторон на Русь святую / Бросают петли (О санкциях и агрессии «цивилизованных» стран? – **М.М.**), но вовек / От Бога в сторону другую / Не мыслит русский человек». Тут, пожалуй, и к глубокому сожалению, возразим: ещё как мыслит! Но это всё-таки временный морок, а не «мейстрим» нашего исторического движения.

Воспевание новизны и «свобод»? А как же с удивительным предвидением, где ему одному из очень немногих удаётся отделить зёрна от плевел или «мух от котлет»: «Задушит нас, задушит скоро нас / В полях ржанных железная рука». «Стальные соловьи идут встречать / Стальной зари **чудовищный разлив**». По строчкам видно, что ведь «на горло собственной песне» не добровольно и без радости становится! (Отметим, у Маяковского это «становление» привело к творческой и личной трагедии.) И уж тем более нельзя назвать не то что восторгом или одобрением, но хотя бы приятием такое:

*Строительству не видно берегов.
На улицах – за рвом глубокий ров.
Кирка, лопата, лом, рабочий крик.
Дымит котёл, воняет грузовик.
К Арбату ближе – пёстрая толпа
Разглядывает кости, черепа.*

*Осколки древних глиняных посуды.
Рабочие кричат: «Чего вам надо тут?»
Спускают трубы. И гудит толпа,
Топча безмолвствующие черепа.*

А ведь это написано уже **в 1931 году!**
И опять как-то не вяжется с социалистическим реализмом...

Поразительно, что, вопреки организованному уничтожению национального самосознания и рекомендациям жить «без России и без Латвий», прорывается у поэта убежденность в нужности (необходимости) русских: «*Мы не даром в этом мире / Спелой рожью поднялись*».

На тогдашнее (периодически повторяющееся) неприятие русской лиры в редакциях поэт отвечает, как видим, убежденностью в том, что она — неотъемлемая и потому неистребимая часть природы

и природы духа, что она не искусственна, но естественна.

*Пускай кому-то не по нраву
Пришлись удары наших струн,
Шумит же лес, поют же травы,
Гудит же ветер-рокотун...*

И осознанно, демонстративно говорит: «*Мне есть что защищать со страстью, / За что я мог бы умереть*».

Кажется странным, но метод «социалистического реализма», кажется, как-то не уничтожил в творчестве нашего замечательного земляка ни эстетической ценности, ни нравственности, ни мудрости! Интересно его читать.

Стоит читать Орешина и для того, чтобы то время увидеть, понять, и теперешнее оценить верно, и ради радости самого чтения.

**Галина
ШВЕЦОВА**

ЛЁЛЬКИНЫ КАРТИНКИ

СКАЗОЧНЫЙ ЗАЯЦ

Когда Лёлька проснулась, никого уже не было дома. Родители до вечера на работе, «первоклашка» сестра и четвероклассник брат – в школе. Девочка прильнула к окну их деревянного дома, который стоял в ряду таких же двухэтажек: разноцветные листья опадали во дворе на высокие качели и скамейку. Солнце изредка выглядывало из-за туч и грело притихшие дома, вдоль которых были проложены такие же деревянные мостки.

– Васютик, не вступай в лужу, ноги промочишь!

Трёхлетний мальчик бродил возле сараев с бабушкой Нюрой, сухой и согнутой, словно печная клюка. В песке возле мостков лениво ковырялась его пятилетняя сестра Ира, пухленькая и черноглазая.

За Лёлькой некому было присматривать с трёх лет, и она часто думала о детишках, которых оберегали бабули. Девочка выскочила во двор и вступила в самую глубокую лужу, косясь на свою ровесницу. Но та доставала камешки из песка.

– Погляди, в какой я шапочке, будто белка! У меня и орешки есть.

В песочнице хватало угощения для всех зверушек. Васютик стал медвежонком, а Лёлька – зайцем. И она заявила:

– У меня тоже есть шапка!

Но подруга подозрительно молчала.

– Она такая... такая... заячья! Уши длинные и... стоят! Увидишь! – дёргала Лёлька непонятливую подругу.

– Стоят! – хмыкнула та.

Лёлька подскочила к окну и, как настоящий зайчик, ловко через него забралась в кухню. А вот и будильник! Стрелка, кото-

● Галина Николаевна Швецова родилась в г. Сокол Вологодской области. Окончила филологический факультет ВГПИ, художественную школу и студию живописи «Спектр», местную театральную студию, а также курсы гравёров и резчиков по камню. Работала художником-оформителем, гравёром-резчиком. Занималась изданием молодежной газеты. Преподавала в школе и гимназии литературу, русский язык, мировую художественную культуру и изобразительное искусство. Автор двух сборников стихов. Публиковалась в альманахе «Литературная Вологда», сборнике «Только ветер» и нескольких союзных коллективных сборниках, в журналах «Вологодский лад», «Наш современник» и др. Лауреат Всероссийского конкурса «Золотое перо» (2006). Неоднократный лауреат конкурса московского Рубцовского центра «Звезда полей». Член Вологодского союза писателей-краеведов.

рая маленькая, она почему-то была, наоборот, большой и ещё не подошла куда надо, чтобы бежать навстречу брату и сестре.

– Все увидят! – крикнула девочка ещё раз, доставая новую плюшевую шапку с длинными ушами на макушке.

Она разрезала подкладку и вставила внутрь картонки. Почему в магазине не догадались так сделать? И меховой воротник пригодился, а то лежал без дела в шкафу. Девочка отрезала чуточку, чтобы и маме на что-нибудь хватило. И вот: зелёная шапка – уши торчком, красное пальтишко с белым хвостиком – чем не сказочный заяц из любимых «Весёлых картинок»? Теперь пора!..

За ужином папа Коля хмурил брови, пока мама Вера полушёпотом успокаивала супруга:

– Глупа ещё, а приглядеть некому. – И, помолчав, добавляла: – Лёля так больше не будет.

– Ну конечно! Давно ли из твоего платья выстригла цветы и наклеила на скатерть?

– Она сделала мне подарок на день рождения!

А Лёлька в детской, превратившись в шпионское ухо, втягивала голову в плечи, как курица на насесте. Она грызла синий карандаш, которым только что закрашивала недостающий клочок обоев, почему-то порвавшихся.

Перед сном отец, как всегда, заглянул к детям.

– Всё, давайте-ка, спать.

Но Лёлька стояла у стены, не шевелясь. Улыбнувшись, папа взял за руку младшую.

И тут из-за её спины показалось большое синее пятно...

ПТИЧКА БОЖЬЯ

Лёлька знала, что умеет летать. Просто было это давно-давно, вот и забыла, как это нужно делать. Только что-то внутри осталось, что умеет. Как вот если ты поел – живот довольный и сытый, хоть сто раз забудь, а он не обманет. И во сне не зря же получается, а в пять лет это самое большое счастье!

– Ты, Лёлька – птичка Божья! Никаких забот, – завистливо вздыхала сестра, спеша на учёбу.

А Лёльке что: лишь откроет глаза – и вокруг всё любимое. За окном – удивительный мир, и, главное, никто не знает, что можно летать без всяких крылышек! Нужно только прийти на любимую полянку. Она рядом с домом, за высоченными деревьями и густыми кустами. А за ними, между канав и ручейков, новые лужайки, тоже окружённые зелёными зарослями. Какие Лёльку друзья ждали тут! Всякие маленькие птички да бабочки-стрекозы. И даже в воде так много, что не только дня – целых лет не хватит со всеми перепознакомиться. И обязательно надо лечь на мягкую травку, раскинув руки, чтобы как крылья. Сразу становишься легче, может, раза в два. А надо бы, наверное, в десять – чтобы полететь. Но «сытый» живот успокаивал!

Только прежде – заскочить к подружке: приехал её отец с подарками.

Девочка с радостной «миной» взбежала на второй этаж своего дома.

– Пришла? Держи! – делилась Ира всякими сладостями. – А какая у меня кукла! Гляди-гляди! – И улыбнулась, приподняв подбородок, как взрослая. – Только мне наказано никому не давать.

Лёлька во все глаза рассматривала игрушку. Потом нарисовала её и угощение для куклы.

– У меня тоже и кукла, и конфеты!

Довольная, девочка не могла оторваться от собственного рисунка. Даже Ира растерянно замерла.

– А вот и нет! Мои краски, моя и бумага! – наконец заявила она.

Лёлька, будто её и впрямь ограбили, уже ничего не слышала и не видела искажённую слезами мордашку бывшей подружки, только ноги несли прочь.

Дома Таня играла с одноклассниками, по привычке достав и Лёлькины игрушки. Младшая вдруг потянулась, чтобы забрать своих кукол.

– Спятила? Что с тобой? – сестра пальцем покрутила у виска.

И Лёлька побежала прочь – на знакомую полянку.

Лёжа с раскинутыми руками, изо всех сил уставилась в молчаливое небо. Но что-то огромной тяжестью навалилось на маленькую девочку, не давая ей нисколько приподняться над землёй. Налетел короткий летний дождь, заливая и без того мокрые Лёлькины глаза...

ПРО КАРТОШКУ

Погожим вечером недалеко от Лёлькиного дома взрослые убирали картошку. Сколько грядок было у родителей, младшая помнила наизусть. Одна очень большая, недалеко от школьного сада. Другая, которую потом забрали под детскую площадку, – в начале улицы, по дороге в два магазина, «Север» и «Детский мир» – в новеньких пятиэтажках, и вся улица ждала, когда откроют эти большие магазины.

Что бы ни делали папа с мамой, хоть копали гряды, дети любили «пастьись» рядом. Когда Лёлька впервые увидела под лопатой красные живые корешки, спросила:

– А они съедобные?

Отец улыбнулся, придумывая шутку. Но Лёлька уже сплёвывала невкусного червяка.

Ещё была грядка в Серково – «за крёстную тётю Катю», за её улицей. Речка Глушица протекала там, одним концом упираясь в Сухону, другим – куда-то в «зубчатый» лес. В такую даль родители брали продукты. А возле дома – копай землю сколько влезет: питьё и еда – рядышком. Здесь трудились и родители Иры, и «соседский» дед Арся, да кого только не было! Дети суетились рядом, кроме самых маленьких. Грядка папы Коли находилась у высоченного ивняка. Его толстые ветви пригибались к земле, и получались будто огромные чаши. В них, как в домиках, сидели малыши. Но лучшее место устраивала Лёлька! Она одна замечала, что мягкие кресла только притворяются пышными кочками, красивые торшеры – изогнутыми ветками. А уж всякой мелочи домашней – только головой поверти!

Лёлька увлеклась и не заметила, когда родители разожгли костёр. Работа была завершена. Но вот тебе и чудо – испеклась рассыпчатая, с толстой обжигающей корочкой картошка, которая издавала такой аромат, что слюнки текли, как у собаки! Отец перекидывал чудо с руки на руку.

– Твоим пальцам разве не жарко? – удивлялась Лёлька.

– Это что! Ваш дед спичку мог держать на ладони, пока не сгорит. Такие мозоли – покатай-ка валенки!

Лёлька, которая тоже много чего умела катать, разглядывала свои маленькие мягкие ручки.

– А я знаю: оба деда председателями были, – похвастался сёстрам Сергей, будто саблей, размахивая маленькой лопатой. – Жаль, что их на войне убили...

– Моего-то батю ещё живого с госпиталя привезли. С больной спиной. Дак, весной ведь вышел в гипсе землю пахать. Не смог смотреть на голодную семью, – выдавила мама Вера и отвернулась, подбирая что-то возле костра.

Дети притихли. Им казалось, что кто-то украл замечательных дедов и одну бабушку, что умерла на тощих колхозных «харчах»...

Вскоре усталые взрослые сошлись вместе, покурили и засобирались домой.

Перед сном Лёлька, высунув язык, рисовала деда Колю и деда Васю – с длинными бородами, с пистолетами и на лошадях.

– Чего это люди у тебя на собаках сидят? – смеялся Сергей.

НЕМНОГО О КАПУСТЕ

Как-то вечером мама, подсев к горячей печи, занялась штопкой, а папа стал учить Таню читать по букварю. Лёлька тоже садилась напротив – разглядывать рисунки и буквы. Она уже запомнила их много! А папа Коля говорил Тане:

– Вот это «д», это «а». Вместе как будет?

Таня не успевала ответить, как Лёлька спешила:

– «Да»?

– Это «м», это «я». А вместе?

– «Мья»? – отвечала, подумав, Таня.

– «Мя»! – радостно возражала Лёлька.

Отец прогонял младшую:

– Не тебя учат!

Но Лёлька всё же усвоила грамоту. Только слова, перевёрнутые вниз головой, читались легче. Соседи звали девочку в гости и совали под нос газету. Шрифт был другой, и Лёлька, ничего не понимая, со страхом выпаливала:

– «Красный Север»!

Однажды на праздник Октября девочка проснулась оттого, что отец читал, а семья от души смеялась. Кто-то поздравлял родителей, но слова звучали искажённо и очень забавно. Обрадованная, девочка выскочила на кухню.

– Ты-то чему веселишься? – удивился брат. – Твою же писанину разбираем!

И тогда Лёлька узнала своё первое в жизни письмо, которое старательно нарисовала корявыми буквами, где заглавными – печатными, а где письменными, как в прописях. Чтобы получился сюрприз, спрятала его за вышитым деревенским ковриком. Он висел наискосок над родительской кроватью, будто конверт для письма.

Похоже, сюрприз «удался», и Лёлька покраснела, как помидор. Но тут папа из-под пола, где хранилась картошка, извлёк деревянный домик из маленьких брёвнышек, с комнатками и крышей. Дети так громко восторжались, что и соседи пришли посмотреть.

– Ну и руки у тебя, Николаюшко, – бабушка Шура из третьей квартиры тыкала пальцем в деревянные поделки, – глянь-ко, и животинки всяких изладил – ровно живые! А мебель какая – ни дать ни взять; кресла – царю в пору!

– И никому отказу нет!

– Руки золотые!

– Душа!

А Лёлька, наморщив лоб, разглядывала сильные отцовские руки, которые были с виду совсем обыкновенные. Лишь отец почему-то хмурился...

В этот день в городе проходил парад. Взрослые шли по главной улице рядами, держа яркие картинки и надписи, а дети играли с надутыми шара-

ми. Все радовались и, как обычно, ходили друг к другу в гости. И по этому поводу гармонь папы Коли уже стояла в «красном углу» – прокленная и вновь собранная.

– Лёлю бы надо привязать к рукаву, а то потеряется ненароком в толпе, – пошутил, надевая наглаженный костюм, отец.

– Да без толку, она всю жизнь куда-то убегает. А потом ищем, как иголку в стоге сена, – поджал губы Сергей.

– Сам ты иголка! – возмутилась Лёлька. – Ни в каком сене я не прячусь!

– Тогда кто в два года удрал в детский сад? Хорошо бы рядом с домом, а то убежала чуть не до нашей школы.

– Я-то почему не помню? – удивилась Лёлька.

– Ты много чего не помнишь, – огорчила мама.

– Неправда. Помню, как ты поставила меня на стол и ползунки застёгивала. Тут и тут, – показала Лёлька на плечи. – И в коляске спала, а меня катали. Вот что раньше было?

– Мы и сами не знаем, – улыбнулся отец, застёгивая на Лёльке красное пальтишко. – Ты в капусте лежала, на грядке. Взяли и принесли домой.

– И Серёжу с Таней?

– Их тоже.

– На капусте гусениц много живёт – зелёных, жирных. Они кочаны лопают. Хорошо, что вы вовремя пришли, пока они нас не съели! – восторгалась Лёлька.

И все смеялись, видимо, радуясь вместе с ней.

ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ

В первый день лета Таня с подружкой приделались для выступления на стадионе. Он за школьным садом, откуда гремели песни о Родине.

После вчерашней грозы деревья и земля зелёные и пушистые, будто акварель на картинке ожила. И по этой красоте люди стекались на стадион семьями: по аллеям, затем через заросший сад. Дальше – две дорожки мимо обелиска с голубыми елями, того самого, где на днях гордо «постился» Серёжа в красном галстуке и белой рубашке. Ещё недавно на месте памятника был огромный пруд, и Серёжа с приятелем притащили домой по банке каких-то мальков. Младшая сестричка совала им хлеб, но рыбы всплыли, перевернувшись брюшками вверх. Лёлька уже успела их закопать, воткнула веточку и поплакала, когда брат приволок с улицы их кота Бантика.

– Говори, куда рыбок спрятала! – наседали ребята. – Говори, а не то получишь!

Лёлька гордо мотнула головой за сараи, но на месте бугорка дремала наглая кошка...

А тем временем на стадионе начались выступления. Нарядные дети выстроились по всему полю и кружились с лентами под знакомые слова: «Пусть всегда будет солнце...»

– Вон, глядите: наша Таня, и Лена рядом! – закричала, прыгая на одной ноге, Лёлька.

– А теперь на речку! – обрадовал всех отец, накормив мороженым.

Асфальтовая дорожка разделялась, как рогатка, на две и струилась мимо старого парка, по одну руку, и площадки, по другую, – прямо к реке.

На берегу происходило самое невероятное: дети возводили из песка замки с башнями. Лёльке это напомнило поездку в такой старый город, где кругом было много настоящих дворцов с куполами и крестами, но не для королей. Внутри одного Лёльке что-то дали съесть и усадили на скамеечку.

Стены в нём были разрисованы лицами – строгими, как у папы, и красивыми, как у мамы. Они так смотрели со стен, словно знали обо всех проделках! И тут девочка увидела многокрылых птиц под круглым потолком. Они махали Лёлке, и та, потеряв страх, полетела им навстречу – к свету, к пению сладкому-сладкому! Было так удивительно, будто во сне! Жаль, что никто из родных этого не увидел. Потом Лёлку вывели на улицу – так и закончился первый самостоятельный полёт.

Уже перед сном девочка, как всегда, нарисовала несколько картинок и забралась в постель, соврав, что ноги чисто вымыла. Папа Коля недоверчиво покосился на супругу, но та лишь махнула рукой:

– Оставь её, умаялась, бедняжка.

А «бедняжка» уже взлетала с многокрылыми птицами под самые облака. Те превращались в светлый-светлый город, где большие бабочки со стрекозами садились весёлым людям прямо на плечи.

АНГЕЛ И ФАРФОР

У Лёлькиной крёстной – шумной тётки Кати – наступил день рождения. Старшие были в пионерском лагере, и родители с Лёлкой отправились к Егоровым. Если идти напрямик через поле, – раз – и уже там, у тётки! Но родители, чтобы не пачкать обувь, ходили долгой дорогой. Лёлька с закрытыми глазами помнила её: по деревянным мосткам, огибая это поле, мимо конного двора. А потом по улице, где был детский сад, площадка, а за ней железная дорога – куда-то в лес. И снова улица – та самая, тёткатина. Какой же расчудесный домик занимала тётка! Маленький, с деревянными узорами, он больше напоминал жильё феи. Перед ним, в палисаде, росло много-много красивых цветов, а с другой стороны, перед сараем, зрели яблоки, всякие ягоды и гряды с разной разностью. На веранде стоял стол, на нём блестяли пузатый самовар и «кузнецовский» фарфор.

Девочка вошла в дом. Хозяйская дочь, что подарила Лёлке удивительное платье-блюдечко, взбивала волосы возле зеркала. Старший сын разглаживал через марлю брюки, которые под утюгом шипели, становясь «в стрелочку», как у Лёлькиного отца. Парень мурлыкал песню, привезённую из армии, и ободряюще поглядывал на маленькую родственницу. В простенке окон гостя узнала портрет Юрия Гагарина. Он тоже улыбался ей и хозяйскому сыну, которого и звали, как космонавта. Лёлька совала нос во все углы, пока не добралась до кладовки. В таких комнатах точно бывает клад, правда, для детей. И верно, здесь лежала новая белая коробка. Девочка полезла за ней на полку, отпихнув старый велосипед. Подол платья зацепился за него и потянул Лёлку вниз. Девочка ловко удержала равновесие, отчего из её рук выпала коробка, звонко брякнув внутренностями. Лёлке, поднявшей её, было непонятно, зачем внутри хранились с отколотыми доньшками чайничек и чашечка. Она решила сделать сюрприз тёте Кате: нашла в доме пластилин и подклеила посуду.

Наконец хозяйка пригласила за стол и предложила чаю с пирогами из русской печки.

С деревьев на веранду залетали птицы, а стрекозы приближались к самому столу, шурша золотистыми крылышками. В саду так сладко пахло пыльцой, что кружилась голова. Временами тёплый ветерок волновал траву, над которой пеной белели цветы кашки. Одна стрекоза, на редкость крупная, села Лёлке на край чашки, и девочка сразу прикрыла её ладошкой, опрокинув прибор на пол.

– Что же ты наделала! Такую красивую чашку разбила! – рассердилась мама.

Но тётя Катя, крёстная «бестолковой девчонки», была в хорошем настроении. Она показала подаренный Лёлькой рисунок и вынесла белую коробку.

– Тебе, Лёля, на день ангела. Возьми и пей из этой чашечки. Она маленькая, как и ты.

Лёлька оторопела, о чём-то думая, и ответила:

– Спасибо, тётя Катя, и за чашечку, и за чайничек... Только я пить расхотела!

– Верно, там и чайник. Ты-то откуда знаешь?.. – крёстная с удивлением заглянула внутрь.

Но Лёлька уже пропала за кустами, скрывавшими клубнику.

Потом отец взял гармонию, остальные, отодвинув стол, вышли «попробовать каблук». Те стучали, будто кто горох сыпал. А дядя Лёша, маленький и худенький, плясал вприсядку, подсакивая, как соседского деда Арси петушок, который всегда «норовил» склонить Лёльку. Потом запели протяжные песни, а взрослый парень Юра, усмехнувшись, взял магнитофон и вышел на улицу. Следом прошла его сестра.

– Смотрите, недолго там! – вдогонку крикнула хозяйка и добавила со вздохом:

– Вот и ваши скоро большие будут..

– Мам, когда мы вырастем, а вы с папой будете маленькими, вы тоже не будете нас слушаться? – начала Лёлька.

Услышав смех, она ободрилась:

– Ничего, мамочка, я вот всё-всё запоминаю, как вы нас жалеете. Хотя я третью чашку разбила сегодня. Вот и я вас буду жалеть!

– Это какую же третью? Не ту ли, что я не нашёл на кухне? Вера, ты ещё успокоила, что в ней варенье отнесла соседке, – перестал играть папа Коля.

«Той» была большая голубая чашка отца с золотой каймой – подарок опять-таки тёти Кати.

– Лёля, ты же сказала, кот её сшиб, – мама растерянно взглянула на дочь.

– Иди уже, ищи клубнику. А то, пожалуй, на орехи получишь, – со смехом выдавил дядя Лёша..

Когда пришли домой, младшая долго не решалась войти в комнату родителей, прикидываясь то скребущейся мышкой, то мяукающей кошкой.

– Что, опять под материно крыло прятаться? Знает кошка, чьё мясо съела! – ругал папа Коля, впуская дочку.

– Да не хочу её и видеть, раз она постоянно обманывает, – отвернулась мама, украдкой взглянув на отца.

– Ну вы же так огорчаетесь из-за правды! – горевала Лёлька.

КОРЬ, ЗИМА И ДЕД ТАМАРА

На заметённых крышах домов почти не было видно печных труб. Сугробы, расчищенные над мостками к домам и сараям, превратились в белые лабиринты, поднимаясь почти до небес. В такой снежной перине валяться, отпечатывая себя, – одно удовольствие. А Лёлька принялась выкапывать в нём комнаты. Она придумывала столики и креслица, старательно вырезая их лопаткой. Сестра, сделав уроки, с подругой пришла ей на помощь.

– Вот это да! Ну и руки у тебя – прямо золотые! – восхищались они, будто папой Колей.

Подруги не успели оглянуться, как в них полетели комки из снежной крепости, напоминавшей медвежью берлогу, где прятались Серёжа с Вовкой. Потом ватага забралась по поленнице на крышу сарая и, пугая зимующих кур, стала

прыгать в глубокий снег. Лёлька, обмирая от страха и восторга, проваливалась по самые плечи. Снег налипал на выпущенные поверх валенок шаровары, обжигал щёки и таял за воротом. А сверху звёзды «съели небо», чёрный космос достал до самой земли, и Лёлке казалось, что она летит между звёздами.

Дома ребят уже ждал вкусный ужин возле пылающей печки.

Наутро ударил мороз, и папа Коля с «вредным дедом», расчистив площадку между домами, залил её водой. Когда каток застыл, собралось много желающих его «обновить». Лёльку мама перевязала крест-накрест большой пёстрой шалью и посадила в круглую фанерную «бомбу» – гордость ребятни и память стариков о войне. «Бомба» крутилась, гремела и несла Лёльку быстро-быстро неведомо куда. А мама бежала, распевая смешные частушки:

«Я свою задрыжину посажу на лыжину.

Ты сиди, задрыжина, сейчас поедет лыжина!..»

Когда снег снова стал липким, дети лепили снеговиков. И во дворе появился красавец с ведром на голове, угольными глазами и морковным носом. Даже тётя Валя из восьмой квартиры залюбовалась им:

– Погляди – каков! Хоть вместо тебя в мужья бери! – шутила она с мужем, выходя во двор.

Лёлке добавилось радости, когда с окраины городка пришли двоюродные брат и сестра. Дальше, вдоль железной дороги, было поле – другое, большое, как пустыня. А за ним, как папина расчёска с мелкими зубчиками, темнел лес. Домой ребята возвращались уже в сумерках, когда вдоль улицы, словно мамины бусы, уже горели огни фонарей.

Назавтра Лёлька проспала до обеда.

– Соня-засоня, мультики начались, – позвал Сергей, хлопнув её по носу черновиком. – А что у тебя с лицом?

Увидев на лице многочисленные пятна, девочка заревела, пока не забылась тяжким сном. Как всегда, в обед появилась мама. Откуда-то взялась и тётя в белом халате с ящиком в руках.

– Корь, – недовольно сказала она.

Больную долго лечили разными микстурами. Девочка глядела в потолок, который то приближался, то удалялся. Казалось, что она дотрагивается до него руками. «Какой корявый, как моя корь!» – и вновь погружалась в сон. Оказывается, Лёлька бежала в лес, следом – дед Арся. Лес почему-то становился крышей их сарая. Лёлька хотела взлететь в «космос», но вместо этого падала вниз, где дед голосом хриплой тёти Тамары воспитывал свою дочь. Наконец, дед Тамара успокоился:

– Теперь всё хорошо!

Лёлька открыла глаза. Так вкусно пахло пирогами, что девочка босиком «прошлёпала» на кухню.

Рядом с мамой сидела тётя Тамара, ела горячий пирожок и успевала улыбаться во весь рот:

– Теперь вот с внучкой водиться буду!

– Лёля, ты поесть захотела? Ну, значит, на поправку пошла, – обрадовалась мама.

ЛЯГУШАЧИЙ САНАТОРИЙ

Лёлке всё ещё не разрешали гулять.

– Смотри, дед Арсений живо скажет, если выйдешь. Тогда отец тебя накажет, – предупредила мама Вера.

Дочка тяжело вздохнула и представила, как хорошо на улице. Брат с сестрой после школы уехали на лыжах в лес. Однажды Сергей и Лёльку взял

кататься. Было морозно, и в гулкой тишине деревья стояли пушистые и белые, что бабушкино кружево. Они окружали детей, будто живые, оглядывая их.

Во второй раз стояла солнечная весенняя погода. Папина берёзка под окном, как девушка платочком, махала Лёльке «плакучими» ветвями. И лес был совсем не таким. В синем небе плыли сероватые облака, через них просвечивали зелёные лапы ёлок. Золотистый свет снега с фиолетовыми тенями бил в глаза, почему-то радуя. Думая об этом, Лёлька вздохнула ещё раз и вдруг вспомнила:

– Скоро должна прийти врачиха, а я же ещё витаминку не съела!

Она полезла в буфет, где стояла круглая баночка с железной крышечкой, доверху набитая кисло-сладкими «горошинками». Девочка не справилась с тугой крышечкой, отчего «горошинки» раскатились по кухне.

– Ну вот, с полу кушать нельзя. Так маме и скажу: рассыпались, – объясняла кому-то Лёлька, складывая упавшие витаминки в рот. Потом взяла из баночки всего одну, как было велено.

Вскоре вернулись Сергей с Татьяной. Но сестра тут же ушла к подруге, а брат занялся делами. Лёльке ничего не оставалось, как дрессировать зайца. Его Сергею подарил сосед-охотник. Когда прошли первые восторги от зверька, Лёлька стала замечать, что он не только хорошо барабанит лапами, но и старательно помогает ей обдирать со стен обои, будто кору с деревьев. Папа Коля и без того не успевал переклеивать их, особенно в кухне, потому что младшая дочь не могла спокойно смотреть на непонятные узоры. Ей казалось, что художник изобразил на них слонят, но с короткими хоботками, или смешных человечков, которые тоже нуждались в Лёлькином карандаше...

Заяц оказался плохим учеником, и они с девочкой всё кругом перевернули, даже пролили ей на волосы клей. Нехорошим оказался и брат, который в наказание «слопал» у сестрёнки шоколадную медальку. А она же припасена для обмена на Танины «расчудесные фантики»!

– Ну, Серёжка, погоди! – Лёлька с большим блюдом скрылась за дверь, чтобы набрать воды.

В это время пришла наконец врач в белом халате и с жёлтым облаком волос на голове.

– Где же больная? – спросила она, входя на кухню.

Из-за шума воды Лёлька ничего не слышала. Она толкнула дверь, взмахнула блюдом на Сергея, а тот отскочил. «Жёлтое облако» осело под натиском воды...

– Врач уже здесь? – мама Вера торопливо вошла в кухню.

Там стояла мокрая женщина и глядела на маленькую девочку, у которой, будто иглы дикобраза, торчали во все стороны склеенные волосы.

Позже дети дружно «подпирали» углы.

«Тётя врач теперь меня, наверно, не пошлёт в санаторий, – расстроилась Лёлька. – Была бы стрекозой, летала бы сама. Или нет – её кто-нибудь поймает, а то ещё лягушка слопает... Вот – лягушкой! А если что – бульк в воду. Только чем там дышать, да ещё зимой?»

И тут девочка вспомнила: она видела подо льдом канавы замёрзшую лягушку, когда бегала от тонких лучиков-трещинок. «Да уж лучше так, девочкой оставаться».

Когда наказание закончилось, папа раскрыл новую книгу о Малыше и Карлсоне. «Я ведь тоже умею летать», – подумала Лёлька. Она легонько взмахнула руками. Окно растворилось, девочка полетела над улицей. А из снега прорастали цветы, над ними порхали бабочки. Откуда-то прибежала тётя врач, звала Лёльку в санаторий. Но девочка уже парила над водой, где квакали лягушки. Она бросала всем цветы и самый крупный – смешному Карлсону...

**Елена
РИЗАЕВА**

О «ВОЛШЕБНОМ ФОНАРЕ» ДЛЯ «ДОИСТОРИЧЕСКОГО МАЛЬЧИКА»

А вы читали повесть Э. д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика?» Нет? Тогда предлагаем вместе с нами отправиться в увлекательное путешествие и узнать не только сюжет этой повести, но и что такое «Волшебный фонарь» и световые картинки.

В фондах музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского хранятся световые картинки для «Волшебного фонаря», иллюстрирующие повесть Э. д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика». Они сделаны Верой Александровной Пыпиной, племянницей известного писателя, критика, философа Н. Г. Чернышевского. Это дочь академика Санкт-Петербургской академии наук, литературоведа, Почётного гражданина Саратова Александра Николаевича Пыпина. Дом, в котором он родился, до сих пор находится на территории Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского.

Вера Александровна родилась и выросла в Санкт-Петербурге. Совсем недавно, 12 ноября, в Историческом парке «Россия – моя история» была открыта выставка «В. А. Пыпина: «Если рухнет всё, нужно жить духовными ценностями» (к 100-летию гражданской войны в России и 100-летию основания музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского). Посетители выставки могли увидеть фотографии юной Веры Александровны, её дневники, автографы, а также световые картинки и сам «Волшебный фонарь». Не только детей, но и взрослых необычные картинки привлекают внимание. Они нарисованы красками на стекле и окантованы в деревянные рамки. Такие картинки демонстрировались с помощью «Волшебного фонаря»: проекционного аппарата, состоящего из деревянного или металлического корпуса с отверстием, или объективом. В корпусе размещён источник света. «Волшебный фонарь» появился давно. В 17-м веке источником света служила свеча или лампада, позднее – электрическая лампа. Изначально «Волшебный фонарь» использовали для развлечения людей знатного сословия. Но вскоре к нему пришла популярность и у простого населения.

В 17-м веке устроители представлений скрывали «Волшебный фонарь» от глаз зрителей. Образы проецировались на клубы дыма, поэтому иногда их называли ещё и туманными картинками. Также для проекции применяли стены или экраны небольшого формата из-за слабых источников света. Часто демонстраторы использовали так называемые «оптические ящики» на колёсах. Их стенки были сделаны из прозрачной материи, на которой можно было показать картинки. «Туманные» картинки, попадая в «фонарь», преображались в прекрасные и правдивые видения, а сам «фонарь» в руках опытного лектора был источником и знания, и радости, просвещения и развлечения.

В 19-м веке устроители народных чтений с помощью световых картин стремились использовать «Волшебный фонарь» уже как средство иллюстрации и просвещения неграмотного или малограмотного населения. Таким образом слушателям сообщали ряд новых сведений и знаний, пробуждающих их интерес к окружающим явлениям жизни и природы. Но вместо научного языка в таких способах познания нового лектор говорил языком художественных образов, как в театре, и воздействовал на эмоциональные стороны юных слушателей. Можно с уверенностью сказать, что световые картинки и «Волшебный фонарь» конца 19-го века – это уже не только средство развлечения, но и средство познания нового, к тому же оно приблизило людей к начальному рубежу в развитии кинематографа.

Следует отметить, что интерес к световым картинкам и большой труд по их изготовлению был поддержан на различных конкурсах. Сохранились свидетельства, что автор работ Вера Александровна Пыпина участвовала в Международной выставке «Детский мир» в 1903 году, проходившей в г. Санкт-Петербург в Таврическом дворце. Световая картинка возникает в результате сложного процесса раскраски ручным способом. Автор работ должен хорошо знать иллюстрируемое произведение, уметь работать с техникой и материалами для световых картин, уметь рисовать.

Талант художницы с детских лет проявился у Веры Пыпиной. Первые рисунки на бумаге – это её зарисовки цветов, изображения животных карандашом. Позже занятия с художником Михаилом Фёдоровичем Каменским развили её способности. Она рисует в технике акварели. Это живописная техника, использующая акварельные краски, при растворении в воде образующие прозрачную смесь тонкого пигмента, и позволяющая за счёт этого создавать эффект лёгкости, воздушности и тонких цветовых переходов.

Именно Вера Александровна стала автором первого изображения дома Чернышевских в Саратове, когда была здесь проездом из Боржоми. Известно, что в конце 19-го века, в 1895 году, В. А. Пыпина основала свою мастерскую световых картин, которая называлась «В. А. Беренштам». Именно там реализовались её фантазии, выполнялись и иллюстрации к различным произведениям. Она создала огромное количество световых картинок. Некоторые из них к произведениям, которые она читала ещё совсем маленькой девочкой и которые запали в её душу. Вера сообщала, что читать научилась очень рано, с пяти лет. *«Вокруг меня все читали, и я стала сама приглядываться к буквам»*. Вспоминала, что подарок, сделанный однажды родителями на Рождество, был именно книжка «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. Её она знала наизусть.

В определённый момент детские книги уже перестали вызывать интерес. Лет с 9 она стала заходить к отцу за книгой, с вопросом: «Что бы мне почитать?». Вероятно, в эти юные годы всем своим поведением Вера старалась казаться отцу совсем взрослой, и он чаще всего предлагал ей читать Н. В. Гоголя, такие произведения, как «Вий», «Вечера на хуторе

близ Диканьки». Стоит заметить, что повести Гоголя пришлись ей по вкусу, «пленили живописностью, причудливостью фантастики и, главное, прелестью языка». Несомненно, это мысли человека, который прочёл не одну книгу, а осознанность чтения и понимания произведения в столь юном возрасте ещё более ценны: значит, оно – произведение – доступно разуму, чувствам и воображению ребёнка. В. А. Пыпина рано познакомилась с творчеством Н. А. Некрасова. Она прочла «Крестьянских детей» и «Сашу». Будучи маленькой девочкой, она видела Некрасова, когда известный поэт входил в кабинет её отца. Портреты многих литературных деятелей впоследствии Вера Александровна создавала в своей мастерской.

В период Первой мировой войны в Центральном бюро попечительств Вера Александровна работает с неграмотным населением – детьми и взрослыми, демонстрируя с помощью «Волшебного фонаря» произведения классиков. До революции 1917 года Вера Пыпина изготовила в своей мастерской сотни световых картинок. Своё «детище» – мастерскую – она не оставила и в трудные, переломные для страны годы. Материала в то тяжёлое время, в революционные годы и в годы гражданской войны, в стране не было. Его для изготовления картинок Вера Александровна старалась заказать в Финляндии – это ортохроматические пластинки, светочувствительные материалы, у которых основой являются стекло и гидрохинон, использующийся как проявитель в фотографии.

На выставке «В. А. Пыпина: «Если рушится всё, нужно жить духовными ценностями» представлено несколько её работ. Световые картинки иллюстрируют сюжет повести «Приключения доисторического мальчика» французского писателя Эрнеста д'Эрвильи. Перевод его книги – а это единственное из его произведений, переведённое на русский язык – был опубликован ещё в конце 19-го века. Главный персонаж повести – 9-летний мальчик Крег. Его детство давно позади, в первобытном обществе взрослеют быстро. Крег многое умеет: ловит птиц, изготавливает орудия труда и боя. Однажды мужчины племени уходят на охоту, а Крег сторожит огонь. Из-за голода он покидает пост, и пламя потухает. За проступок Крега изгоняют из племени. Крег ночует на дереве, сражается и побеждает рысь. Его вскоре нагоняют несколько юных соплеменников, чтобы отправиться в путь вместе. Друзья зимуют в пещере, а после знакомятся с озёрным племенем. Некоторое время спустя Крег находит других отставших от изгнавшего его племени. В конце повести Крег становится вождём. Произведение, несомненно, поучительное, призывающее уважать старших и не забывать об ответственности. Большинство таких поучительных произведений и старалась иллюстрировать, переводя на стекло и раскрашивая В. А. Пыпина, чтобы затем пересказать детям интересный сюжет произведения.

На выставке, посвящённой гражданской войне «В. А. Пыпина: «Если рушится всё, нужно жить духовными ценностями» (к 100-летию гражданской войны в России и 100-летию основания музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского), организованной при поддержке фонда «История Отечества» Российского исторического общества, посетители могут узнать о жизни обычных людей в начале 20-го века, их увлечениях и интересах.

Давайте и сегодня будем больше читать, учиться рисовать, изучать иностранные языки. Ведь и в наше время много талантливых людей, которые могут оставить после себя, как и В. А. Пыпина, богатое наследие, интересное потомкам.

*Саратовская областная библиотека
для детей и юношества им. А.С. Пушкина*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Художница – Ирина Шин.

Подписано в печать 11 декабря 2019 года.

Дата выхода в свет 31 декабря 2019 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/1112/9

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 69-54-41.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2019.

© «Волга–XXI век», 2019.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИЦЫ ИРИНЫ ШИН

У афиши «Муравы»

В «Мураве»

Ирина Шин
Иллюстрация к рассказу Анны Морковиной
«Ольга Кошкина и конец прекрасной эпохи»

ISSN 1993-9477

11219